

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
ТОМ 13 • № 2 • 2021 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ
DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочиш А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабьшина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Баренков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокрыцкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Ланов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серушин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Moscow University Bulletin of World Politics

Vol. 13 • No. 2 • SPRING • 2021

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки); 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601

Тел.: 8 (495) 939-52-71 E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать... Формат 60 × 90/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. ... Уч.-изд. л. ... Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 11815. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2021

MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN OF WORLD POLITICS

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

(НЕ)СОВЕРШЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ: ПОПУЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	7
Фишман Л.Г. «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме	13
Глухова А.В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда?	33
Прохоренко И.Л. Феномен левого популизма в Испании	62
Белинский А.В., Хорольская М.В. «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ	87
Шлыков П.В. Популизм в политической культуре Турции: внешне-политическое измерение	126
Хейфец В.Л. Внешняя политика А.М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии	171
Ноженко М.В. Многоликость правого популизма. <i>Рецензия на книгу «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуновой и А.И. Тэвдой-Бурмули</i>	203

**(IM)PERFECT REFLECTION:
POPULISM AND CONTEMPORARY
POLITICAL SYSTEMS**

CONTENTS

Editorial Note	7
Fishman L.G. ‘Empty Signifier’: The Concept of ‘Populism’ in the Contemporary Mainstream Political Science.	13
Glukhova A.V. Populism in the 21st Century: Today, Tomorrow, Always? .	33
Prokhorenko I.L. Left-Wing Populism in Spain	62
Belinskii A.V., Khorol’skaya M.V. ‘Another Brick in the Wall’. On the Origins of Nationalism in the ‘New’ Federal States of Germany ...	87
Shlykov P.V. Populism in the Political Culture of Turkey: The Foreign Policy Dimension	126
Jeifets V.L. Foreign Policy of A.M. López Obrador: Declarations and Reality	171
Nozhenko M.V. Many Faces of the Right-Wing Populism. <i>Book Review of ‘Right-Wing Populism: Global Trend and Regional Features’ ed. by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoi-Burmuli</i>	203

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья!

Вашему вниманию представляется очень необычный, если не сказать уникальный, выпуск нашего журнала. Подобное заявление может показаться довольно смелым, поскольку в фокусе внимания находится феномен популизма, который в последние годы превратился в предмет самой активной полемики как в российском, так и в зарубежном экспертном сообществе. Этот всплеск исследовательского интереса к проблематике популизма на самом деле неудивителен — он продиктован объективными тенденциями общественно-политических процессов и в развитых, и в развивающихся странах. Как следствие, нет недостатка ни в научных статьях, ни в монографиях, в которых рассматривались бы те или иные аспекты теории и практики популизма.

Однако в рамках данного выпуска указанный феномен стал объектом своеобразного научного эксперимента. Авторам, которые представляют ведущие центры российских исследований мировой политики и придерживаются самых разных теоретических подходов, было предложено порассуждать о международно-политических аспектах популизма, его влиянии на формирование внешнеполитических курсов и стратегий тех или иных государств. При этом специально не задавались единые концептуально-теоретические рамки, никоим образом не конкретизировалась общая направленность исследований, не давалось никаких априорных нормативных установок («популизм как угроза», «популизм как вызов»). По сути, речь шла о том, чтобы получить набор максимально непредвзятых оценок, составляющих срез мнений представителей российского экспертного сообщества относительно причин роста востребованности популистских партий и движений как одного из мегатрендов современной мировой политики. Результат получился весьма неожиданным, в чем мы приглашаем всех наших читателей убедиться лично.

Открывает выпуск концептуальная статья доктора политических наук Л.Г. Фишмана (Институт философии и права УрО РАН), в которой освещен комплекс проблем, связанных с теоретическим

осмыслением популизма. Автор отмечает крайнее разнообразие трактовок и определений этого феномена, которое поневоле заставляет задуматься, не является ли слово «популизм» пустым символом, попыткой просто отгородиться от всех неудобных проблем и процессов, закрыв их одной концептуальной скобкой? Для ответа на этот вопрос Л.Г. Фишман предлагает рассмотреть феномен популизма с точки зрения современного политологического мейнстрима, сформировавшегося из пересечения и взаимного наложения дискурсов транзита, модернизации, саморегулирующегося рынка и либеральной демократии как идеала общественно-политического устройства. Подобный подход позволил автору вскрыть крайне неоднозначные последствия увлечения нарративом популизма в западном политологическом мейнстриме, когда этот концепт не только оказывается средством критического описания деятельности ряда современных партий и движений, но и парадоксальным образом обращается против господствующих политических режимов, обнажая их отход от собственного нормативного идеала и постепенное перерождение в самоотрицание. Именно это последнее обстоятельство и объясняет во многом неспособность мейнстрима в полной мере осмыслить феномен популизма, поскольку этот мейнстрим сам призван легитимизировать современные политические институты. Таким образом, проведенный Л.Г. Фишманом анализ не только позволяет приблизиться к пониманию противоречивой природы популизма, но и дает возможность выйти на более широкий круг вопросов, связанных с состоянием современных политических, в том числе международно-политических, исследований в целом.

Линия на рассмотрение феномена популизма в контексте более широких тенденций развития современных политических систем получает логическое продолжение в статье доктора политических наук А.В. Глуховой (Воронежский государственный университет). В центре внимания автора оказываются неоднозначные последствия процессов глобализации, которые связаны как с углублением разрыва между странами глобального Севера и глобального Юга, так и с появлением новых линий разлома внутри этих стран. Возникающей напряженностью, которая только усилилась из-за последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., поспешили воспользоваться различные популистские партии и движения. Однако главный вывод статьи, основанный на последовательном анализе ряда отличительных черт популистской волны XXI века, заключается в том,

что волна эта порождена прежде всего не внешними факторами, а внутренней эволюцией современных политических систем и может рассматриваться не просто как временная девиация, а как постоянный элемент либеральной демократии в новых реалиях.

Эти наблюдения, недвусмысленно указывающие на то, что популизм — это всерьез и надолго и его следует рассматривать как неотъемлемый элемент «новой нормальности», с удивительной точностью подтверждаются при обращении к конкретным страновым кейсам, причем независимо от того, говорится ли о развитых или развивающихся странах, государствах Запада или Востока, Старого Света или Нового. Речь, естественно, не идет о полной аналогии, абсолютном совпадении всех специфических черт популизма в каждом отдельном случае. В то же время схожесть авторских оценок, основанных на независимом анализе уникальной страновой фактуры, свидетельствует о наличии общего субстанциального ядра у всех исследуемых проявлений популизма.

Так, в статье доктора политических наук И.Л. Прохоренко (ИМЭМО РАН) проанализирован феномен левого радикального популизма в Испании. Особое внимание уделено фигуре лидера левопопулистской партии «Подemos» Пабло Иглесиаса. Автор показывает, что традиционные объяснения причин роста востребованности популистских идей в Южной Европе и в Европейском союзе в целом, связывающие их с фрагментацией политических систем и непреодоленными последствиями кризиса суверенных долгов, хотя и верны, но недостаточны. В действительности указанные процессы и явления обнажили комплекс более фундаментальных проблем, свидетельствующих об исчерпанности потенциала современных моделей экономического и общественно-политического развития. Именно эти проблемы, справиться с которыми традиционные политические силы оказываются не в состоянии, и создают питательную среду для различных популистских движений и харизматичных лидеров. Вследствие этого можно с уверенностью утверждать, что популизм прочно вошел в политическую жизнь современных обществ и едва ли сойдет с исторической сцены в ближайшие годы.

При этом речь не идет о некой уникальной характеристике политической культуры стран Южной Европы. Похожие тенденции и проблемы прослеживаются и на примере одного из локомотивов западноевропейской интеграции — ФРГ. В статье, написанной в соавторстве А.В. Белинским (ИНИОН РАН) и М.В. Хорольской (ИМЭМО

РАН), исследуются причины популярности правопопулистских партий и движений в «новых» федеральных землях Германии. Авторы видят эти причины в распространенности на востоке страны националистических и ксенофобских настроений, которые в свою очередь объясняются как незавершенностью процессов объединения и сохранением структурных экономических диспропорций между «старыми» и «новыми» федеральными землями, так и неоднозначными результатами идеологической политики, проводившейся руководителями ГДР в годы холодной войны. Предпринятый анализ позволяет не только создать более подробный портрет восточногерманского национализма, но и показать, что востребованность популистских лозунгов в современной Германии носит не случайный, а объективный, исторически обусловленный характер.

О том, что феномен популизма не сводится лишь к внешним проявлениям, что он в свою очередь становится выражением сложных экономических, социальных, политических и культурных процессов, недвусмысленно говорят и исследования, обращенные к кейсам буквально с разных концов географии. Так, для того чтобы выявить специфику современного популизма в Турции и, что особенно важно, оценить его влияние на внешнюю политику Анкары, доцент П.В. Шлыков (МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН) провел последовательный анализ эволюции политической культуры страны в период с 1940-х годов по настоящее время. Такой подход позволил показать, что в той или иной форме популизм был элементом политической жизни Турции на протяжении всей ее новейшей истории, а ее нынешний президент Р.Т. Эрдоган, которого часто приводят в пример в качестве типичного современного политика-популиста, лишь развил и дополнил этот дискурс новыми нарративами. В то же время П.В. Шлыков подчеркивает, что в своей популистской риторике Р.Т. Эрдоган пошел значительно дальше своих предшественников, поставив ей на службу и внешнюю политику страны, сведя последнюю до ряда простых бинарных оппозиций (Турция как защитница интересов мусульман — «враждебный» Запад) и замкнув на себе принятие ключевых внешнеполитических решений. В итоге, по мнению автора, в настоящий момент можно говорить о феномене «эрдоганизации турецкой политики», который ведет к нарастающей изоляции страны на международной арене.

Впрочем, такой сценарий развития событий после прихода к власти популистского политика не является единственно возмож-

ным. В статье доктора исторических наук В.Л. Хейфеца (Санкт-Петербургский государственный университет) рассмотрены особенности внешней политики действующего президента Мексики А.М. Лопеса Обрадора. Автор задается вопросом, является ли эта политика реалистичной, в какой мере она отвечает традиционным приоритетам Мексики на международной арене, а в какой — следует популистской предвыборной риторике. Проведенный анализ позволил установить, что администрация А.М. Лопеса Обрадора придерживается достаточно традиционного внешнеполитического курса, продиктованного объективными особенностями внутриполитического и международного положения страны. Этот курс выкристаллизовался за годы сложного лавирования между интересами великих держав в регионе и, как показывает практика, не располагает к рискованным внешнеполитическим экспериментам. В то же время можно ожидать, что противоречие между изначальными популистскими установками администрации А.М. Лопеса Обрадора и достаточно сдержанными шагами во внутри- и внешнеполитической сферах рано или поздно заявит о себе и заставит действующую администрацию всё же определиться со своими политическими предпочтениями.

Закрывает выпуск рецензия М.В. Ноженко (СЗИУ РАНХиГС) на коллективную монографию «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуновой и А.И. Тэвдой-Бурмули. Автор останавливается на каждой главе, кратко комментируя основные выводы. М.В. Ноженко заключает, что проделанная авторами книги работа вносит значительный научный вклад в изучение проблематики правого популизма и ставит новые исследовательские вопросы. В целом книга наглядно демонстрирует противоречивость феномена популизма, его имманентную связь с современными тенденциями развития политических систем, а также выявляет социально-психологические факторы, обуславливающие популярность подобных установок и идей.

Таким образом, можно заключить, что представленные в данном выпуске статьи при всех различиях в авторских подходах и постановке исследовательского вопроса отличает удивительное фундаментальное единство, когда речь заходит о содержательных, сущностных особенностях рассматриваемого феномена популизма. Предлагаемый вашему вниманию номер можно с полным основанием рассматривать не просто как очередной выпуск научного журнала

или сборник статей, а как полноценное коллективное исследование. Оно позволяет однозначно отнести популизм к числу важнейших отличительных черт современного этапа трансформационных процессов в мировой политике, напрямую из них проистекающих и в свою очередь служащих их наглядным выражением. Оно также показывает, что поиск научного определения феномена популизма должен идти не в направлении каталогизации его конкретно-страновых преломлений или дискурсивного анализа его риторических проявлений, а в направлении выявления и изучения его органической связи с объективными и динамически развивающимися процессами социального и экономического развития современного общества. Хочется надеяться, что данный выпуск нашего журнала сможет внести свой вклад в дальнейшее развитие научных исследований феномена популизма и в укрепление диалога по этой проблематике между российскими экспертами-международниками.

Желаем вам приятного чтения!

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32

Научная статья / Research paper

Л.Г. Фишман*

«ПУСТОЙ ЗНАК»: КОНЦЕПТ «ПОПУЛИЗМА» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ МЕЙНСТРИМЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук»
620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16*

Цель статьи — прояснение природы феномена современного популизма, а также обозначение перспективных путей его научного изучения. Для этого представляется необходимым проанализировать данный феномен с точки зрения логики развития современного политологического мейнстрима. Под последним понимается совокупность парадигм, в рамках которых рассматриваются ключевые социальные, экономические, политические и культурные феномены в современных обществах. Автор выдвигает гипотезу о том, что крайнее многообразие трактовок природы и сущности популизма, а также невозможность дать удовлетворяющее всех определение этого парадоксального явления современности обуславливаются именно особенностями политологического мейнстрима. Показано, что он складывается на пересечении дискурсов транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и «конца истории» и являет собой иерархию глобального знания, выстроенную на трех своеобразных «китах»: господстве Запада, капитализме и либерализме. Автор подчеркивает, что в контексте данных дискурсов незападный популизм рассматривается как относительно прогрессивное явление, как индикатор и актор процессов, итогом которых являются капитализм и демократия. Популизм в этом случае трактуется как переходное звено к «правильному» Модерну. Однако те же самые по своей природе политические движения, практики, риторика, относящиеся уже к западному популизму, обычно характеризуются как отклонения от нормы, от Модерна в целом и в первую очередь от идеала либеральной демократии. При этом в статье обосновывается тезис, что по мере того как западные либеральные демократии

* *Фишман Леонид Гершевич* — доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (e-mail: lfishman@yandex.ru).

трансформируются в «согласительные политические режимы» («олигархии») и становятся всё более похожими на «дефектные демократии», они превращаются в такое же отклонение от нормативного идеала, как и всё, что называется популизмом. Тем самым понятие «популизм» в современных условиях начинает обозначать не просто некое отклонение от идеала, но и рождение новой реальности, до конца понять и осмыслить которую политологический мейнстрим оказывается не в состоянии. Понятие «популизм» превращается в «пустой знак» и начинает играть роль собирательного символа. Им представители мейнстрима склонны объединять все неудобные и беспокоящие социально-политические феномены, которые они не могут или не хотят объяснить.

Ключевые слова: популизм, обществоведческий мейнстрим, Модерн, либеральная демократия, дефектная демократия, олигархия, согласительные политические режимы, неолиберализм.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31025 «Альтернативы политологическому мейнстриму в условиях кризиса глобального политического порядка».

Для цитирования: Фишман Л.Г. «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 13–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32.

Leonid G. Fishman

**‘EMPTY SIGNIFIER’: THE CONCEPT OF ‘POPULISM’
IN THE CONTEMPORARY MAINSTREAM
POLITICAL SCIENCE**

*Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16 S. Kovalevskaya st., Yekaterinburg, Russia, 620990*

The paper aims to clarify the origins of contemporary populism, as well as to outline the prospects for further research on this matter. The author examines this phenomenon within the framework of the dominant mainstream in political science. The latter imply the totality of approaches to conceptualization of the

key modern social, economic, political and cultural issues. The author advances a hypothesis that both the extreme diversity of the views regarding the nature of populism and the impossibility to develop an all-encompassing definition of this paradoxical phenomenon directly stem from the characteristic features of this dominant discourse. The paper shows that this discourse emerged from the overlapping narratives of transition, modernization, free market, unlimited economic growth and 'the end of history' and establishes an hierarchy of global knowledge based on three principles: Western dominance, capitalism and liberalism. The author emphasizes that within this theoretical framework non-Western populism is portrayed as a relatively progressive phenomenon, as a means and an indicator of progress towards capitalism and democracy. In this case populism is interpreted as an element of transition to a 'proper' Modernity. However, identical political movements, practices and rhetoric of the Western populists are usually portrayed as a deviation from the norm, from Modernity in general and the ideals of liberal democracy in particular. Meanwhile, the paper argues that as Western liberal democracies transform into 'conciliatory democracies' ('oligarchies') and increasingly resemble 'defective democracies', they themselves start to deviate from the normative ideal, just as any regime they label 'populist'. Therefore, the existing concepts of populism signify not only a certain deviation from the ideal but also the birth of a new reality which cannot be conceptualized within the framework of the contemporary mainstream political science. The concept of populism appears as an 'empty signifier' and as a collective term for all inconvenient and troubling social-political phenomena that mainstream political scientists are unable or unwilling to explain.

Keywords: populism, mainstream political science, Modernity, liberal democracy, defective democracy, oligarchy, conciliatory democracy, neoliberalism.

About the author: *Leonid G. Fishman* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lfishman@yandex.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-31025.

For citation: Fishman L.G. 2021. 'Empty signifier': The concept of 'populism' in the contemporary mainstream political science. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 13–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32. (In Russ.)

Цель этого небольшого исследования — с одной стороны, проявление некоторых содержательных аспектов феномена современного популизма, а с другой — обозначение перспективных путей его научного изучения. Для этого нам представляется необходимым провести сопоставление той роли, которую термин «популизм» играл в политологическом мейнстриме на пике своего влияния (в качестве объяснительной и легитимирующей силы в рамках присущих ему подходов), и той, какую он играет сейчас, когда вся эта парадигма сама оказалась поставлена под сомнение. Мы попытаемся показать, что именно изменением роли популизма в политологическом мейнстриме обусловлены как многообразие его трактовок, так и невозможность дать удовлетворяющее всех определение этого парадоксального явления современности.

Итак, при том что феномен популизма обсуждается весьма активно, политическая наука недалеко ушла от обыденного представления о нем. В силу этого к популизму относят едва ли не всё что угодно: от политики Владимира Путина, Алексея Навального, Реджепа Эрдогана и Дональда Трампа¹ до деятельности некоторых политических сил, приходивших к власти в Италии («Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони, «Пять звезд» Бeppe Грillo), Венесуэле («Единая социалистическая партия Венесуэлы» Уго Чавеса), Польше («Право и справедливость» Леха Качиньского), Венгрии («Фидес» Виктора Орбана), Бразилии («Движение к социализму» Эво Моралеса) или претендующих на победу в ряде стран Европы. Между тем очевидно, что указанные партии, лидеры и связанные с ними политические режимы достаточно сильно отличаются друг от друга, тогда как устанавливаемое между ними популистское родство сводится едва ли не только к общим риторическим оборотам вождей. Эта проблема постоянно затрагивается зарубежными и отечественными авторами: общепринятыми стали сетования на то, что до сих пор не удается дать четкое, охватывающее все прецеденты определение популизма [см., например: Вайнштейн, 2013; Фишман, 2017]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: не является ли сегодня само понятие «популизм» чем-то вроде «пустого знака», дискурсивной заплатки, прикрывающей ряд еще не

¹ Что весьма удивительно, поскольку едва ли не общепризнано, что характерной чертой популизма является противопоставление «народа» и «элиты» [Мюллер, 2018].

вполне осмысленных общественными науками феноменов? И если это верно, то каким образом это связано с современным состоянием наук об обществе?

Показательно, что когда популизм появился на политической сцене в конце XIX в. в США, его содержание было гораздо яснее и конкретнее нынешнего. В Америке это слово фигурировало в названии фермерской партии, созданной в 1891 г. и провозгласившей борьбу за передачу государству железных дорог и телеграфа, введение подоходного налога и ограничение земельной собственности. Это было просто одно из движений низов, которое со временем интегрировалось в американскую двухпартийную систему [Куропятник, 1971]. Еще в 1960-е годы популистскими считались ряд латиноамериканских движений, партий, лидеров, нацеленных на удовлетворение потребностей ранее не вовлеченных в политику социальных низов. В принципе, популизм представлял как момент движения от домодерна к Модерну в экономике и политике. Модерном в политике была, конечно же, либеральная демократия, а в экономике — капитализм и индустриализм.

Сегодня же популизмом называется, как мы заметили выше, почти всё что угодно, хотя так не было ни в те времена, когда он возник, ни даже в несколько более поздний период. Плоской антитезой либеральной демократии популизм стал не сразу. Таким его сделало закоснение парадигм политологического мейнстрима, которое, раз отведя для него определенную нишу, в дальнейшем способствовало помещению в нее же всё новых похожих феноменов независимо от того, насколько полно они в нее вписывались. Что это за парадигмы?

Функции и роль популизма с точки зрения политологического мейнстрима

В этом вопросе мы исходим из представления, согласно которому ключевой целью общественных наук является предложение вариантов решения насущных социальных проблем на основе осмысления социально-политических феноменов и процессов. Решая подобные задачи, общественные науки одновременно выполняют функции легитимации политического порядка. Доминирующую парадигму, в рамках которой осуществляются такое осмысление и легитимация, мы и называем далее обществоведческим, или политологическим мейнстримом. Политология, социология, экономика и в целом науки

об обществе имеют общие метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых протекают совместные базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном. Мейнстрим в качестве ценностного ядра образуется на пересечении всех проблемных полей общественных наук в конкретно-историческое время. В условиях доминирования дискурсов транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и «конца истории» сложился современный обществоведческий мейнстрим — иерархия глобального знания, выстроенная на трех своеобразных «китах»: господстве Запада, капитализме и либерализме.

В первую очередь речь идет об, условно говоря, парадигме «конца истории», согласно которой либеральная демократия и весь комплекс ее экономических и социоструктурных предпосылок являются оптимумом социального и политического развития [Мартьянов, 2020]. В этой связи в рамках данного комплекса парадигм популизм рассматривается прежде всего в его отношении к либеральной демократии. «Спустя сто шестьдесят лет после Манифеста Маркса призрак, преследующий Европу, получил новое лицо и новое имя. Это больше не призрак коммунизма; это призрак популизма. Последнее не угрожает буржуазии и *ancien régime*; это скорее угроза конституционной демократии» [Dominijanni, Casarino, 2014: 168]. При этом под демократией понимаются современные либеральные демократические режимы (конституционные демократии). Последние сравнительно с политическими режимами прошлого или, например, коммунистическими, фундаменталистскими и прочими подобными режимами рассматриваются как однозначно более высокая форма правления, в то время как популизм обычно осмысливается как свидетельство их деградации. Популизм также нередко описывается как явление в значительной мере архаичное, домодерное и антимодерное, особенно если речь идет о таких странах, как Польша, в которой популизм, объединяясь с католицизмом, защищает патриархальную семью и жесткий моральный порядок и «противопоставляет себя людям, которые хотят радикально модернизировать общество» [Buzalka, 2008: 761].

Разумеется, возможны нюансы, которые, тем не менее, не выходят за рамки этого подхода. Например, нередко считают, что популистская политика является единственно доступным для широких масс

способом вовлечения в демократическую политику в определенного рода режимах. Признается, что, например, в Латинской Америке популизм был средством, с помощью которого городские массы — средний и рабочий классы — были вовлечены в политическую систему, т.е. популизм выполнил ту же работу, которую в Европе сделали социал-демократические партии и сильные профсоюзы². Как отмечают исследователи, в Эквадоре, Венесуэле, Боливии популистские режимы способствуют расширению политического участия граждан сверх обычного участия в выборах. Они создали механизмы прямой демократии, такие как референдумы и плебисциты. Популистские администрации использовали выборы для вытеснения соперничающих политических элит и для постоянного сближения харизматичных президентов со своими избирателями. Популистские лидеры вынесли на суд общественности темы, которые ранее либо игнорировались, либо рассматривались как технические проблемы. «Например, они развенчали утверждения о технической нейтральности неолиберальных экспертов. Они политизировали экономику как политическую экономию, которая служит интересам определенного класса. Они также политизировали свои общества, обращаясь к тем, кто апатичен и разочарован политикой» [Torre, 2013: 43–44].

Прогрессивная роль за популизмом признается тогда, когда он способствует вовлечению масс в политику, если они ранее не имели легальной возможности повлиять на свое положение. Допускается, что, выступая против авторитарных режимов, популисты могут даже построить самую настоящую демократию, хотя это и не гарантировано. С такой точки зрения популизм описывается как политика, которая «в той или иной форме является необходимым условием всех движений против истеблишмента, прошлых и настоящих, прогрессивных или консервативных» [Comaroff, 2011: 103] и, в частности, осуществляет «работу по проектированию демократии в действии» [Comaroff, 2011: 101]. В таких случаях к популизму относятся снисходительно, рассматривая его как нормальное явление политической борьбы, которое не может быть приравнено к обычной демагогии, но «может быть даже полезным для политического и общественного развития, заставляя политических конкурентов реагировать на те

² The return of populism // The Economist. 12.04.2006. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2006/04/12/the-return-of-populism> (accessed: 22.09.2020).

или иные затрагиваемые им проблемы» [Декер, 2004: 57]. Правда, это сопровождается характерными оговорками, отсылающими к относительной отсталости социально-политического и цивилизационного контекста, в котором (и только в котором) популизм «может быть даже полезным»: «Латиноамериканский популизм был, с одной стороны, ответом на специфическую слабость средних слоев, а с другой — следствием неразвитой политической культуры. В условиях неразвитой демократии “мобилизация” масс могла осуществиться лишь “сверху”» [Декер, 2004: 61].

Если же демократия «развитая», то в рамках указанной парадигмы популизм указывает на проблемы, которым по каким-то причинам не уделялось достаточного внимания. Это еще одна его позитивная функция.

Иными словами, популизм признается прогрессивным преимущественно там, где он является одной из ступенек восхождения к вершине политического развития — либеральной демократии, участвует в ее конструировании. Там же, где такая демократия уже существует (или же так считается), рост популизма становится свидетельством ее болезни (шире — болезни общества) и попыткой лечения негодными средствами. Ибо, как выразился Зигмунд Бауман, «популизм предлагает нереальные методы решения реальных проблем. Опасность популизма — в пренебрежении правилами демократической игры, сведении политики к борьбе добра со злом» [Бауман, 2008: 211]. Популизм «может быть протодемократическим и дореволюционным движением, когда демократия еще не сформировалась и является лишь целью», но в условиях уже развитой либеральной демократии чреват опасностями «демократического империализма», навязыванием низких культурных стандартов, «равнодушен к требованиям конституционализма»³. Точно так же на фоне современных идеологий и утопий популизм интерпретируется не более как «разновидность фрагментарной идеологии, которая, будучи слабой, ограниченной и ущербной в своем концептуальном ядре, открыта к “браку по расчету” с более цельными идеологиями» и сравнивается с вирусом, «который настолько примитивен, что не обладает собственной клеточной структурой, однако вследствие

³ Кейтеб Дж. Против популизма: шесть тезисов о популизме и его опасностях // Гепфер. 10.07.2013. Доступ: <http://gefter.ru/archive/9370> (дата обращения: 22.09.2020).

своей примитивности способен прижиться в чужой клеточной среде» [Мусихин, 2009: 45, 51].

В целом же господствует представление о популизме примерно такого рода: «Политики говорят о том, что волнует народ, и то, что народ хочет слышать; в этом — суть популизма» [«Политика постправды», 2018: 207]. Такие высказывания говорят больше о характере господствующей парадигмы, чем о феномене, который в ней осмысливается. А именно — тут обнажается изначальное недоверие к «народу», которое заложено как в практиках либеральных демократий, так и в обосновывающих их теориях: «чистая» демократия как «воля народа» опасна; адекватная же «реалиям» политика исходит вовсе не из народной воли, а из чего-то другого, будь то компетентное мнение экспертов или воля просвещенного, имущего и ответственного меньшинства.

Неудивительно, что анализ популизма в его постоянном сравнении с идеальной либеральной демократией в этой парадигме в конечном счете может показать лишь его ущербность. Однако в той же самой парадигме ущербными оказываются и те политические режимы (формально остающиеся либеральными демократиями), которым популисты оппонируют и которые якобы хотят разрушить.

Неслучайно современные либеральные демократии сейчас нередко называют «согласительными политическими системами» [Эндрейн, 2000]. Это означает, что декларируемое официально «народное правление» сменили политические режимы, в которых участники политического процесса в лице разнообразных правительственных учреждений, независимых от государства групп влияния и коалиционных политических партий для достижения целей, отвечающих интересам всего общества, вступают в сделки, образуют объединения, выполняют функцию посредников в конфликтах интересов. Они опираются на общность моральных ценностей, доверие и консенсус, возлагая на себя договорные обязательства. Улаживанию разногласий между различными группами общества способствуют независимые суды, представительные учреждения, общеобразовательные школы и др. Все эти институты содействуют осознанию необходимости сотрудничества для достижения общего блага [Эндрейн, 2000: 70]. Злые же языки гораздо более откровенны — они давно говорят, что в действительности либеральные демократии переродились в «олигархии» [Канфора, 2012]. «Более

того, — замечает по сходному поводу В.С. Мартьянов, — в системе глобальных политических практик конца XX — начала XXI в. либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ, подвергаемых морально-идеологической дискриминации. В них сохраняются тот же глубинный механизм властесобственности с полуанонимным и мягким диктатом крупных собственников; постоянно растущее экономическое неравенство, генерируемое свободными рынками; скрытая классовая и иная сегрегация; стеклянные потолки вертикальной социальной мобильности; клановость и родственное наследование депутатских, судейских, мэрских, губернаторских и даже президентских кресел» [Мартьянов, 2020: 21]. К тому же с точки зрения идеального типа здоровую реальную демократию становится всё тяжелее отличить от демократии «дефектной». И если здоровая демократия постоянно нуждается, по выражению Дж. Александра, в «*гражданском ремонте*» [Александр, 2002], то демократии, уже не могущие считаться здоровыми, требуют *ремонта серьезного*. Их лечат сочетанием уже многократно опробованных и отлично себя зарекомендовавших в «цветных революциях» насильственных и ненасильственных методов. Но, собственно, это мы и видим в последние несколько лет (и даже месяцев): методы политической борьбы, ранее применявшиеся в «цветных революциях», всё чаще используются в политической практике зрелых либеральных демократий [Фишман, 2019а].

Проблема усугубляется еще и тем, что либерально-демократический идеал популистов и защитников либерально-демократических режимов во многом общий. Популисты борются не с идеалом, а с реальными ущербными либеральными демократиями, тогда как идеальная либеральная демократия, если бы она воплотилась, для них бы, вероятно, тоже стала «концом истории». Иными словами, сами популисты, сталкиваясь с современной «либеральной демократией», не выступают против демократии, но наличные либерально-демократические режимы не считают демократическими, справедливо указывая на ряд их пороков. Популисты косвенно признают отсутствие у них принципиальной альтернативы, апеллируя к консенсусной ценности всё той же демократии, провозглашая, что они и есть настоящие демократы [Spruyt et al., 2016: 337]. В то же время субъективно и адепты европейского популизма, и его крити-

ки порождены закатом «золотого века» истинной демократии, под которым подразумевается послевоенное тридцатилетие, когда все значимые социальные группы имели социальные гарантии и эффективное, защищавшее их интересы политическое представительство⁴. Для тех и других либеральная демократия серьезно больна. Но как только болезни будут купированы, возвратится и «золотой» (скорее относительно беспроблемный) век либеральной демократии. Ибо либеральная демократия и капитализм всё еще являются аксиоматическими основаниями всякой нормальности также и для популистов, очень значительная часть которых идеологически относятся к правому спектру.

Однако, несмотря на все усилия как поборников «правильной либеральной демократии», так и популистов, восстановления утраченной демократии не происходит. Скорее можно утверждать, что политика популистов и их противников способствовала разрушению либерально-демократических режимов с двух сторон, причем инициатива в этом предприятии принадлежала вовсе не популистам. Как констатирует, в частности, академик РАН В.Н. Руденко, кризис либерально-демократических режимов сопровождался исключением гражданского общества из публичной политики, отрицанием единых для всех игроков ценностей, нивелированием идеи необходимости сотрудничества и достижения консенсуса, постановкой под сомнение принципа верховенства закона и его единообразного исполнения всеми; сама политическая элита проявила склонность пожертвовать частью прав человека и пойти по пути конструирования государства-надсмотрщика и т.д. В то же время, полагает В.Н. Руденко, если

⁴ По крайней мере, европейский популизм возникает практически одновременно с кризисом послевоенной социальной политики, с попытками урезать социальные гарантии широких слоев населения, упадком профсоюзов и т.д. Показательно, что правые (не говоря уже о левых) популисты во многом перенимают риторику защиты послевоенных социальных завоеваний у пришедшего в упадок политического представительства «старых левых». Например, 20 лет назад программа французского «Национального фронта» начиналась с раздела «О работе для французов» (Программа Национального фронта (к выборам в законодательное собрание Франции. 1997. Доступ: http://www.zlev.ru/910_29.htm (дата обращения: 21.10.2020)), и эта социальная ориентированность сохранилась и сегодня (Гальеро Э. «Национальные интересы», безопасность и «прямая демократия» — основы программы Национального фронта // ИноСМИ. 05.03.2017. Доступ: <http://inosmi.ru/social/20170205/238669166.html> (дата обращения: 21.10.2020)). При этом «старые левые» партии, в значительной мере покинутые их избирателями, остаются соперниками популистов.

«в контексте либеральной демократии права человека есть правила, обеспечивающие защиту каждой отдельной личности от произвола власти, в популистской интерпретации категория “права человека” становится ненужной. <...> Популисты отвергают универсальность прав человека, а вместе с тем и либеральную концепцию общего блага, на достижение которого нацелены согласительные политические системы» [Руденко, 2019: 148–149]. Таким образом, можно заключить, что популисты всего лишь продолжают идти по той же дороге, по которой до них шли неолиберальные элиты. Если первые начали нарушать индивидуальные права человека и фактически отказались от либерально-демократической концепции общественного блага, то вторые лишь подхватили этот тренд. Поэтому тревога по поводу популизма во многом обусловлена тем, что за популистами просто следят более тщательно и замечают все те грехи, которые прощают старым системным политическим силам, великодушно списывая их на неизбежные издержки функционирования демократии. Таково, например, отношение к коррупции при «правильной» демократии, в которую она фактически легально интегрирована на уровне базовых принципов. Как заметил по этому поводу М. Дюверже, «подобно тому, как коррупция в Англии укрепила структуру парламентских групп, в Америке она усилила структуру избирательных комитетов» [Дюверже, 2002: 28]. Однако мы обнаруживаем совершенно иное отношение к коррупции при популистских режимах, когда причиной ее роста видится в первую очередь отступление от либерально-демократических норм [Фишман, 2019b].

В странах Европы рост популизма является одним из следствий упадка экономического и военного значения большей части граждан, размывания среднего класса [Марыганова, 2017]. Это ведет к ослаблению для правящих кругов необходимости поддерживать систему социальных гарантий в прежнем объеме и, как в Античности, к перерождению демократий, которые теряют свою социальную базу в виде традиционных трудящихся и воюющих классов. (В частности, уже первая волна старейшего в Европе итальянского популизма прямо связана с кризисом представительной демократии, деиндустриализацией и упадком полной занятости [Dominijanni, Casarino, 2014: 170]. Поэтому и берлусконовский «народ» — это не пролетарии и фермеры, чье экономическое значение очевидно, а «народ, совпадающий с телеканалом» [Dominijanni, Casarino, 2014:

171], — так же, как народ Беппе Грилло⁵ обретается в интернете [Dominijanni, Casarino, 2014: 174].)

Парадокс популизма заключается в том, что свое деструктивное для согласительных режимов действие он начинает оказывать, именно воспроизводя поведение всякой политической силы, интегрированной в систему либеральной демократии. Популисты оформляются в легальные партии, участвуют в политической борьбе; одерживая победу, вознаграждают своих сторонников и спонсоров и т.д. Словом, они отличаются от «правильных» либеральных демократов нюансами и бенефициарами своей политики. Раздача популистами льгот одним сопровождается политикой ущемления других в пользу «своих», прежде всего — ограничением прав некоторых категорий иностранцев, гомосексуалистов и др. [Albertazzi, Mueller, 2013], преференциями в пользу определенных групп национальной буржуазии или коренных жителей, которые и объявляются настоящим народом, и т.д. В целом же вся эта политика обусловлена ситуацией, когда уже давно нельзя сказать, что «прилив поднимает все лодки». Речь не идет об общем росте возможностей, как в период расцвета европейских демократий; тут хотя бы затормозить упадок и остаться при своем.

В этой связи недостаточно сказать, что популисты обнажают реальные болевые точки современной либеральной демократии, такие как элитарность, недостаточная открытость власти, неспособность избавиться от коррупции и др. Популизм — это давно уже не просто «обнажение», отражение и симптом каких-то процессов, а, если угодно, первые шаги по институционализации и идеологической легитимации результатов этих процессов. На этом фоне дальнейший закат согласительных политических режимов, — по мере которого популисты будут играть роль политического представительства уходящих (нередко не без боя) со сцены социальных групп, некогда бывших полезными, но теперь переставших, — будет далеко не единственным и, возможно, не самым значимым явлением. Это представительство вполне способно в определенные моменты добиваться успехов, но вряд ли сможет пожать плоды своего триумфа, как не смогли этого сделать афинские демагоги или римские популяры.

⁵ Комик, блогер и политик, основатель политического движения «Пять звезд».

* * *

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, когда либерально-демократический дискурс о популизме (и не только) применяется к странам, которые некогда были образцами либеральной демократии, а теперь перестают ими считаться, выявляется его ограниченность. Дискурс этот базировался на нормативном идеале, а поскольку тот поставлен под вопрос, герметичный ранее дискурс о популизме приобретает некоторую незавершенность и открытость.

Обнаруживается, что если вне Запада популизм вписывается в парадигму либерально-демократического мейнстрима, поскольку всё еще прилежно выполняет предписанную ему функцию (участвует в конструировании либеральной демократии), то на самом Западе он выступает одним из агентов возникновения некоей новой реальности и уж точно, как заметил немецкий политический аналитик и блогер С. Райнфельдт, «не является переходным феноменом»⁶ в прежнем его понимании. Иными словами, на Западе слово «популизм» скрывает в себе нечто иное по отношению не только к не-Западу, но и к недавнему прошлому Запада. Неслучайно «в современные научные работы прочно вошли в обиход понятия “нового популизма”, “популизма 2.0” или “постпопулизма”, которые характерны именно для настоящего времени» [Подрезов, 2020: 97]. Однако они не могут адекватно заместить классическую парадигму модернизации и либеральной демократии как «конца истории», которая до недавних пор успешно применялась для осмысления феномена популизма. Действительно, трудно считать такой альтернативой, например, концепцию «популизма 2.0», согласно которой его отличительной чертой является то, что коммуникационные процессы происходят главным образом в цифровой среде, и иные подобные ей концепции [Подрезов, 2020: 98].

Сегодня использование термина «популизм» — явление того же порядка, как добавление приставок «нео» и «пост». Последнее указывает на исчерпанность какого-то явления в его прежнем виде при одновременной незрелости сменяющих его феноменов и соответствующей неспособности современников дать им наименование, указывающее на нечто большее, чем на некоторое отличие их от прошлого.

⁶ Райнфельдт С. Уродливый оскал Европы // Sensusnovus. 26.05.2012. Доступ: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/05/26/13602.html> (дата обращения: 20.09.2020)

Заклучая, мы можем отметить следующее. Изначально популизм в политологическом мейнстриме был чем-то вроде младшего брата рядом со старшими — либерализмом и демократией. Он играл роль хоть и дискриминируемого, но всё же родственника, символизируя собой незрелые варианты «правильных», находящихся на магистральной линии исторического развития практик и институтов. Однако по мере кризиса политологического мейнстрима роль эта начала меняться. Сначала популизм приобрел настораживающие черты блудного сына, с которым порой тяжело иметь дело, но который всё еще вписывается в признаваемый единственно верным миропорядок — он выполняет полезную функцию индикатора нарастающих внутри современных обществ патологий (от порчи либеральных демократий до кризиса социального государства и даже капитализма в целом). Современный же подъем популизма свидетельствует о том, что постепенно утрачивается и эта его роль. Из «младшего брата» и «блудного сына» он превратился в опасного незнакомца, которого не следовало бы пускать на порог, но который уже переступил его и уходит не намереваясь. Сама частота употребления термина «популизм» и применение его к самым различным феноменам указывают на то, что это слово стало означать лишь всякое отклонение вообще. Популизм превращается в феномен, о котором определенно можно сказать лишь то, что он является отклонением не только от либеральной демократии, но и от прочих проявлений миропорядка, который с нею ассоциируется. С точки зрения обществоведческого мейнстрима «отклоняющиеся» общества и явления критикуются в рамках дихотомии патологии и нормы. Варьируют лишь ключевые бинарные оппозиции: разум/волютаризм, государство/рынок, демократия/тоталитаризм, варварство/цивилизация, конкуренция/монополия, свобода/рабство, друг/враг, открытое/закрытое общество [Поппер, 1992], естественное государство/открытый доступ [Норт и др., 2011], инклюзивные/экслюзивные институты [Аджемоглу, Робинсон, 2015], современность/архаика, универсальное/локальное и т.д. «Пустое» понятие популизма тут оказывается на своем месте: оно начинает играть роль объединяющей понятийной «крыши» для разного рода беспокоящих феноменов, которые представителям мейнстрима соблазнительно все скопом отнести к критикуемым полюсам указанных бинарных оппозиций. Не в этом ли заключается сегодня его основное значение?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
2. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3–11.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Вайнштейн Г. Популизм в современной Европе: новые тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
5. Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 56–73.
6. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
7. Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб: Александрия, 2012.
8. Куропятник Г.П. Фермерское движение в США от грейнджеров к Народной партии. 1867–1896. М.: Наука, 1971.
9. Мартьянов В.С. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31.
10. Марыганова Е.А. Размывание среднего класса — угроза развитию социального государства // Управление. 2017. Т. 5. № 2. С. 62–68.
11. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Политика. 2009. № 4 (55). С. 40–53. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-40-53.
12. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: ВШЭ, 2018. DOI: 10.17323/978-5-7598-1710-9.
13. Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.
14. Подрезов М.В. История изучения политического популизма и его положение в современной политической науке // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 96–101. DOI: 10.17223/15617793/451/13.
15. «Политика постправды» и популизм: Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире», 22–23 сентября 2017 года / Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.

16. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
17. Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // *Антиномии*. 2019. № 4. С. 138–155. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00012.
18. Фишман Л.Г. Бумеранг возвращается? // *Свободная мысль*. 2019. № 1. С. 15–23.
19. Фишман Л.Г. Коррупция ради народа // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 65–79.
20. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04.
21. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М.: Весь мир, 2000.
22. Albertazzi D., Mueller S. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland // *Government and Opposition*. 2013. Vol. 48. Special Iss. 03. P. 343–371. DOI: 10.1017/gov.2013.12.
23. Buzalka J. Europeanisation and post-peasant populism in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 5. P. 757–771. DOI: 10.1080/09668130802085141.
24. Comaroff J. Populism and late liberalism: A special affinity? // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 637. No. 1. P. 99–111. DOI: 10.1177/0002716211406079.
25. Dominijanni I., Casarino C. The cricket's leap: Post-Oedipal populism and neoliberal democracy in contemporary Italy // *Cultural Critique*. 2014. Vol. 87. No. 1. P. 167–182. DOI: 10.5749/culturalcritique.87.2014.0167.
26. Spruyt B., Keppens G., Droogenbroeck F. van. Who supports populism and what attracts people to it? // *Political Research Quarterly*. 2016. Vol. 69. No. 2. P. 335–346. DOI: 10.1177/1065912916639138.
27. Torre C. In the name of the people: Democratization, popular organizations, and populism in Venezuela, Bolivia, and Ecuador // *European Review of Latin American and Caribbean Studies / Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*. 2013. No. 95. P. 27–48. DOI: 10.18352/erlacs.9229.

REFERENCES

1. Acemoglu D. 2012. *Why nations fail*. Random House [Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. 2015. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ.]
2. Aleksander Dzh. 2002. Prochnye utopii i grazhdanskii remont [Robust utopias and civil repairs]. *Sociological Studies*, no. 10, pp. 3–11. (In Russ.)
3. Bauman Z. 2000. *Liquid modernity*. Cambridge, Polity [Russ. ed.: Bauman Z. 2008. *Tekuchaya sovremennost'*. Saint-Petersburg, Piter Publ.]
4. Vainshtein G.I. 2013. Populizm v sovremennoi Evrope: novye tendentsii [Populism in contemporary Europe: New trends]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33. (In Russ.)
5. Decker F. 2004. Populizm kak vyzov liberal'nym demokratiyam [Populism as a challenge to liberal democracies]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 56–73. (In Russ.)
6. Duverger M. 1967. *Political parties*. London, Methuen [Russ. ed.: Dyuverzhe M. 2002. *Politicheskie partii*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.]
7. Canfora L. 2008. *Democracy in Europe: A history of an ideology*. Malden, Blackwell Publishing [Russ. ed.: Kanfora L. 2012. *Demokratiya. Istoriya odnoi ideologii*. Saint-Petersburg, Aleksandriya Publ.]
8. Kuropyatnik G.P. 1971. *Farmerskoe dvizhenie v SSHA ot greindzherov k Narodnoi partii. 1867–1896* [The farmer's movement in the United States from Grangers to the People's Party. 1867–1896]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
9. Mart'yanov V.S. 2020. Ponyatiinyi krizis zapadnogo meinstrima [The Western mainstream crisis]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31. (In Russ.)
10. Maryganova E.A. 2017. Razmyvanie srednego klassa — ugroza razvitiyu sotsial'nogo gosudarstva [The erosion of the middle class — threat to the development of the welfare state]. *Upravlenie*, no. 2 (16), pp. 62–68. (In Russ.)
11. Musikhin G.I. 2009. Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili 'ushcherbnaya ideologiya'? [Populism: Structural characteristics of politics or 'flawed ideology'?]. *Politiya*, no. 4 (55), pp. 40–53. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-40-53. (In Russ.)
12. Myuller Ya.-V. 2018. *Chto takoe populizm?* [What is populism?]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki Publ. DOI: 10.17323/978-5-7598-1710-9. (In Russ.)
13. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York, Cambridge University Press [Russ. ed.: Nort D., Vaingast B., Uollis D. 2011.

Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva Moscow, Institut Gaidara Publ.].

14. Podrezov M.V. 2020. Istoriya izucheniya politicheskogo populizma i ego polozhenie v sovremennoi politicheskoi nauke [The history of the study of political populism and its current position in political science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 451, pp. 96–101. DOI: 10.17223/15617793/451/13. (In Russ.)

15. Popova O.V. (ed.). 2018. *'Politika postpravdy' i populizm* ['Post-truth politics' and populism]. Saint-Petersburg, Skifiya-print. (In Russ.)

16. Popper K. 1962. *The open society and its enemies*. London, Routledge & Kegan Paul [Russ. ed.: Popper K. 1992. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Moscow, Feniks Publ., Kul'turnaya initsiativa Publ.].

17. Rudenko V.N. 2019. Populistskii kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem [Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems]. *Antinomii*, no. 4, pp. 138–155. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00012. (In Russ.)

18. Fishman L.G. 2019a. Bumerang vozvrashchaetsya? [Boomerang comes around]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 15–23. (In Russ.)

19. Fishman L.G. 2019b. Korruptsiya radi naroda [Corruption for the sake of people]. In: *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii: Sbornik trudov po itogam III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation. Collection of research papers of the III All-Russian Scientific Conference with international participation (26–27 October 2018, Ekaterinburg)]. Ekaterinburg, pp. 65–79. (In Russ.)

20. Fishman L.G. 2017. Populizm — ehto nadolgo [Populism will be long lasting]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04. (In Russ.)

21. Andrain C.F. 1994. *Comparative political systems: Policy performance and social change*. New York, M.E. Sharpe [Russ. ed.: Ehndrein CH.F. 2000. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem. Ehffektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya. Moscow, Ves' mir Publ.].

22. Albertazzi D., Mueller S. 2013. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland. *Government and Opposition*, vol. 48, iss. 03, pp. 343–371. DOI:10.1017/gov.2013.12.

23. Buzalka J. 2008. Europeanisation and post-peasant populism in Eastern Europe. *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 5, pp. 757–771. DOI: 10.1080/09668130802085141.

24. Comaroff J. 2011. Populism and late liberalism: A special affinity? *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 637, no. 1, pp. 99–111. DOI: 10.1177/0002716211406079.

25. Dominijanni I., Casarino C. 2014. The cricket's leap: Post-Oedipal populism and neoliberal democracy in contemporary Italy. *Cultural Critique*, vol. 87, no. 1, pp. 167–182. DOI: 10.5749/culturalcritique.87.2014.0167.

26. Spruyt B., Keppens G., Droogenbroeck F. van. 2016. Who supports populism and what attracts people to it? *Political Research Quarterly*, vol. 69, no. 2, pp. 335–346. DOI: 10.1177/1065912916639138.

27. Torre C. 2013. In the name of the people: Democratization, popular organizations, and populism in Venezuela, Bolivia, and Ecuador. *European Review of Latin American and Caribbean Studies / Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, no. 95, pp. 27–48. DOI:10.18352/erlacs.9229.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61

Научная статья / Research paper

А.В. Глухова*

ПОПУЛИЗМ В XXI ВЕКЕ: ВРЕМЕННО, НАДОЛГО, НАВСЕГДА?

*Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Воронежский государственный университет»
394018, Воронеж, Университетская площадь, 1*

Феномен популизма известен как минимум со времен Античности. Однако в последние десятилетия он получил второе дыхание, прочно обосновавшись в лексиконе политиков и политологов. В данной статье предпринимается попытка воссоздать портрет популизма XXI в. и оценить перспективы популистских партий и движений в контексте современных политических и социальных процессов в западных обществах. В первой части статьи на основе последовательного анализа разнообразных трактовок и определений популизма, представленных в работах отечественных и зарубежных политологов, предпринимается попытка обрисовать содержательное ядро данного феномена, выявить его глубинные исторические и психологические основания и обозначить его социально-политическое кредо в настоящий момент. В частности, отмечаются такие фундаментальные отличительные черты популистского дискурса, которые были присущи ему во все времена и эпохи, как прямая апелляция к мнению большинства и склонность к максимальному упрощению действительности, сведение ее к простым лозунгам и клише. Во второй части статьи проанализированы причины и факторы популистской волны, захлестнувшей целый ряд развитых и развивающихся стран в начале XXI в. Главным фактором, по мнению автора, является продолжающийся процесс глобализации, который не только несет крайне противоречивые последствия для международных отношений, но и провоцирует новые конфликты внутри даже развитых стран, разделяя их общества на «победителей» и «побежденных». Возникающей социальной напряженностью, которая только усилилась из-за последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., поспешили воспользоваться различные популистские партии и движения. Среди

* Глухова Александра Викторовна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета (e-mail: avglukhova@mail.ru).

других предпосылок для роста популизма в последние десятилетия автор называет кризис традиционных партийных систем, размывание ценностей парламентаризма, развитие новых информационно-коммуникационных технологий. Отдельно автор останавливается на факторе лидера, подчеркивая, что харизматичные политики получают в этих условиях новые возможности для мобилизации общественных настроений в свою пользу. В итоге автор приходит к выводу, что перспективы развития популистской волны в XXI в. лучше всего описывает формула, предложенная немецким политологом К. фон Байме: «Популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом постоянно рядом».

Ключевые слова: популизм, глобализация, демократия, неолиберализм, кризис парламентаризма, политические партии, коммунитаризм, космополитизм, национализм.

Для цитирования: Глухова А.В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61.

Alexandra V. Glukhova

**POPULISM IN THE 21ST CENTURY:
TODAY, TOMORROW, ALWAYS?**

*Voronezh State University
1 Universitetskaya pl., Voronezh, Russia, 394018*

The concept of populism has been known since Antiquity. However, in recent decades it gained new prominence amongst politicians and political experts. The present paper attempts to reconstruct the image of populism of the 21st century and to assess the viability of populist parties and movements involved in the context of current social and political processes within Western societies. The first section of the paper examines various definitions of populism elaborated by both Russian and foreign political scholars. On that basis the author attempts to identify the core meaning of this phenomenon, its historic roots and psychological underpinnings, as well as a social-political profile today. The author highlights such constituent elements of the populist discourse that crystallized throughout its development, as direct appeal to the public sentiments, oversimplification of reality and the use of manipulative techniques. The second section of the paper examines the origins and characteristic features of the populist wave that spanned

across both developed and developing countries in the early 21st century. For that matter, the effects of globalization are considered particularly problematic, as they have uncertain implications for international relations and exacerbate social and economic tensions even within developed societies creating both ‘winners’ and ‘losers’. They also allowed various populist movements to take advantage of the growing social instability in the wake of the global financial crisis of 2008–2009. Additionally, the author links the recent rise in the populist sentiments to the deepening crisis of traditional political party systems, the erosion of principles of parliamentarianism and the development of new information and communication technologies. The author stresses that in these circumstances different charismatic leaders gain new opportunities for mobilizing public support. The research concludes that the prospects for the ongoing populist wave are best described by a formula, proposed by a German political scientist Klaus von Beyme: ‘Populism never lasts very long — but it is somehow always around’.

Keywords: populism, globalization, democracy, neoliberalism, crisis of parliamentarianism, political parties, communitarianism, cosmopolitanism, nationalism.

About the author: *Alexandra V. Glukhova* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Sociology and Political Science Department, Voronezh State University (e-mail: avglukhova@mail.ru).

For citation: Glukhova A.V. 2021. Populism in the 21st century: Today, tomorrow, always? *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61. (In Russ.)

Понятие «популизм» в последнее десятилетие стало едва ли не самым употребительным в политическом словаре, возвестив новую эпоху в трактовке политики, демократии, лидерства и т.д. Популизмом называют и определенный политический стиль, и радикальную критику парламентской политики, и попытку предстать в качестве альтернативы представительной демократии.

Спектр оценок этого сложного явления достаточно широк: одни авторы видят в нем справедливую критику правящих элит, оторвавшихся от реальных жизненных условий миллионов людей [Мудде, 2014; Вайнштейн, 2017], другие высказывают опасения относительно угрозы институциональным основаниям демократии со стороны популистских лидеров, стремящихся разрушить ее каноны [Vittori, 2015; Mounk, 2014; Глухова, 2017; Grant et al., 2019]. В 2016 г. был раз-

работан индекс авторитарного популизма, проведено сравнительное исследование ряда европейских стран [Pappas, 2016]. Предпринимаются попытки объединить компаративистику и социальную теорию в объяснении феномена возрождения популизма в Западной Европе, уделить большее внимание малоизученной связи между дискурсом и структурой [Lochowski, 2018]. Сегодня нет недостатка и в смелых параллелях, проводимых между тоталитарными режимами 1930-х годов и массовыми движениями во главе с лидерами-популистами, появившимися в первые десятилетия XXI в. и ознаменовавшими начало «эпохи постправды», «постдемократии» [Крауч, 2010] и т.д. Многие современные авторы на Западе трактуют феномен популизма как неизбежную «тень» демократического режима [Pauwels, 2011], поскольку выборность и массовое участие предоставляют возможности для быстрого продвижения лидеров-популистов. Лингвисты обратили пристальное внимание на дискурс популистских политиков, как правых, так и левых, как обладающих властью, так и стремящихся к ней, а также на реакцию на него со стороны электората [Macauley, 2019].

В целом можно заключить, что к настоящему моменту выкристаллизовалось три прогноза/подхода к оценке данного феномена: «популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом все время рядом» [Байме, 2014]; «эпоха классических популистов подходит к концу» [Мартынов, 2020]; «популизм — это надолго» [Фишман, 2017]. В правоте одного из них нам еще предстоит убедиться в близком или не очень отдаленном будущем.

Цель настоящей статьи — обобщение/систематизация типологических черт популизма, находящихся отражение в современном политическом дискурсе, а также верификация звучавших в политической науке в последние десятилетия прогнозных оценок в отношении перспектив популистских практик.

Истоки и современный профиль популизма

Феномен популизма сравнительно недавно попал в центр внимания исследователей, однако его исторические корни достаточно глубоки, и он вызывал интерес еще у мыслителей древности. При всей миниатюрности античного полиса (в сравнении с современными мегаполисами или национальными государствами) он представлял собой уникальную политическую лабораторию, в которой прошли

апробацию многие теоретические модели, до сих пор релевантные в оценке уже иных, сегодняшних политических реалий.

Формула популизма, если так можно назвать составные элементы этого явления, выведенная античными авторами, выглядит следующим образом. Предпосылкой возникновения и распространения популистских практик, как правило, становился экономический кризис, порождавший структурные условия для социальной поляризации, т.е. резкого раскола общества на богатых и бедных, и способствовавший формированию острого политического противоборства. Особенно опасным для общественного плюрализма становилось разорение среднего класса, который, согласно Аристотелю, является гарантом социальной стабильности и умеренности нравов. Указанными обстоятельствами спешили воспользоваться умелые демагоги¹, спекулировавшие на социально-экономических трудностях и активно использовавшие их в выгодных для себя целях, в первую очередь для того, чтобы подавить оппозицию, лишить ее политического влияния и, как следствие, монопольно определять характер политических решений, далеких от умеренности и компромиссов.

Главным принципом популистского стиля в политике были апелляции к большинству, от имени которого проводились всевозможные инициативы и решения. Демагоги превозносили мнение большинства как определяющее и незыблемое, непосредственно трансформируемое в закон без компромиссов и иных форм опосредования принимаемых решений. Поляризация полиса на большинство и меньшинство помогала опасной и порочной стратегии игнорирования институтов и процедур, т.е. всего того, что и предполагает цивилизованная политика. Иными словами, демократическая процедура принятия решений согласно воле большинства подменялась правлением большинства, которое политически формировалось усилиями демагогов [Урбинати, 2016: 267].

Особое место в этой формуле принадлежит политику, олицетворяющему некую альтернативу сложившемуся и не устраивающему большинство населения статус-кво. Благодаря ораторским способностям и органичному для демократических собраний полемическому языку демагог получал шанс перевербовать на свою сторону требу-

¹ Этот термин, имевший изначально положительную коннотацию, постепенно обрел негативный смысл.

емое большинство и опрокинуть всю структуру демократического режима правления. История сохранила имена таких демагогов под собирательным обозначением «тиранов».

Механизм выдвижения тирана весьма примечателен, особенно в контексте современных тревожных тенденций, связанных с ростом популистских практик. Подрыв институциональных оснований демократии осуществляла чаще всего определенная часть правящего класса, стремившаяся воспользоваться раздражавшей население тяжелой экономической ситуацией в целях укрепления собственной власти. Фактически это был внутриэлитный конфликт, в котором позиции умеренной части правящего класса, склонной к компромиссам в целях поддержания межклассового равновесия, приносились в жертву радикалам с правого или левого фланга, умело спекулировавшим на социальных бедствиях с помощью демагогической риторики. Они символизировали собой разрыв внутри правящего меньшинства и, добившись поддержки народа, инициировали принятие законов в свою пользу.

Таким образом, можно констатировать, что популизм — это движение части правящего класса, опирающееся на искусную демагогию с целью добиться поддержки значимого народного большинства. Такая апелляция становится главным козырем и мандатом в руках популистов, хотя в случае победы их политика вовсе не обязательно будет проводиться в интересах этого большинства: основная цель — мобилизация сторонников, трактуемая как воля «истинного» народа [Глухова, 2017]. Как справедливо отмечает Н. Урбинати, задача популистов заключается в том, чтобы сплавить мнение одной части народа (существующего имплицитно, до всяких процедур) с волей государства, исказив диархическую структуру представительной демократии. Основной и наиболее узнаваемой чертой популизма является «враждебность к либерализму и принципам конституционной демократии, в том числе к правам меньшинств, разделению властей и многопартийной системе» [Урбинати, 2016: 248]. Политика как место компромиссов, торга и всевозможных сделок, место согласования множества интересов и позиций, олицетворяющих парламентскую демократию, подвергается со стороны популистов ожесточенной критике. Если из глубин истории обратиться к сегодняшнему дню, то можно легко обнаружить многие знакомые черты на известном портрете.

В числе первых политико-психологический профиль современного популизма обрисовал Р. Дарендорф, назвав его «одним из самых впечатляющих феноменов политического ландшафта к началу XXI века» и сравнив со своеобразным вирусом, поразившим не только слабые, неустойчивые, но и зрелые, классические демократии [Dahrendorf, 2004: 314]. Тем самым была поставлена проблема выявления глубинных оснований возрождения популизма в современном мире, которая включает анализ факторов, способствующих росту его привлекательности для различных слоев населения, оценку возможностей сочетания популистской демагогии с имманентными для демократии критикой и дискуссией, а также изучение дальнейших перспектив популистской волны и потенциального ущерба от нее. Воспринимая популизм как угрозу демократии, Р. Дарендорф обозначил ряд уточняющих характеристик этого явления, скромно названных «осторожными замечаниями». По прошествии времени они не только не потеряли смысл, но приобрели еще большую актуальность и практическое подтверждение.

Прежде всего, ученый оспаривает трактовку популизма как выражения «народной воли». По его мнению, это скорее большой демагогический прием, располагающий богатым регистром методов. Не каждый человек в состоянии провести границу между демократией и популизмом, предвыборными дебатами и демагогией, дискуссией и политическим соблазном. Политик, обсуждающий с избирателями те или иные вопросы, организующий собрания, на которых с помощью дискуссии подолгу объясняет свое видение проблемы, также применяет элементы популизма. Но вряд ли можно согласиться с ситуацией, в которой политик, используя всевозможные приемы риторики, подстрекает большие массы людей к бунту, погромам и т.д. Поэтому необходима осторожность в употреблении понятий. «Упрек в популизме может сам по себе быть популистским, демагогической заменой аргументов», — подчеркивает Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2004: 315]. С ним солидарен известный американский политолог Ф. Фукуяма, отмечающий, что «популизм — это ярлык, который элиты навешивают на политику, поддерживаемую простыми гражданами, но неприятную истеблишменту» [Фукуяма, 2016]. При этом от ошибок не застрахованы ни демократические избиратели, ни правящие элиты, пренебрегающие мнением народа. Решение

проблемы возможно только на путях ответственного руководства и грамотной политики.

Эту точку зрения сегодня отстаивает профессор политической теории Я.-В. Мюллер. По его мнению, истинный популизм можно опознать по ряду признаков, в числе которых главным является уверенность его представителей в том, что только они олицетворяют подлинный, настоящий, всегда гомогенно мыслимый народ, и это крайне опасно для демократии. «Популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме. Решающий вопрос нашего времени заключается в том, смогут ли популисты развиваться в направлении признания плюрализма или же они будут и дальше пытаться дискредитировать политические институты, которые не выражают постулируемую ими “народную волю”; смогут ли эстаблированные партии воспринять легитимные пожелания избирателей популистских партий, не превратившись сами в популистов» [Müller, 2016: 24]. Иными словами, решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов. Они претендуют на выражение народной воли, которую сами же и формируют.

Известный английский социолог Э. Гидденс, размышляя над причинами и проявлениями популистской волны в Европе во втором десятилетии XXI в., обращает внимание на сходство популизма в Европе и других частях света. Большинство популистских партий концентрируют свою деятельность вокруг темы борьбы с истеблишментом и элитами, отказывают традиционным политическим институтам в способности отражать надежды и чаяния простых граждан. Прибегая к языку демократии и оказывая определенное влияние на политическое развитие своих стран, популисты, тем не менее, в большинстве своем стремятся изменить или ограничить либеральные ценности в интересах более значимого блага (как они его понимают). «Партии, выступающие против господствующих классов, могут быть партиями как левого, так и правого толка, что можно наблюдать в сегодняшней Европе, — пишет Э. Гидденс. — При этом лишь немногие политические партии имеют программы, охватывающие весь спектр политических вопросов. Вместо этого они концентрируют усилия на нескольких ключевых аспектах, вызывающих наибольшие проявления антагонизма и недовольства» [Гидденс, 2015: 49].

Э. Гидденс справедливо подчеркивает природное родство двух разновидностей популизма — правого и левого. При этом популизм чаще сводят к правому, что не совсем точно, в том числе с позиций реальной политики. Однако такое отождествление объяснимо тем, что проблемы, обсуждаемые популистами, принадлежат к классическому правому дискурсу: закон, порядок, беженцы, безопасность и т.д. Сложность в том, что либералы и левые не дали своих оригинальных толкований этим понятиям и в силу этого выглядят в глазах аудитории популистов сторонниками беспорядка и беззакония. Кроме того, проблема миграции в начале XXI в. не стала в нужное время темой политического дискурса, в результате чего не был дан быстрый ответ на многие важные вопросы, включая ее причины, издержки для принимающих обществ и т.д. В этой связи миграционный наплыв в Европу застиг эстаблированные партии врасплох, отдав инициативу в дискурсе правым популистам.

Наряду с правым возник левый популизм, причины которого идентичны: традиционные левые партии остались верны социально-экономической тематике, т.е. проблемам доходов, занятости, безработицы и т.д., однако также не смогли включить эту тематику — в правильной формулировке — в повестку дня политических дебатов, что и обусловило их политическое поражение в 2000-е годы.

Еще одной особенностью, объясняющей востребованность популизма, является то, что он предельно прост, тогда как демократия сложна: это главный отличительный признак этих двух апелляций к воле народа. Популизм базируется на сознательной попытке упрощения проблем, и в этом его обаяние и рецепт успеха (беженцев прогоним, преступников посадим и т.д.). Но когда популисты получают доступ к рычагам власти, они оказываются беспомощными перед комплексностью, составляющей главную особенность демократического общежития [Merkel, 2017]. В зрелых демократиях избиратели не столь склонны поспешно доверять легковесным обещаниям; в молодых, незрелых демократиях, напротив, щедрые обещания популистов обычно имеют успех. Перед демократическими политическими лидерами встает очень сложная задача избегать больших упрощений, объясняя сложность вещей.

Действительно, популистские движения — это протестные группы, не нацеленные на систематическую коалиционную работу, но

желающие править единолично, потому и пытающиеся «соблазнить» как можно большее количество людей. Их интересуют не реформы, а власть сама по себе, поэтому способность популистов к управлению трактуется учеными с большим сомнением и расценивается как определенная опасность для существующего порядка [Байме, 2014: 104; Гидденс, 2015: 55]. По мнению Ф. Фукуямы, общей тенденцией международной политики последнего времени было наступление так называемого популистского национализма. Лидеры-популисты стремятся использовать легитимность, полученную через демократические выборы, для консолидации власти. «Они утверждают, что имеют прямую харизматическую связь с “народом”, который часто определяется в узких этнических терминах, исключающих значительную часть населения. Они не любят институты и стремятся подорвать систему сдержек и противовесов, ограничивающую личную власть лидера в современной либеральной демократии: суды, систему законодательной власти, независимые СМИ и “аполитичный”, внепартийный чиновничий аппарат» [Фукуяма, 2019: 17]. Современными лидерами такого типа Ф. Фукуяма считает Д. Трампа в США, В. Путина в России, Р. Тайипа Эрдогана в Турции, В. Орбана в Венгрии, Я. Качиньского в Польше, Р. Дутерте на Филиппинах и т.д.

Предложенные известными учеными штрихи к собирательному политико-психологическому профилю популистов не оставляют сомнений в том, что их неподготовленность к выполнению ответственной функции государственного управления и фактическое нежелание заниматься каждодневной кропотливой работой вкупе с самоуверенностью и самовлюбленностью представляют собой серьезную угрозу не только для внутренней, но и для внешней политики. Последняя требует от политических лидеров особого массива знаний, а также умений и навыков выстраивать союзы и привлекать партнеров, гибко реагировать на новые вызовы и угрозы, стремиться защитить национальные интересы с помощью «мягкой силы», т.е. привлекательных технологических и культурных образцов, а не военных угроз. В этой связи сам популистский стиль, отрицающий сложный поиск взаимовыгодных решений, становится серьезной проблемой для внутреннего и международного мира и безопасности.

Причины и факторы популистской волны

В числе главных факторов, благоприятствующих появлению популистских наклонностей у амбициозных политиков, — общественные перемены, на которые указывал еще Аристотель. Ухудшение экономической ситуации или упадок благосостояния большинства населения создает благоприятную ситуацию для популистской партии или движения, мобилизующих в свою поддержку широкие слои недовольных масс. Этим недовольством спешат воспользоваться опытные демагоги, реализующие стратегию раскола общества по классовому или имущественному признаку и создающие угрозу демократической стабильности [Урбинати, 2016: 273].

Справедливость выводов Аристотеля была неоднократно подтверждена историей. Сравнительный анализ классовых конфликтов прошлого убедительно доказывает наличие теснейшей связи между углублением социального расслоения и ростом политической поляризации. Подобными ситуациями весьма успешно пользовались правые правительства (например, в США и Великобритании в 1970–1980-е годы), которые проводили популистскую политику, опирающуюся на поддержку большинства и нацеленную на дерегулирование, роспуск профсоюзов, демонтаж государства всеобщего благосостояния и особенно программ материальной помощи неимущим [Фукуяма, 2016]. Эта политика в конечном счете ударила по тем слоям населения, которые в свое время поддержали на выборах ее инициаторов.

Известный немецкий политический теоретик К. фон Байме, выделивший три фазы в развитии послевоенного популизма (первые послевоенные годы; 1970-е годы; начало 1990-х годов), связывает наступление его третьего этапа с глобализацией и упрочением Евросоюза [Байме, 2014: 103]. Похожих взглядов придерживается и Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2004: 236]. Маркерами нового этапа становятся рост иммиграции и безработицы, а также отказ правящих элит от установки на построение «государства всеобщего благоденствия» даже в развитых странах. Эти тенденции порождают общественное недовольство, которым поспешили воспользоваться популисты, в том числе в странах, доселе не затронутых этим «вирусом» (например, Швеция).

Глобализация стала господствующей темой в политическом дискурсе в тот исторический момент, когда прежние ключевые

концепции и понятия («первый» и «второй мир», соперничество двух систем, «третий мир» и т.д.) потеряли свою силу. Глобальные тренды привели к появлению новых и ослаблению некоторых старых национальных государств. Возросла их взаимозависимость: даже такие могущественные страны, как США, в одиночку не могут регулировать финансовые рынки, бороться с изменением климата и т.д. Сменившие прежнюю биполярную модель региональные блоки в Азии, Европе и Америке представляют собой новые формы альянсов, зачастую без четкой структуры или ясной цели.

Международный порядок все чаще сталкивается с парадоксом: его успешность зависит от торжества глобализации, но сама глобализация порождает негативную политическую реакцию. Справедливым становится вывод У. Бека о том, что у глобализации не оказалось политической программы: возникает глобально дезорганизованный капитализм, функционирование которого не контролирует ни какая бы то ни было гегемонистская держава, ни международный режим (экономический или политический). «Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями» [Бек, 2001: 10–11]. Глобализация оказалась лишенной своего политического оформления: глобальный неолиберализм фактически элиминировал политическое начало, сведя его к примитивному рыночному экономизму. В свою очередь тотальная открытость породила тотальный же запрос на закрытость. В таких условиях технологиями массовой мобилизации в руках умелых демагогов, стремившихся к власти, становились национализм (в форме ретронационализма) и фундаментализм.

Дополнительную питательную почву для активизации популистских проектов создал *финансовый кризис 2008–2009 гг.*, особенно в тех странах (Испании, Греции, Италии), где его последствия оказались особенно тяжелыми для широких слоев населения. Именно здесь происходил самый выразительный взлет левопопулистских политических движений — «Podemos», «Indignados» и др., а греческая «Siriza» стала (хоть и ненадолго) правящей партией страны. Даже в Германии — стране с хорошими экономическими показателями — правительство после 2011 г. приняло одну из самых масштабных программ жесткой экономии в своей истории [Гидденс, 2015: 111].

В значительной степени эта экономия достигалась за счет снижения затрат на социальные нужды. Очевидно, что электоральные успехи новых право- и левопопулистских партий («Альтернатива для Германии» и «Левые») в значительной степени связаны с недовольством бундесбюргеров, вызванным этими непопулярными решениями и развитием общих неблагоприятных социально-экономических процессов.

Нет сомнений в том, что страны, вступившие в длительную полосу экономической рецессии, с большей вероятностью могут стать площадкой для реализации популистских стратегий как средства в борьбе за власть и политическое доминирование.

Еще одной благоприятной предпосылкой для роста популизма стали *трансформация традиционных партийных систем, изменение идеологий и организационных моделей партий*. Этот процесс ознаменовался сокращением численности традиционных партий, ослаблением партийной идентификации и снижением электоральной активности. Параллельно с процессом профессионализации элит распространялось негативное восприятие партийного истеблишмента. К. фон Байме оценивает эти тенденции скорее положительно: современный избиратель стал более информированным, менее податливым конформистским настроениям и более независимым в своих оценках от партийных механизмов. Однако исследователь отмечает и обратную сторону этих процессов, которая заключается в повышенной волатильности настроений и позиций и сильных колебаниях предпочтений избирателей. Р. Дарендорф также считал глубинным основанием популизма именно ослабление старых партий. По его мнению, лишь немногие традиционные партии смогли адаптироваться к новым условиям (лейбористы в Великобритании и ряд левых партий в Италии). Такая же картина сложилась на правом фланге: «...остается множество пустот, куда могут без больших усилий вторгнуться эксцентричные фигуры», способные завоевать до 20% голосов избирателей и более [Dahrendorf, 2004: 314]. В начале 2000-х годов популистские кандидаты имели лишь частичный успех, и ни одна популистская группа в западноевропейских демократиях не смогла утвердиться надолго (за исключением, возможно, «Вперед, Италия!» во главе с С. Берлускони). Вместе с тем они постепенно прокладывали дорогу новым политическим структурам. В то же время европейские ученые отмечают, что популистские стиль и

образ поведения стали пользоваться популярностью и у многих традиционных партий и политиков благодаря возможностям «харизматичной медийной демократии» [Байме, 2014]. Сегодня популистские партии и движения существуют во многих странах Европы, а в Венгрии и Польше они уже на протяжении ряда лет находятся у власти [Вайнштейн, 2017: 72–74]. На их примере хорошо видно, как именно осуществляется информирование населения, какие нарративы создаются для того, чтобы добиться массовой народной поддержки и обратить ее против истеблишмента и недовольных меньшинств.

Успешно стартовав в направлении демократии после революционных событий 1989 г., Польша и Венгрия в последние годы продемонстрировали «сокрушительные электоральные победы популистов консервативного толка» [Крастев, 2018: 140]². Их избирательные кампании призывали к разрушению либеральной системы сдержек и противовесов, содержали открытые нападки на меньшинства и политических конкурентов. Устами премьер-министра Венгрии В. Орбана была провозглашена доктрина «нелиберальной демократии», которая опирается на волю «сверхквалифицированного большинства», сформированную посредством политического и информационного воздействия³. Наличие конституционного большинства в 2/3 мандатов позволило правящей партии «Фидес» внести существенные поправки в Конституцию: было изменено название страны (просто Венгрия, без республики); наделены избирательным правом этнические венгры, проживающие в соседних странах; ограничены полномочия Конституционного суда; принят закон о лояльности СМИ к властям. В планах В. Орбана — расширение участия церкви в общественной жизни, патриотическое воспитание, внедрение консервативных семейных ценностей и т.д.⁴

² В Венгрии движение правого толка «Фидес» три раза подряд выигрывало парламентские выборы, а в Польше опросы общественного мнения показывают, что по популярности «Право и справедливость» устойчиво опережает всех конкурентов.

³ Правительство почти полностью контролирует медиарынок страны через государственный фонд MTVA (4 ведущих телеканала, 7 радиостанций, информационное агентство МТИ). Введенный в свое время 40% налог на рекламу поставил независимые СМИ на грань выживания.

⁴ Чурсин А. Триумф «Виктатора» Орбана. Одиозный правый политик в третий раз возглавит правительство Венгрии // Новая газета. 09.04.2018. Доступ: <https://>

В числе причин успехов правопопулистских сил в этой части Европы исследователи называют экономические проблемы, последовавшие за мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.; кризис идентичности, усилившийся вследствие массового наплыва в Европу представителей инокультурных групп из Африки и Ближнего Востока; культурный и моральный раскол, вызванный пренебрежительным отношением истеблишмента и стоящих за ним сил, выигравших от глобализации, к тем, кто чувствует себя проигравшими [Eichengreen, 2018; Gdula, 2018]. Большинство исследователей популизма отмечают крайне негативную роль миграционного кризиса 2015–2016 гг., превратившего европейский популизм в серьезную политическую силу в регионе [Lochocki, 2018; Гидденс, 2015]⁵. Опросы общественного мнения показывают, что большинство жителей Восточной Европы относятся к мигрантам с недоверием, настроены против приема беженцев. Их представляют как носителей террористической угрозы и иждивенцев, чье содержание слишком дорого обходится принимающей стороне⁶.

Нельзя не учитывать и демографические изменения, последовавшие за падением Берлинской стены: государства Восточной Европы начали покидать наиболее образованные и либерально настроенные граждане, что ослабило в целом либеральную часть политического спектра. В результате поборниками либерализма в этих странах стали Евросоюз и США, что дало в руки правым популистам карты «защиты суверенитета», «национальной самобытности», «нравственного перевоспитания нации» и т.д. [Gdula, 2018].

Несмотря на очевидные различия между Венгрией и Польшей, Чехией и Словакией, общим в Восточной Европе становится возникновение новой формы нелиберального консенсуса, в основе которого — ксенофобия и национализм. «Где бы консервативные популисты ни приходили к власти, они привычно используют свое доминирующее положение для углубления культурной и

novayagazeta.ru/articles/2018/04/09/76116-trium-viktatora-orbana (дата обращения: 03.04.2020).

⁵ Offe K. Germany: What happens next? // Social Europe. 2017. Available at: <https://www.social-europe.eu/germany-happens-next> (accessed: 27.10.2019).

⁶ В Польше, например, в рамках официального дискурса беженцы маркированы как морально неполноценные группы, как «общественная патология» [см.: Gdula, 2018; Глухова, Савенков, 2019: 188–189].

политической поляризации и продвижения того стиля политики, который американский историк Ричард Хофстадтер назвал «параноидальным», — пишет И. Крастев. — Для этого стиля, в частности, характерно широкое использование конспирологических теорий» [Крастев, 2018: 143]⁷. Английский историк Т. Снайдер оперирует понятием «садопопулизм», обращая внимание на стремление популистов демонизировать своих политических противников, «сексуализировать врага» и даже подменять политическую борьбу биологическим конфликтом с намеком на неполноценность оппонентов [Snyder, 2018].

Все восточноевропейские популисты опираются на дискурс истинных защитников нации от внутренних и внешних врагов. Как пишет Я.-В. Мюллер, «популисты заявляют, что они и только они являются представителями народа», причем такое притязание «неизменно имеет этическую природу». Ни «Фидес», ни «Право и справедливость» не претендуют на то, чтобы считаться представителями всех венгров или всех поляков: они настаивают на том, что представляют только «истинных» венгров и «истинных» поляков. В их руках демократия из инструмента объединения общества превратилась в инструмент его разобщения, поскольку любые институты, не являющиеся мажоритарными, получают от популистов клеймо «антинародных» [Müller, 2016: 24].

Особого внимания заслуживает *фактор лидера*. На примере лидера правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) Я. Качиньского можно наблюдать политически значимый процесс реформативирования Польши, изменение отношений между партией и электоратом и создание новых форм политической субъектности [Sutowski, 2018]. Дискурс партии носит театрално-драматический характер. Режиссером этой драмы выступает сам Я. Качиньский, представляющий себя и своих последователей в нескольких ролях: жертв Третьей польской республики; гордых членов единой национальной общности со славной историей; сторонников порядка

⁷ Примером может служить разделяемое многими сторонниками «Права и справедливости» мнение о спланированном покушении на жизнь бывшего президента Польши Л. Качиньского, погибшего в авиакатастрофе под Смоленском. В Венгрии сторонники «Фидес» уверены в происках миллионера венгерского происхождения Дж. Сороса, якобы умышленно содействующего массовому притоку в Венгрию мигрантов.

и справедливости и т.д. [Kaczyński et al., 2010]. «Вера в то, что новое правительство сочтется с элитами, якобы предавшими национальные интересы, соответствует стереотипу избирателя ПиС как реваншиста, который действительно хочет мстить за допущенную несправедливость» [Глухова, Савенков, 2019: 188]. Даже поляки, не голосовавшие за ПиС, негативно относятся к эстаблированным элитам, рассматривают атаку на них как восстановление справедливости и одобряют контроль над Конституционным судом со стороны исполнительной власти как способ наведения такого порядка. Радикальным выражением этого запроса на справедливость является вера в мандат парламентского большинства, который не должен быть ограничен конституционными нормами [Глухова, Савенков, 2019: 189]. Иными словами, «Право и справедливость» не является просто популистской партией, которая эксплуатирует действительно существующие проблемы в целях достижения политического успеха. По мнению М. Гдулы, «мы наблюдаем неоавторитаризм, который создает новый тип вовлечения в политику и отношения с внешним миром» [Gdula, 2018: 84].

Отдельной картой в руках восточноевропейских популистов остается их *отношение к Евросоюзу*. Демагогически используя флаг «суверенности» и морально-культурное фрондирование ЕС, они с удовольствием пользуются финансовыми субсидиями последнего. При этом далеко не все результаты их правления оказываются выигрышными для населения и встречают его поддержку. Так, в Венгрии за годы нахождения у власти В. Орбана раскол в обществе усилился вопреки заявлениям официальной пропаганды. По уровню заработной платы страна находится на последнем месте в регионе. Небывалого размаха достигла нищета работающих венгров, а увеличивающийся отток населения превращается в национальную трагедию. Правительство В. Орбана делает все для того, чтобы коммерциализировать сферу образования и здравоохранения, оставляя широкие слои населения без соответствующей медицинской помощи в государственном секторе [Szél, 2019]. Иными словами, популисты, которые вызвались защищать интересы людей, проигравших в результате осуществления неолиберальной политики, получив власть, сами продолжили реализовывать эту политику, несмотря на агрессивную риторику против истеблишмента [Gdula, 2018].

Нынешний антилиберальный тренд не стал неожиданностью для политической науки. С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций» (переведенной в Германии как «Конфликт культур») первым предостерег от эйфории, вызванной быстрым и бескровным падением «железного занавеса» между Востоком и Западом. Каждая прошлая «демократическая волна» неизбежно сопровождалась откатом, и с той, что случилась в последней трети XX в., произойдет то же самое, полагал ученый. При этом порожденные ею конфликты будут опасными для мира, поскольку являются конфликтами ценностей, крайне трудными для урегулирования [Хантингтон, 2003]. Нелиберальная демократия как раз и стала той новой формой авторитаризма, о которой предупреждали С. Хантингтон и Р. Дарендорф. Ее зарождение в демократической среде особенно опасно, поскольку под вопрос поставлены ценности и принципы, составляющие основания европейского права: сдержки и противовесы, независимость конституционного суда, конституционные ограничения власти большинства, свобода слова и независимость медиа и т.д. [Merkel, 2016].

Наряду с экономическими и социокультурными причинами *популистский подъем в ряде стран стал прямым следствием ослабления парламентов*. Популизм в корне, принципиально антипарламентарен. Представительная демократия является средством, благодаря которому господствующий климат мнений превращается в конкретные и реалистичные решения. Там, где это происходит, нет места всяким упростиелям: для них остается Гайд-парк, где они могут обмениваться своими тирадами. Функции парламента (дебаты по различным темам; конвертация дебатов в конкретные политические действия; гарантии осуществления долгосрочных целей и т.д.) полностью антипопулистские, поэтому данный институт стоит всецело на стороне представительной демократии. Однако внутри парламентов тоже возникают популистские соблазны и риски: исполнительная власть пытается обойти парламентский контроль; призывы к «народу» как к публике или просто к потребителям обесценивают гражданский дух и т.д.

Я.-В. Мюллер обращает внимание на причины ослабления роли парламентов в Европе после 1945 г. По его мнению, их относительная деградация в послевоенный период базировалась на сознательных политических решениях и не может быть отнесена на счет обез-

личенных процессов, подобных глобализации или европеизации. Архитекторы послевоенного политического устройства в Западной Европе (за важным исключением Великобритании) с большим подозрением относились к идее народного суверенитета. Было распространено мнение, что именно «массы» проложили дорогу к тоталитаризму: «Как можно доверять народам, которые привели к власти фашистов или сотрудничали с фашистами во время оккупации?» [Müller, 2016: 25].

Этот скепсис распространялся и на институты народного представительства. Создатели новых конституций хотели побороть то, что немецкий правовед У. Пройс назвал «парламентским абсолютизмом». Речь шла о том, что формально именно парламенты передали в свое время всю полноту власти А. Гитлеру и Ф. Петену, лидеру сотрудничавшего с национал-социалистами вишистского режима во Франции. Этим было обусловлено стремление как можно сильнее ограничить возможности законодательной власти. Одновременно были усилены институты, члены которых никогда не были избираемы народом, — центральные банки и конституционные суды. Почти повсеместно в Европе исполнительная и судебная ветви власти усилились, а законодательная власть была целенаправленно ослаблена. Дальше всего этот процесс зашел во Франции, где был сформирован самый слабый парламент в западном мире — Национальное собрание.

Можно заключить, что послевоенный порядок в Европе парадоксальным образом был не только антитоталитарным, но и в каком-то смысле антидемократичным: граждан держали на определенной дистанции, и возможности включиться в принятие политических решений строго ограничивались судами и институциями, подобными центральному банку. Конституционные суды должны были укреплять демократию как таковую, в том числе и недемократичными мерами, такими как запрет деятельности экстремистских партий. «Мы и сегодня живем все еще с этим, <...> проникнутым недоверием, послевоенным порядком, — считает Я.-В. Мюллер. — Объяснением этому является, наверное, то, что этот порядок оказался на удивление гибким» [Müller, 2016: 26].

Особую роль в нарастании популистской волны сыграли новые информационно-коммуникационные технологии. В условиях современной цифровой эпохи, когда влияние массмедиа на умы и

сердца людей многократно возросло, популисты получили в свои руки дополнительные и могущественные ресурсы⁸. Возможности манипулировать фактами и мнениями, создавать имиджи и фикции в публичной и государственной политике сегодня увеличились многократно. Возникает доселе неизвестный феномен «современной политической лжи», которая, по словам Х. Арендт, успешно работает даже с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому. В таких условиях те, кто настаивает на обсуждении фактов и событий, не укладывающихся в этот обман, воспринимаются как более опасная сила, чем действительные враги. Х. Арендт прозорливо предсказывала, что в отдаленной перспективе «промывка мозгов» способна привести к уничтожению специфического чувства, посредством которого люди ориентируются в современном мире [Арендт, 2014: 380]. Неслучайно феномен «постправды» («постфактичности»), наиболее ярко олицетворяемый заявлениями и комментариями американского президента Д. Трампа, привлек к себе столь широкое внимание общественности: его появление совпало с популистской волной (т.е. успехами популистских партий) середины второго десятилетия XXI в. [Marschall, 2017; Hendricks, Vestergaard, 2017; Weingart, 2017]. «Постфактичность» сильно стимулируется благоприятным медийным контекстом. Для распространения в Сети корректность приводимых фактов второстепенна, она не создает большого содержательного резонанса. В поле новых онлайн-медиа слухи, фальшивые сообщения и выдуманные истории хорошо расцветают и долго живут. При этом раздутое онлайн-явление может реально влиять на демократические дебаты, формирование мнений и политический ландшафт.

Следует помнить и о том, чем чреват самообман политиков, принимающих ответственные решения. Подобное игнорирование фактов может стать стратегией принятия решений, удобной для сохранения собственной власти, но губительной для общества, и тогда

⁸ Достаточно назвать огромную медийную империю С. Берлускони (около половины национальных телестанций и издательств), применявшую пропаганду для формирования единомыслия, являющегося скорее их собственным, нежели народным, творением. Сепаратистское движение «Лига Севера» и цезаристская политика С. Берлускони стали новыми версиями популизма в современной Италии. Их главная риторическая стратегия заключается в изображении этих движений в качестве «подлинной» альтернативы существующим политическим партиям, правящим элитам и одновременно парламентской демократии.

последнему придется платить по этим счетам всеми возможными формами расчета: и экономическим отставанием, и социальной деградацией, и политической реакцией, и моральным террором и т.д. Упрощение картины мира, игнорирование фактов ведет к серьезному кризису государственного управления со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, природа популизма представляется достаточно очевидной. Он стал порождением целого ряда объективных факторов, характеризующих развитие мира на рубеже XX–XXI вв. Главным из них выступает глобализация, влияющая на международное разделение труда, социально-классовые сдвиги, политические трансформации и социокультурные преобразования во многих странах мира. Разнообразные формы популизма вырастают из сконструированной идентичности, реакции на кризис современной модели глобализации, на технологизацию, охватившую не только политику, но и всю сферу публичных отношений [Norris, 2005; Sawyer, Laycock, 2009], на миграционные процессы и усиливающийся морально-этический раскол между «победителями» и «побежденными» в новом мире. Пренебрежительное отношение правящих элит к этим вопросам, вызывающее отчуждение «социально исключенных» групп, стало одной из основных причин серьезных электоральных потерь партий истеблишмента, уступивших популистам голоса своих бывших приверженцев.

* * *

Размышляя о вероятной продолжительности популистского тренда, следует еще раз уточнить те объективные условия, которые сделали его возможным. Очевидно, что доминантное размежевание в современном мире проходит между теми, кто выиграл от глобализации, и теми, кто от нее проиграл, но проигрыш измеряется не только в материальном эквиваленте. Этаблированные политические силы, медиа, прогрессисты и в целом успешные люди активно презентуют свои интересы и культурные модели, прибегая к нравоучениям и наставлениям. Они защищают статус-кво, в том числе и свои привилегии. Им претят консервативные опасения «потери Родины», нации, культуры доверия, государственного суверенитета, значения границ и т.д. Но космополитический дух, проникнутый чрезмерным морализаторством, сегодня встречает резкую ответную реакцию:

«как сторонники Брежита исходят из вчерашнего дня и не разделяют прекрасный новый мир космополитизма и супранационализма, так и избиратели правопопулистских партий относятся прежде всего к морально, когнитивно и культурно оставшимся позади членам общества» [Merkel, 2017: 30] и выражают свой протест, голосуя за популистов. Именно между космополитической и коммунитаристской политическими позициями и проходит сегодня основная линия политического конфликта [см. подробнее: Zürn, Merkel, 2019].

Правые популисты перехватили некоторые призывы левых: критику элит и привилегированных слоев, вызов статус-кво и требование перемен, поэтому рабочий класс по обе стороны Атлантики начинает переходить на их сторону. Левые политические силы, прежде всего социал-демократы, должны вновь поставить вопросы экономического и культурного распределения в центр политической повестки дня. Левым и леволиберальным партиям необходим новый язык для коммуникации с низшими слоями общества, с помощью которого последние могли бы вновь понимать политику и ориентироваться в ней. Это не означает игнорирования борьбы за свободу, равенство, культурную модернизацию или отрицания некоторых важных аспектов космополитизма. Но поучения сверху, моральная дискредитация или деструктивное исключение «непредставленных» и «неразумных» групп и слоев разрывают связь между этаблированными партиями и непривилегированными слоями, создавая пустоты для проникновения туда бациллы популизма. Существование последнего напрямую зависит от того, как скоро системные партии восстановят утерянные связи.

Трещина между частью населения, разделяющего коммунитаристские воззрения, и носителями далеко простирающихся космополитических воззрений ведет к дефициту репрезентации. Граждане-коммунитаристы в дебатах по усиливающейся проницаемости национальных границ не чувствуют себя в достаточной мере представленными, поскольку традиционные субъекты принятия решений — из медиа, гражданского общества, культуры, науки, хозяйственной и управленческой сфер, — равно как и традиционные партии, выражают преимущественно космополитические интересы. «Отсутствующее согласие между ними и гражданами с коммунитаристскими установками относительно глобализации, миграции или свободы торговли приводит к вакууму в политическом спектре»

[Teney, 2019: 29]. Возникающие ниши стремятся заполнить новые политические движения и партии, поэтому наблюдаемое в Европе усиление правопопулистских сил не является чем-то удивительным. Они улавливают страхи и неуверенность населения, пытаются усилить эти чувства и ввести их в политический дискурс. Одновременно популистские движения целенаправленно способствуют дистанцированию населения (или его части) от традиционных политических партий. Раскол общества на космополитов и коммунитаристов, вероятнее всего, будет развиваться и дальше, поэтому традиционным политическим партиям необходимо конструктивно реагировать на страхи части населения, избежав искушения предлагать ему простые решения, не соответствующие комплексным глобальным взаимосвязям.

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу о шансах и перспективах популизма в условиях резко обострившихся общественных противоречий, порожденных глобализацией, следует согласиться с формулой К. фон Байме: «Популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом постоянно рядом» [Байме, 2014: 107]. Оставаясь неизбежной тенью демократического способа правления, популизм действительно все время рядом: он ищет и находит те лакуны (пустоты), которые может оперативно занять, поэтому рано говорить о том, насколько велико окажется влияние популистских партий в парламентах ряда стран, где большинство мест по-прежнему принадлежит центристским силам. Однако очевидно, что спокойному и самоуверенному существованию последних в современной политике, по-видимому, пришел конец.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
2. Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 101–109.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
5. Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Дело; РАНХиГС, 2015.

6. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 13–33. DOI: 10.31249/poln/2020/03/01.

7. Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов демократии // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05.

8. Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 181–191. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13.

9. Крастев И. Новые деспоты Восточной Европы: долгий путь к упадку демократии // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 120. С. 140–150.

10. Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

11. Мартынов Б.Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // *Латинская Америка*. 2020. № 2. С. 19–29. DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5.

12. Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // *Берегinya*. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 91–100.

13. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Институт Гайдара, 2016.

14. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04.

15. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

16. Фукуяма Ф. Политический закат или обновление Америки? Значение выборов 2016 года // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 5. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/politicheskij-zakat-ili-obnovlenie-ameriki/> (дата обращения: 03.04.2020).

17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

18. Dahrendorf R. *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze*. Muenchen: C.H. Beck Verlag, 2004.

19. Eichengreen B. *The populist temptation. Economic grievance and political reaction in the Modern era*. Oxford: University Press, 2018. DOI: 10.1162/jinh_r_01413.

20. Gdula M. *Nowy autorytarizm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018.

21. Grant B., Moore T., Linch T. *The rise of right wing populism. Pauline Hanson's One Nation and Australian politics*. Singapore: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-981-13-2670-7.

22. Hendricks V., Vestergaard M. *Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie* // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 4–10.

23. Kaczyński J., Kaczyński L., Karnowski M., Zaremba P. *Alfabet braci Kaczyńskich*. Kraków: Wydawnictwo M., 2010.

24. Levitsky S., Loxton J. Populism and competitive authoritarianism in the Andes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 107–136. DOI: 10.1080/13510347.2013.738864.

25. Lochocki T. *The rise of populism in Western Europe. A media analysis on failed messaging*. Springer, 2018.

26. Macaulay M. *Populist discourse. International perspectives*. Palgrave Macmillan, 2019.

27. Marschall S. Luegen und Politik im postfaktischen Zeitalter // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 17–22.

28. Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2016. Vol. 66. No. 40–42. S. 4–11.

29. Merkel W. Trump, Die Rechtspopulisten und die Demokratie // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2017. No. 1. S. 26–30.

30. Mounk Y. Pitchfork politics: The populist threat to liberal democracy // *Foreign Affairs*. 2014. No. 5. P. 27–36.

31. Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repräsentation? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2016. Vol. 66. No. 40–42. P. 24–29.

32. Norris P. *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. New York: Cambridge University Press, 2005. DOI: 10.1017/CBO9780511615955.

33. Pappas T.S. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfall, and the minimum definition // *Oxford Research Encyclopedias*. 2016. Available at: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17> (accessed: 19.02.2020). DOI: 10.1093/ACREFORE/9780190228637.013.17.

34. Pappas T.S. Populist democracies: Post-authoritarian Greece and post-Communist Hungary // *Government and Opposition*. 2014. Vol. 49. No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1017/gov.2013.21.

35. Pauwels T. Measuring populism: A quantitative text analysis of party literature in Belgium // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2011. Vol. 21. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1080/17457289.2011.539483.

36. *Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* / Ed. by von F. Decker. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006.

37. *Populist politics and liberal democracy in Central and Eastern Europe* / Ed. by G. Mesežnikov, O. Gyárfášová, D. Smilov. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2008.

38. Sawyer M., Laycock D. Down with elites and up with inequality: Market populism in Australia and Canada // *Commonwealth & Comparative Politics*. 2009. Vol. 47. No. 2. P. 133–150. DOI: 10.1080/14662040902842836Sawer.

39. Snyder T. *Der Weg in die Unfreiheit Russland, Europa, Amerika*. München: C.H. Beck, 2018.

40. Sutowski V. ‘Guter Wandel’ zum ‘neuen Autoritarismus’ — und wie weiter? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2018. Vol. 68. No. 11. S. 15–18.

41. Szél B. Neuer Widerstand in Ungarn // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 4. S. 18–23.

42. Teney C. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 6. S. 27–29.

43. Vittori D. Is populism changing the political representation of Western democracies? // *Political Sciences & Public Affairs*. 2015. Vol. 3. No. 1. S. 1–8. DOI: 10.4172/2332-0761.1000140.

44. Weingart P. ‘Wahres Wissen’ und demokratisch verfasste Gesellschaft // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 11–16.

45. Zürn M., Merkel W., Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 6. S. 14–23.

REFERENCES

1. Arendt H. 2014. *Between past and future*. New York, Penguin Books [Russ. ed.: Arendt Kh. 2014. *Mezhdy proshlym i budushchim*. Moscow, Institut Gaidara Publ.].

2. Baime K. 2014. Populizm i pravyy ekstremizm v partiinykh sistemakh epokhi postmoderna [Populism and right-wing extremism in postmodern party systems]. *Bereginya*. 777. *Sova*, no. 4 (23), pp. 101–109. (In Russ.)

3. Beck U. 1999. *What is globalization?* Cambridge, Polity Press [Russ. ed.: Bek U. 2001. *Chto takoe globalizatsiya?* Moscow, Progress-Traditsiya Publ.].

4. Vainshtein G. 2017. Sovremennyy populizm kak ob’ekt politologicheskogo analiza [Modern populism as a subject of political science]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06. (In Russ.)

5. Giddens A. 2014. *Turbulent and mighty continent what future for Europe?* Cambridge, Polity Press [Russ. ed.: Giddens E. 2015. *Nespokoinyy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* Moscow, Delo Publ.].

6. Glukhova A.V. 2020. Politicheskie konflikty v global’nyu epokhu (k probleme teoreticheskoi identifikatsii) [Political conflicts in the global era (theoretical approach implementation)]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 13–14. DOI: 10.31249/poln/2020/03/01. (In Russ.)

7. Glukhova A.V. 2017. Populizm kak politicheskii fenomen: vyzov demokracji [Populism as a political phenomenon and the challenge of the modern democracy]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05. (In Russ.)

8. Glukhova A.V., Savenkov R.V. 2019. Novyy avtoritarizm v pol’skom oblachenii [New authoritarianism in Polish vestment]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 181–191. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13. (In Russ.)

9. Krastev I. 2018. *Novye despoty Vostochnoi Evropy: dolgii put' k upadku demokratii* [Eastern Europe's new despots: The long road to democratic decline]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 120, pp. 140–150. (In Russ.)

10. Krauch K. 2010. *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.)

11. Martynov B.F. 2020. *Latinoamerikanskii populizm: nekotorye razmyshleniya po povodu* [Latin American populism: Some relevant thoughts]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 19–29. DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5. (In Russ.)

12. Mudde K. 2014. *Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennoi Evrope* [Populist radical-right parties in Europe today]. *Bereginya*. 777. *Sova*, no. 4 (23), pp. 91–100. (In Russ.)

13. Urbinati N. 2014. *Democracy disfigured: Opinion, truth, and the people*. Harvard, Harvard University Press [Russ. ed.: Urbinati N. 2016. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod*. Moscow, Institut Gaidara Publ.].

14. Fishman L. 2017. *Populizm — eto nadolgo* [Populism will be long lasting]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04. (In Russ.)

15. Fukuyama F. 2018. *Identity: Contemporary identity politics and the struggle for recognition*. London, Profile Books [Russ. ed.: Fukuyama F. 2019. *Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya*. Moscow, Al'pina Publisher].

16. Fukuyama F. 2016. *Politicheskii zakat ili obnovenie Ameriki? Znachenie vyborov 2016 goda* [American political decay or renewal? The meaning of the 2016 election]. *Russia in Global Affairs*, no. 5. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/politicheskij-zakat-ili-obnovenie-ameriki> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)

17. Huntington S.P. 1966. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, Simon & Schuster [Russ. ed.: Khantington S. 2003. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Press].

18. Dahrendorf R. 2004. *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze*. Muenchen, C.H. Beck Verlag.

19. Eichengreen B. 2018. *The populist temptation. Economic grievance and political reaction in the Modern era*. Oxford, University Press. DOI: 10.1162/jinh_r_01413.

20. Gdula M. 2018. *Nowy autorytarizm*. Warszawa, Wydawnictwo Krytyki Politycznej.

21. Grant B., Moore T., Linch T. 2019. *The rise of right wing populism. Pauline Hanson's One Nation and Australian politics*. Springer. DOI: 10.1007/978-981-13-2670-7.

22. Hendricks V., Vestergaard M. 2017. *Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie*. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 4–10.

23. Kaczyński J., Kaczyński L., Karnowski M., Zaremba P. 2010. *Alfabet braci Kaczyńskich*. Kraków, Wydawnictwo M.

24. Levitsky S., Loxton J. 2013. Populism and competitive authoritarianism in the Andes. *Democratization*, vol. 20, no. 1, pp. 107–136. DOI: 10.1080/13510347.2013.738864.

25. Lochocki T. 2018. *The rise of populism in Western Europe. A media analysis on failed messaging*. Springer.

26. Macaulay M. 2019. *Populist discourse. International perspectives*. Palgrave Macmillan.

27. Marschall S. 2017. Lügen und Politik im postfaktischen Zeitalter. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 17–22.

28. Merkel W. 2016. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 66, no. 40–42, s. 3–11.

29. Merkel W. 2017. Trump, die Rechtspopulisten und die Demokratie. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 1, s. 26–30.

30. Mounk Y. 2014. Pitchfork politics: The populist threat to liberal democracy. *Foreign Affairs*, no. 5, pp. 27–36.

31. Müller J.-W. 2016. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 66, no. 40–42, pp. 24–25.

32. Norris P. 2005. *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. New York, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511615955.

33. Pappas T.S. 2016. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfall, and the minimum definition. *Oxford Research Encyclopedias*. Available at: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17?rskey=A55nhK&result=53aedias> (accessed: 19.02.2020). DOI: 10.1093/ACREFORE/9780190228637.013.17.

34. Pappas T.S. 2014. Populist democracies: Post-authoritarian Greece and post-Communist Hungary. *Government and Opposition*, vol. 49, no. 1, pp. 1–23. DOI: 10.1017/gov.2013.21.

35. Pauwels T. 2011. Measuring populism: A quantitative text analysis of party literature in Belgium. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, vol. 21, no. 1, pp. 97–119. DOI: 10.1080/17457289.2011.539483.

36. Decker F. von (ed.). 2006. *Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* Wiesbaden, VS Verlag fuer Sozialwissenschaften.

37. Mesežnikov G., Gyárfášová O., Smilov D. (eds.). 2008. *Populist politics and liberal democracy in Central and Eastern Europe*. Bratislava, Institute for Public Affairs.

38. Sawyer M., Laycock D. 2009. Down with elites and up with inequality: Market populism in Australia and Canada. *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 47, no. 2, pp. 133–150. DOI: 10.1080/14662040902842836Sawer.

39. Snyder T. 2018. *Der Weg in die Unfreiheit Russland, Europa, Amerika*. München, C.H. Beck-Verlag.
40. Sutowski V. 2018. ‘Guter Wandel’ zum ‘neuen Autoritarismus’ — und wie weiter? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 68, no. 11, s. 15–18.
41. Szél B. 2019. Neuer Widerstand in Ungarn. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 4, s. 18–23.
42. Teney C. 2019. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 6, s. 27–29.
43. Vittori D. 2015. Is populism changing the political representation of Western democracies? *Political Sciences & Public Affairs*, vol. 3, no. 1, s. 1–8. DOI: 10.4172/2332-0761.1000140.
44. Weingart P. 2017. ‘Wahres Wissen’ und demokratisch verfasste Gesellschaft. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 11–16.
45. Zürn M., Merkel W., 2020. Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 6, s. 14–23.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86

Научная статья / Research paper

И.Л. Прохоренко*

ФЕНОМЕН ЛЕВОГО ПОПУЛИЗМА В ИСПАНИИ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23*

В статье рассмотрены формирование, эволюция и перспективы испанской левопопулистской леворадикальной политической партии «Мы можем!» («Подemos») в условиях подъема популизма в странах Южной Европы и Европейского союза в целом. В фокусе внимания автора — причины и страновая специфика левого популизма в Испании, политический портрет лидера «Подemos» Пабло Иглесиаса, особенности и динамика развития партийной системы страны начиная с середины 2000-х годов, идентитарные, поколенческие и партийно-идеологические размежевания в сегодняшнем испанском «разъединенном» обществе, а также оценка перспектив развития политической ситуации в Испании после ухода Пабло Иглесиаса из правительства и поражения «Подemos» на автономных выборах в Мадриде в мае 2021 г. Проведенное исследование испанского кейса позволяет выйти на более широкие обобщения относительно природы феномена популизма в странах Европейского союза в целом. В частности, показано, что востребованность популистских лозунгов и кандидатов обусловлена не столько нарастанием кризиса традиционных политических систем и последствиями кризиса суверенных долгов, сколько наличием структурных диспропорций в социально-экономической сфере, которые указанные процессы и явления лишь обнажили, сделали явными. Именно эти диспропорции, преодолеть которые традиционные политические силы оказываются не в состоянии, и создают постоянно подпитываемую среду для радикальных право- и левопопулистских партий и движений. Как следствие, можно с уверенностью говорить о том, что популизм останется элементом политического ландшафта страны, несмотря ни на какие сканда-

* *Прохоренко Ирина Львовна* — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru).

лы и тактические просчеты его представителей, что наглядно подтверждает пример Пабло Иглесиаса. В то же время, как подчеркивает автор, именно наличие явной угрозы в лице популистских политиков может послужить импульсом к обновлению традиционных партий и оздоровлению политической системы страны в целом.

Ключевые слова: политический популизм, левый популизм, протестные партии, протестные движения, Европейский союз, европейская интеграция, евроскептицизм, Южная Европа, Испания, партия «Подemos», Пабло Иглесиас.

Для цитирования: Прохоренко И.Л. Феномен левого популизма в Испании // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 62–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86.

Irina L. Prokhorenko

LEFT-WING POPULISM IN SPAIN

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The paper examines formation, evolution and political perspectives of the Spanish radical left-wing populist party ‘We Can!’ (Podemos) in the face of growing support for populism in the Southern European countries as well as in the European Union in general. The author identifies the origins and country-specific characteristics of the left-wing populism in Spain and provides the general overview of trends in the country’s party system since the middle of the 2000s, including the growing axiological, generational, political and ideological cleavages in the Spanish divided society. Special attention is paid to the political portrait of the Podemos leader Pablo Iglesias and the prospects for development of political situation in the country after his resignation and subsequent electoral defeat in the Autonomous Community of Madrid in May 2021. As such, this case study can provide some useful insights on the nature of populism in the EU member-states in general. In particular, the paper shows that the fragmentation of traditional political systems and the impacts of the sovereign debt crisis per se do not provide a sufficient explanation for the growing demand for populist rhetoric and charismatic leaders, but rather they have exposed certain structural economic and social imbalances. It is exactly these imbalances which traditional

political parties are unable to address that create a breeding ground for various left- and right-wing parties and movements. As a result, the author concludes that populism will remain an essential element of political landscape in Spain despite all scandals that accompany populist politicians as the case of Pablo Iglesias has clearly demonstrated. At the same time the author emphasizes that it is this clear and imminent threat posed by the populist movements that may eventually serve as an impetus for a renewal of traditional parties and of the country's political system in general.

Keywords: political populism, left-wing populism, protest party, protest movement, European Union, European integration, Euroscepticism, Southern Europe, Spain, Podemos party, Pablo Iglesias.

About the author: *Irina L. Prokhorenko* — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: irinapr@imemo.ru).

For citation: Prokhorenko I.L. 2021. Left-wing populism in Spain. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 62–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86. (In Russ.)

Феномен левого популизма в мире и, в частности, в Европейском союзе привлекает к себе значительное внимание в научном и общественно-политическом дискурсе начиная с конца 2000-х годов. Однако он менее изучен, чем популизм правый, как и правый радикализм, в которых видят усиление национальной идентичности, национализма и евроскептицизма, а значит, серьезный вызов солидарности в ЕС и угрозу самому европейскому региональному интеграционному проекту, где присутствует и развивается весомый наднациональный компонент и формируется качественно новая макрополитическая (европейская) идентичность.

За сравнительно короткий срок исследователям удалось концептуализировать явление политического популизма в целом и типологизировать его по различным основаниям: в первую очередь идеологическим — правый и левый [Canovan, 1981; Albertazzi, McDonnell, 2007]; степени наполненности идеологическим содержанием — «разреженный» и «плотный» [Jagers, Walgrave, 2007]; форме политической мобилизации — «инклюзивный» и «эксклюзивный» [Mudde,

Rovira Kaltwasser, 2013; Font et al., 2021]; по политико-культурным и даже политико-географическим (территориальным) принципам, например популизм в Латинской Америке, Южной, Центральной или Восточной Европе, на постсоветском пространстве, в Азии и т.д. Стали различать не только внутривнутриполитический популизм, но и проявления популизма во внешней политике государств и различных межгосударственных объединений.

Выделяя правую и левую разновидности политического популизма, традиционно обозначают главную его причину — кризис демократии, который еще более усилил негативные последствия глобального финансово-экономического кризиса [Canovan, 1981; Zaslove et al., 2021; Kriesi, 2014]. Дополнительным источником в случае Европейского союза выступает феномен так называемой политизации европейской интеграции. Начиная с 1990-х годов дальнейшее расширение компетенций Евросоюза и вмешательства его институтов в регулирование повседневной жизни граждан на фоне отсутствия роста демократической легитимности политической системы объединения привело к разрыву между еврооптимизмом национальных и европейских элит и достаточно сдержанной реакцией граждан ЕС на динамику европейского регионального интеграционного проекта и к последующей смене «разрешительного консенсуса» «ограничивающим несогласием» [de Wilde, 2015; Семеновко, Прохоренко, 2015].

Выбор в качестве фокуса исследования явления левого популизма в Испании неслучаен. Этот страновой кейс дает возможность выявить общие и особенные признаки левого популизма в контексте Европейского союза и трансформаций партийно-политического ландшафта в странах Южной Европы, проследить его эволюцию от протестного «народного» движения под влиянием негативных последствий глобального финансово-экономического кризиса к формированию леворадикальной политической партии «Мы можем!» («Подemos», Podemos — от исп. poder и democracia) и далее — к участию в правительственной коалиции со «старыми» левыми и поиску значимой идеологической основы будущей политической и правительственной деятельности. В своем исследовании автор опиралась на институциональный подход и дискурс-анализ, а также на имеющиеся исследования, прежде всего статьи в научных журналах, посвященные испанскому варианту левого популизма [см., например: Gómez-Reino Cachafeiro, Plaza-Colodro, 2018; Vampa, 2020; Orriols, León, 2021; Sola, Rendueles, 2018; Хенкин, 2016].

От «Движения 15 мая» к несистемной партии антиистеблишмента

Испанскую политическую партию «Мы можем!» справедливо считают партией протеста, в отличие от правопопулистской праворадикальной партии «Голос» («Вокс», Vox), партии идентичности, выступающей против региональных сепаратизмов за прочное единство испанского государства и укрепление общеиспанского самосознания. Но глобальный финансово-экономический кризис и его негативные последствия — лишь одна из причин появления несистемной протестной партии, выросшей из самоорганизовавшихся ячеек уличного сопротивления [March & Rommerskirchen, 2015; Venizelos, 2020]. Как и во многих других случаях в плане динамики партийной системы, страна повторяла путь соседней Италии, где уже наблюдалась далеко зашедшая фрагментация партийно-политического ландшафта, что значительно затрудняло формирование центрального правительства, даже коалиционного, и была учреждена в октябре 2009 г. левопопулистская партия «Движение пяти звезд», основателями которой стали актер-комик и блогер Беппе Грилло и предприниматель Джанроберто Казаледжо [Caiani, Padoan, 2020; Caiani, Graziano, 2016; Best, 2013].

Масштабная безработица, особенно среди молодежи, резкое падение доходов населения, массовое закрытие малых и средних предприятий, составляющих основу производственной структуры страны, высокая задолженность домохозяйств и частного сектора, жесткая политика бюджетной экономии сначала правительства социалистов Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, а потом еще более жесткая — правоцентристского кабинета министров во главе с Мариано Рахоем, который начал проводить болезненные структурные реформы, в том числе на рынке труда, — всё это стало основой драматического падения доверия граждан к политическому классу страны, а именно к двум ведущим политическим партиям — Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Народной партии (они в постфранкистский период с 1983 г. поочередно сменяли друг друга у власти).

Испания, Греция, Португалия, а затем и Италия оказались в числе тех «больных людей» Евросоюза, которых досужие журналисты решили объединить в группу так называемых стран PIGS (англ. pigs — свиньи) и чуть позже — PIIGS (P — Португалия, I — Ирландия).

дия, I — Италия, G — Греция, S — Испания), наиболее пострадавших от глобального кризиса и долгового кризиса в ЕС. Однако указанные кризисы выступили лишь триггер-системными факторами, которые стимулировали создание протестных общественных движений и политических партий и фрагментацию национальных партийных систем в Южной Европе. Движение традиционных политических партий к центру, всё большая схожесть их избирательных программ в условиях европейской интеграции наблюдались задолго до этого. Негативные последствия глобального кризиса и недостаточная эффективность страновых экономических моделей содействовали разочарованию электората в правительственных элитах и росту евроскептических настроений [Hopkin, Blyth, 2019].

Ровно 10 лет назад в Испании «Движение 15 мая» (исп. *Movimiento 15-M*), или «Движение возмущенных» (исп. *Movimiento de indignados*), стало вариантом гражданского протеста *Occupy Wall Street* в Нью-Йорке и частью общеевропейского движения против режима жесткой экономии на фоне избирательных кампаний 2011 и 2012 гг. на местных и автономных (региональных) выборах [Kerman, Alvarez, 2015]. Участников многотысячных демонстраций по всей стране объединяло недовольство ростом бедности, высоким уровнем безработицы, сокращениями в системе социального обеспечения, они протестовали против растущего социального неравенства, системных недостатков капиталистической модели, коррупции чиновников и политиков за государственные гарантии основных прав граждан на труд, жилище, здравоохранение, образование.

Финансирование протестного движения осуществлялось путем краудфандинга — массовых добровольных пожертвований с помощью сетевых технологий, а коммуникацию протестующие обеспечивали через социальные сети. Именно так действовали низовая организация ¡*Democracia Real YA!* (исп. «Подлинная демократия сейчас!»), оформившаяся в марте 2011 г. в Мадриде и объединившая более 200 мелких ячеек; *Juventud sin Futuro* (исп. «Молодежь без будущего»), начавшая работу в феврале 2011 г. также в столице на базе университетских студенческих сообществ, которые выступали против прекаризации студенчества, драматической безработицы среди молодежи, а также против Болонского процесса — гармонизации национальных систем высшего образования в Евросоюзе; и *Plataforma de Afectados por la Hipoteca* (исп. «Платформа пострадавших от ипотечного кризиса»), созданная в феврале 2009 г. в Бар-

селоне (Каталония) на фоне невозможности для многих выплачивать долги банкам по ипотечным кредитам и угрозы потери купленного в кредит жилья, порой единственного.

Но кому же доверяли испанцы в отсутствие авторитета традиционных политических партий? Результаты опросов общественного мнения, проведенные в стране осенью 2011 г. неправительственным аналитическим центром *Metroscopía*, показали, что граждане более всего доверяют, во-первых, работникам сферы образования, учителям средних школ и преподавателям высших учебных заведений, а во-вторых и в-третьих, научным и медицинским работникам, получающим бюджетное финансирование¹. Надежды электората, существенная доля которого традиционно придерживалась левых взглядов и продолжает разделять их и в настоящее время независимо от возрастной категории², на новые лица в испанской политике оправдались.

На крайнем левом фланге политического спектра появился тот самый молодой харизматичный политик, почти полный тезка основателя ИСРП, старейшей рабочей партии Европы, Пабло Иглесиаса Поссе, получивший степень доктора философии по политическим наукам и в 2008 г. — звание профессора политологии в Мадридском университете Комплутенсе, телеведущий Пабло Мануэль Иглесиас Туррион. Худощавый, чуть сутулый, игнорирующий строгие костюмы и прически традиционных политиков, с усами и бородкой, с длинными волосами, собранными в «хвостик», неплохой оратор.

Пабло Иглесиас родился в 1978 г. в семье преподавателя истории (отец), члена леворадикальной организации городских партизан «Революционный антифашистский патриотический фронт», созданной запрещенной в годы авторитарной диктатуры Коммунистической партией Испании (КПИ), и юриста аффилированного с Компартией профсоюза «Рабочие комиссии» (мать). Его родители активно участвовали в антифранкистском движении и назвали сына в честь знаменитого основателя испанского социализма Пабло Иглесиаса. Его дедом по матери был историк ИСРП, а по отцу — республиканец,

¹ Toharia J.J. ¿En quién confían los españoles? // *Metroscopía*. 28.10.2011. Available at: <https://metroscopia.org/en-quien-confian-los-espanoles/> (accessed: 05.06.2021).

² Share of Spaniards that considered themselves left-wing supporters in 2019, by age group // Statista. 21.01.2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1059538/spaniards-self-identifying-as-left-wing-supporters-by-age-group/#statisticContainer> (accessed: 05.06.2021).

которому чудом удалось избежать смертного приговора франкистов. Еще будучи подростком, Пабло состоял в молодежной организации КПИ, примкнул к альтерглобалистскому движению, стал широко известен как интеллеktуал левых убеждений, участник политических телешоу на ТВ-каналах, в частности La Sexta каталонского медиаманата, кинематографиста и политического активиста Хауме Роуреса, а также как публицист, автор статей в ежедневной общенациональной газете *Público*, соучредителем которой также стал Хауме Роурес (издается с 2007 г., выходит в цифровом формате и имеет стриминговый канал телевидения, с 2007 по 2012 г. распространялась в том числе в бумажной версии).

Иглесиас и в 2000-е — начале 2010-х годов продолжал сотрудничать с Компартией Испании, которая в 1986 г. создала избирательный блок «Объединенные левые» (исп. *Izquierda Unida*), стремясь затормозить свое сокращавшееся электоральное влияние и преодолеть заградительный барьер в 3%, прежде всего на всеобщих парламентских выборах, а в результате глобального кризиса расширила поддержку избирателей. В 2011 г. Пабло Иглесиас стал внештатным консультантом «Объединенных левых» в ходе избирательной кампании. Однако его главной целью стали организационная консолидация леворадикального протестного движения и его институционализация как политической партии. Примеры соседних Греции (коалиция радикальных левых «СИРИЗА») и Италии («Движение пяти звезд») были для него образцовыми в этом плане.

В результате в январе 2014 г. в преддверии выборов в Европейский парламент Иглесиас стал соучредителем общественно-политического движения «Подemos», официально зарегистрированного в качестве политической партии уже в марте того же года. На выборах в Европарламент новая партия получила пять депутатских мест (а это 1 253 837 человек, имеющих право голоса, или почти 8% голосов испанских избирателей) из полагающихся на тот момент стране 54³ и вошла в политическую группу (парламентскую фракцию) Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера в ЕП. В свою очередь учрежденная в декабре 2013 г. испанская праворадикальная

³ Consulta de resultados electorales. Parlamento Europeo / Mayo 2014 // Ministerio de Interior de España. Available at: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html;jsessionid=D434137318FDB7D7F1937FB1B764A782> (accessed: 05.06.2021).

партия «Вокс» не смогла пройти в Европарламент (246 833 человека, или 1,57% голосов), а созданной в 2006 г. в Каталонии, но заявившей о своем общенациональном статусе центристской партии «Граждане — Партия гражданства» (исп. *Ciudadanos*) достались всего два мандата (497 146 человек, или 3,16% голосов избирателей)⁴.

Выборы в Европейский парламент, которые проходят каждые 5 лет, вплоть до последнего времени экспертами, гражданами и даже элитами считались второстепенными, поскольку существенно не влияли на формирование национальных правительств и принятие политических решений на национальном и общеевропейском уровнях. Однако для избирателей прямые выборы в наднациональный законодательный орган, полномочия которого значительно расширились после вступления в силу в 2009 г. Лиссабонского договора, стали возможностью выразить свое отношение к действующему национальному правительству и ключевым проблемам национальной повестки. Для пяти депутатов «Подemos» участие в работе представительного органа ЕС стало возможностью результативно использовать парламентскую трибуну для выражения политических взглядов партии и оказания влияния на формирование общеевропейской повестки, а также наладить кооперативное сетевое взаимодействие с коллегами по политической группе и представителями других парламентских фракций.

Последующие опросы общественного мнения показывали растущую популярность «Подemos» и ее лидера — поддержку им выражали более 20% избирателей⁵. Основой потенциального электората протестной партии была молодежь от 18 до 25 лет — в результате глобального кризиса уровень безработицы в этой возрастной категории достиг драматических показателей (превысил 55,5% в 2013 г.⁶, а в первом

⁴ Toharia J.J. ¿Hacia el cuatripartidismo? // *Metroscopía*. 11.01.2015. Available at: <https://metroscopia.org/hacia-el-cuatripartidismo/> (accessed: 05.06.2021).

⁵ Ferrándiz J.P. Barómetro electoral de febrero de 2015: no es solo la economía // *Metroscopía*. 09.02.2015. Available at: <https://metroscopia.org/barometro-electoral-febrero-2015-no-es-solo-la-economia/> (accessed: 05.06.2021); Comparación de la intención directa de voto entre el CIS y Metroscopía // *Metroscopía*. 06.11.2015. Available at: <https://metroscopia.org/comparacion-de-la-intencion-directa-de-voto-entre-el-cis-y-metroscopia/> (accessed: 05.06.2021).

⁶ Tasa de paro por edad y period. 2006–2019 // Instituto Nacional de Estadística de España. Available at: <https://www.ine.es/jaxi/Datos.htm?path=/t00/ICV/dim2/&file=21204.px> (accessed: 05.06.2021).

квартале 2021 г. составил 39,53%⁷), что дало повод аналитикам говорить об испанской молодежи этого периода как о «потерянном поколении», которое в основном не имеет финансовых ресурсов, чтобы жить отдельно от родителей, в большинстве своем не может найти работу, впервые выходя на рынок труда, и часто не учится, резонно не видя в этом перспектив и преимуществ с точки зрения будущей занятости.

Это стало одновременно и сильной, и слабой стороной «Подemos» в плане результатов грядущих и будущих выборов. С точки зрения возрастной структуры испанское общество испытывает серьезные демографические проблемы, связанные со старением населения, сокращением рождаемости, небольшой по размерам, но всё же эмиграцией за рубеж, в основном людей молодого возраста. Среднесрочные и долгосрочные демографические прогнозы в отношении Испании неутешительны: доля молодых людей в общей численности тех, кто имеет право голоса, неуклонно сокращается, а значит, в стратегическом плане расширения социальной базы леворадикальной партии ждать не приходится. К тому же молодые испанские избиратели не столь активны на выборах, как люди старшего и пожилого возраста, участие в уличных акциях для них оказывается более предпочтительным, к тому же растет число тех, кто вообще не интересуется политикой⁸.

Путь к участию в правительственной коалиции

«Итальянизацию» испанской политики, т.е. тренд на фрагментацию партийной системы страны, закрепили результаты очередных всеобщих парламентских выборов в декабре 2015 г. Правительственная Народная партия (НП) получила 28,71% голосов (123 места в нижней палате национального парламента), ИСРП — 22% (90 мест), «Граждане — Партия гражданства» — 13,94% (40 депутатов), «Подemos» — 12,69% (42 мандата)⁹. Представители «Подemos» вошли

⁷ Tasas de paro por distintos grupos de edad, sexo y comunidad autónoma. 2019–2021 // Instituto Nacional de Estadística de España. Available at: <https://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=4247> (accessed: 05.06.2021).

⁸ Camas García F. ¿Por qué votan menos los jóvenes en España? // Metroscopia. 28.02.2017. Available at: <https://metroscopia.org/por-que-vota-menos-la-gente-joven/> (accessed: 05.06.2021).

⁹ Consulta de resultados electorales. Congreso / Diciembre 2015 // Ministerio de Interior de España. Available at: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (accessed: 05.06.2021).

в состав региональных избирательных блоков и коалиций, которые также получили места в Конгрессе депутатов. Очевидным стал тот факт, что партия Иглесиаса забирает голоса электората, который традиционно поддерживал ИСПП (левых центристов), однако чьи взгляды радикализировались под влиянием негативных последствий глобального кризиса на фоне падения доверия к традиционным партиям и правительственной политике, особенно макроэкономической и в сфере социального обеспечения. К тому же ИСПП раздирали внутривнутрипартийные разногласия и противоречия по территориальному, идеологическому и поколенческому признакам, партия не избежала и громких политических скандалов.

Невозможность сформировать однопартийное или коалиционное правительство по итогам выборов, даже при посредничестве главы испанского государства — короля Филиппа VI (занял престол после добровольного сложения своих полномочий его отцом Хуаном Карлосом I в результате череды громких политических скандалов в королевской семье), привела к внеочередным всеобщим парламентским выборам в июне 2016 г. и небольшому электоральному успеху правительственной НП¹⁰. После неудачной попытки голосования в парламенте по составу коалиционного правительства, предложенного социалистами, в результате пяти раундов непростых переговоров с представителями политических партий, которые прошли в нижнюю палату Генеральных кортесов, испанскому монарху удалось убедить оппозицию согласиться с необходимостью принять кандидатуру исполняющего обязанности председателя правительства Мариано Рахоя в качестве главы нового кабинета министров. 315 дней без правительства закончились 31 октября 2016 г. принятием присяги лидером консерваторов.

Избирательные кампании 2015–2016 гг. свидетельствовали о трансформации партийной системы страны и проблематичности, а может быть, и невозможности в будущем справиться с политической нестабильностью. После краха франкистского режима создатели новой демократической Испании выбрали специфическую электоральную формулу, стремясь получить в результате демократического транзита модель умеренной многопартийности с домини-

¹⁰ Consulta de resultados electorales. Congreso / Junio 2016 // Ministerio de Interior de España. Available at: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (accessed: 05.06.2021).

рованием двух ведущих политических общенациональных партий. На всеобщих парламентских выборах стала применяться система пропорционального представительства по закрытым партийным спискам по формуле д'Ондта с 3%-ным заградительным барьером, когда депутатские места распределяются последовательно, одно за другим. В результате в национальный парламент из иногда более 300 политических партий проходили две крупные политические силы — НП и ИСРП, а также мелкие партии региональных националистов, которые оказывали парламентскую поддержку победившей партии в случае недостижения ею абсолютного большинства в обмен на уступки в межбюджетных отношениях, что способствовало дальнейшей федерализации испанского «государства автономий».

Начиная с 2015 г. результаты выборов в Генеральные кортесы свидетельствуют о том, что сложившаяся и доказавшая свою достаточную устойчивость в постфранкистский период так называемая 2,5-партийная система в Испании исчерпала свои возможности регулирования политической ситуации и превратилась сначала в четырехпартийную (НП, ИСРП, «Подemos», «Граждане»), затем, с 2019 г., — в пятипартийную (те же плюс «Вокс»), а сегодня вновь может вернуться к четырехпартийной (минус теряющая электоральную поддержку «Граждане — Партия гражданства»).

Сложная и неустойчивая политическая ситуация, появление и укрепление несистемных партий, активно использующих в качестве стратегии популизм, привели к тому, что некоторые политики из традиционных партий истеблишмента начали заимствовать популистские практики — популизм оказался заразным, и так происходило на всей южноевропейской периферии ЕС [Miró, 2018]. Пример тому — появление Педро Санчеса на посту генерального секретаря ИСРП в результате непростой и продолжительной внутривыборной борьбы, в том числе впервые в результате прямого голосования рядовых членов партии. Спортивный и фотогеничный «красавчик Педро» (Pedro el Guapo), как часто его стали называть, как и харизматичный Пабло Иглесиас, стал участником политических телевизионных программ и не боялся заимствовать у последнего элементы негативного политического дискурса для достижения электоральных целей партии и особенно своих личных в борьбе за власть [Верников, 2019].

Непомерные политические амбиции и трезвый расчет помогли Педро Санчесу инициировать вотум недоверия кабинету Мариано

Рахоя после приговора Национального суда Испании по коррупционному делу «Гюртель», в котором фигурировали имена видных политиков из находившейся тогда у власти НП, и занять пост председателя правительства по итогам голосования по данному вопросу в Конгрессе депутатов в июне 2018 г. Фактически лидер ИСРП стал «техническим» главой правительства, войдя в исполнительную власть не в результате победы своей партии на всеобщих парламентских выборах, к тому же в составе тогдашних Генеральных кортесов на тот момент позиции социалистов были относительно слабы (84 депутата из 350).

Понятные слабость и неустойчивость правительства Педро Санчеса стали причиной проведения в апреле 2019 г. внеочередных всеобщих парламентских выборов. Социалисты значительно увеличили свое представительство в нижней палате, но не смогли получить возможность сформировать однопартийное правительство¹¹. Сложившаяся ситуация заставила их искать компромисс с оппозиционными депутатами и идти на уступки по принципиальным проблемам. Наиболее вероятным партнером социалистов по коалиции наблюдатели уверенно называли «Подемос», рассматривая другие варианты как возможные, но менее реалистичные.

Процесс переговоров между ИСРП и «Подемос» занял более трех месяцев и закончился безрезультатно. Причины провала попыток двух партий договориться имели много составляющих: личные амбиции политиков, претендовавших на лидерство среди левого электората, стремление социалистов воспользоваться возросшей поддержкой избирателей и сохранить политическую инициативу, нежелание Педро Санчеса создавать внутри правительства конфликтные ситуации в условиях разногласий между партиями. В практическом плане для Педро Санчеса на данном этапе оказались неприемлемыми требования Пабло Иглесиаса о предоставлении ему поста первого вице-премьера, а его однопартийцам — пяти портфелей министров социально-экономического блока. Со своей стороны лидер «Подемос» посчитал невозможным согласиться на создание парламентской коалиции без представительства партии в кабинете министров. Однако более общими факторами неудачи переговоров можно считать отсутствие в постфранкистской Испании опыта соз-

¹¹ Consulta de resultados electorales. Congreso / Abril 2019 // Ministerio de Interior de España. Available at: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (accessed: 05.06.2021).

дания коалиционных правительств, сложности, связанные с переходом страны к многопартийной системе, в которой конкурируют несколько сопоставимых по популярности партий, не способных обеспечить себе явное большинство.

В итоге после двух туров голосования по кандидатуре Педро Санчеса на пост председателя правительства (в обоих случаях лидеру ИСРП не удалось набрать необходимое число голосов) стало очевидно, что единственным конституционным выходом из кризиса остается проведение вторых за год внеочередных парламентских выборов, которые состоялись в ноябре 2019 г., однако не внесли принципиальных изменений в расклад политических сил¹².

Первое место заняла ИСРП (120 депутатов вместо прежних 123), на второе место вышла НП с 88 мандатами. «Подemos» в коалиции с «Объединенными левыми» получила всего 26 мест (на прошлых выборах — 42), что решило вопрос о лидерстве среди левых. Относительная неудача «Подemos» и вынужденная договороспособность социалистов на фоне затянувшегося периода политической нестабильности в стране, а также неожиданный для многих электоральный успех праворадикальной «Вокс» сделали задачу формирования нового правительства не менее сложной, но более достижимой. После нескольких раундов консультаций в начале января 2020 г. парламент предпринял попытку утвердить Педро Санчеса председателем правительства. В первом туре лидеру социалистов было необходимо получить не менее 176 голосов из 350, чего ему сделать не удалось. За кандидатуру лидера ИСРП во втором туре (где достаточно простого большинства) было подано 167 голосов, и Испания наконец получила главу правительства.

В новом, первом в постфранкистской Испании коалиционном правительстве Пабло Иглесиас занял специально созданный для него пост второго заместителя председателя правительства по социальным правам и Повестке 2030 (по выполнению Испанией целевых показателей устойчивого развития ООН). Представители «Подemos» возглавили министерства труда, университетов, равенства и потребления, получив возможность приступить к реализации своих идей по решению острых социально-экономических проблем страны.

¹² Consulta de resultados electorales. Congreso / Noviembre 2019 // Ministerio de Interior de España. Available at: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (accessed: 05.06.2021).

Отставка и уход из политики Пабло Иглесиаса

Однако уже в 2021 г. Пабло Иглесиас подал в отставку. Что же стояло за его «уходом из политики», как он сам охарактеризовал это свое решение? Пабло Иглесиас со времен организационного оформления «Движения 15 мая» и позже — партии «Подemos» испытывал значительное политическое давление со стороны истеблишмента, прежде всего правительства НП. В чем только его ни обвиняли: в финансовых махинациях, связях с режимом Уго Чавеса — Николаса Мадуро в Венесуэле, с боевиками баскской террористической организации ЭТА и внесенными Евросоюзом в список террористических организаций FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа, ФАРК), с региональными националистами и сепаратистами. Казалось бы, ему удалось опровергнуть все предъявленные ему обвинения, однако подозрения и страхи на его счет не исчезли даже со временем.

Фигура Иглесиаса вызывала озабоченность у многих политических сил в Испании. К примеру, крупный испанский бизнес опасался повышения налогов, роста социальных расходов государства, ужесточения регулирования рынка труда и повышения размеров минимальной и средней заработной платы, и на это чутко и стремительно реагировал и фондовый рынок страны.

Налицо был углублявшийся конфликт между теми, кто считал доминирование двух ведущих общенациональных политических партий нормой, к которой следует вернуться во что бы то ни стало и как можно скорее, и теми, у кого широкая многопартийность не вызывала отторжения. В основе этого конфликта лежали поколенческие различия и разница в уровне образования: старшее поколение и люди с более низким уровнем образования чаще делают выбор в пользу двухпартийной системы¹³.

Общественные дискуссии провоцировал и негативный популистский дискурс «Подemos» в условиях политической нестабильности в стране, который включал несколько ключевых нарративов: незавершенность демократического транзита в Испании после краха франкизма и призыв осуществить второй, подлинный транзит; необходимость отмены института монархии и установления в Испании

¹³ Camas García F. Tres culturas políticas en España // *Metroscopía*. 29.09.2016. Available at: <https://metroscopia.org/tres-culturas-politicas-en-espana/> (accessed: 05.06.2021).

республиканской формы правления; судьба испанского «государства автономий» в связи с конституционным кризисом в Каталонии. Этот дискурс заставил экспертов и публицистов в Испании и за рубежом задаться существенными вопросами: является ли популизм отражением радикального кризиса западных демократических политических систем, действительно ли популистские движения составляют часть демократического процесса, не противоречат ли они демократии и можно ли говорить о так называемом парадоксе демократии в связи с феноменом левого популизма [Mouffe, 2018; de la Torre, 2019]? Действительно, намеренно трактуя демократию чрезвычайно узко, буквально — как власть народа, руководство «Подemos» фактически содействует дестабилизации демократических институтов в Испании и жесткому разделению общества по линии левые—правые, монархисты—республиканцы и т.д., при этом стремясь включить в общественно-политический дискурс требование «второго транзита» и неоправданно употребляя слово «фашисты» в отношении испанских правых партий. В целом можно согласиться с теми экспертами, которые указывают, что деятельность левопопулистской леворадикальной «Подemos» способствовала дальнейшей фрагментации, а значит, еще большей неустойчивости партийной системы страны, в том числе на различных территориальных уровнях, что было особенно важно, учитывая специфику испанского централизованного «государства автономий», идущего по пути федерализации [Best, 2013].

Сомнения по поводу того, что партия антиистеблишмента сможет институционально адаптироваться к сложившимся правилам игры в партийно-политической системе государства, обрели вполне конкретные подтверждения с началом работы коалиционного правительства, первого со времен Второй республики в Испании. Представители «Подemos» в составе избирательного блока «Объединенные Подemos» (исп. Unidas Podemos), столкнувшиеся с реальной практической деятельностью, вынуждены были оставить в стороне достаточно абстрактные лозунги и идеи прямой демократии, конфликта коррупционных элит и «непорочного» народа и показать, на какие конкретные действия они способны в деле преобразования страны, о котором они так долго говорили и к которому так упорно стремились [García Agustín, Briziarelli, 2018]. Это касалось прежде всего социальной политики, необходимости введения более справедливого, по их мнению, налогообложения бизнеса, продвижения

гендерного равенства и феминизма, «зеленой» повестки, образовательной политики.

Последующему падению популярности «Подemos» способствовали и другие факторы.

Во-первых, под разными предложениями из рядов партии вышли трое из пяти отцов-основателей, несогласных с тем, как осуществляет партийное руководство Пабло Иглесиас, а ряд членов были вообще изгнаны (как это произошло, например, с Иньиго Эррехоном, который, покинув партию, сформировал избирательную коалицию *Más País*). Понятно, что в Испании с ее традициями каудильизма этим никого нельзя было удивить, однако от лидера, так страстно защищавшего идеи прямой демократии, равенства, широкого политического участия, всё же не ожидали столь авторитарных методов управления в самой партии. Ее организационная структура оказалась весьма централизованной, в отличие, скажем, от итальянского «Движения пяти звезд», и столь непохожей на децентрализованное народное протестное «Движение 15 мая», из которого партия фактически выросла [Caiani et al., 2021].

Во-вторых, занятие соратницей, а затем и женой Иглесиаса Ирене Монтеро (младше мужа на 10 лет) и матерью трех его детей (двое из них близнецы) поста министра равенства в коалиционном правительстве Педро Санчеса опосредованно способствовало разочарованию части электората «Подemos», особенно женской его части, в лидере партии. Выступления Монтеро часто вызывают критику, а иногда насмешки, например, при употреблении существительных-обращений (дети, студенты, работники и т.д.) одновременно в женском, мужском и среднем роде (последний грамматически несвойствен испанскому языку), в отличие от слов «министр» и «министресса» без аналога в среднем роде. Скандальными были откровения ее личного водителя, который решил уволиться и выдвинул обвинения в адрес Монтеро, от которых впоследствии отказался, пойдя на мировую и получив, по слухам, отступные в качестве компенсации морального вреда, а также история с устройством на работу в государственные структуры няни ее детей, не имеющей специального образования.

В-третьих, вызывают общественное недовольство информация об увеличении финансовых доходов Иглесиаса и растущий список недвижимости в собственности супружеской пары.

Наконец, фактор пандемии COVID-19 также сыграл негативную роль. В самом начале распространения коронавирусной инфекции

в стране в Международный день солидарности в борьбе женщин за равные права и эмансипацию Ирене Монтеро и супруга Педро Санчеса возглавили массовую демонстрацию в Мадриде, решив пренебречь соблюдением санитарно-эпидемиологических ограничений в политических интересах (в итоге обе заболели, как и многие другие участники мероприятия). В дальнейшем критику и непонимание вызвали ряд решений правительства, принятых в условиях локдаунов и карантинных органичительных мер в духе традиционной парадигмы экономической политики левых: рост налогов, нежелание снижать налог на добавленную стоимость на средства индивидуальной защиты по примеру других государств — членов Евросоюза, запоздалая и недостаточная, по мнению оппозиции, финансовая помощь государства малому и среднему бизнесу и т.д. Слухи о манипуляциях правительства со статистикой смертей от COVID-19 также не идут на пользу левым радикалам.

С одной стороны, вхождение в коалиционное правительство стало несомненным личным успехом Пабло Иглесиаса (и партии «Подemos»), с другой — лишило его многих преимуществ оппозиционного политика и подвергло эрозии идентичность «Подemos» именно как протестной партии. Наблюдатели задавались вопросом, как долго Пабло Иглесиас будет оставаться «возмутителем спокойствия» в кабинете министров Педро Санчеса, требуя и инициируя радикальные реформы в сфере образования, трудовых отношений, налогообложения; какой глубины может достичь конфликт между вторым заместителем правительства и министрами-социалистами и, наконец, что произойдет раньше — вопрос об отставке своего заместителя поставит сам председатель правительства или Иглесиас примет решение об отставке добровольно.

В итоге решение принял Пабло Иглесиас, заявивший в конце марта 2021 г. о выходе из состава правительства в связи с намерением принять участие в досрочных автономных выборах в Мадриде, чтобы возглавить партийный список «Подemos» и лично способствовать консолидации левых сил в столичном регионе. Осознавал ли Пабло Иглесиас, что его уход из правительства Педро Санчеса означает окончание его карьеры или действительно надеялся одержать электоральную победу в столице и возглавить автономное правительство?

Столичный мегаполис превратился в настоящее поле битвы партийных лидеров и избирательных программ. НП и ее кандидат Исабель Диас Айюсо получили 1 620 213 (44,73%) голосов избира-

телей и 65 (из 136) мест в автономном парламенте, ИСРП — 610 190 (16,86%) голосов и 24 депутатских места. Похожий, однако, чуть лучший результат показала региональная политическая платформа левого толка Más Madrid (исп. «Больше Мадрида»), что фактически свидетельствовало об утрате лидерства ИСРП среди левых сил в столице. Одна из лидеров Más Madrid Мануэла Кармена была в прошлом созыве мэром Мадрида (2015–2019), другой ее лидер Иньиго Эррехон был в прошлом соратником Пабло Иглесиаса и возглавлял списки партии на автономных и муниципальных выборах. Правопопулистская праворадикальная партия «Вокс» смогла добиться поддержки 330 660 (9,13%) избирателей (13 депутатских мест). За коалицию «Подемос»–«Объединенные левые» отдали свои голоса 260 010 (7,21%) жителей Мадрида, имеющих право голоса, и это позволило ей получить 10 мест в парламенте автономного сообщества Мадрид¹⁴.

Итогом поражения партии «Подемос» стали заявление Пабло Иглесиаса об уходе из политики и его символическое расставание с «хвостом на голове» [Верников, 2021]. Согласно открытым источникам Пабло Иглесиас принял предложение Хауме Роуреса об участии в одном из его медиапроектов. Тем не менее, на наш взгляд, те, кто считает, что возврат Пабло Иглесиаса в политику невозможен, заблуждаются. О сохранении им политического влияния говорит хотя бы тот факт, что он добился от социалистов назначения Иоланды Диас, нынешнего министра труда и социальной экономики, участницы избирательной коалиции «Объединенные Подемос» и члена КПИ, третьим заместителем председателя правительства.

* * *

С уходом Пабло Иглесиаса из политики феномен популизма в Испании не исчезнет, остается в политическом пространстве страны и Евросоюза партия «Подемос». Правительственная коалиция «Подемос» и ИСРП устояла и не разрушилась с отставкой Иглесиаса, популистские практики используют праворадикальная

¹⁴ Результаты выборов в автономный парламент Мадрида 4 мая 2021 г. см. в специальной рубрике испанской газеты El País: Elecciones Madrid 4M // El País. Available at: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2021/autonomicas/12/index.html> (accessed: 27.05.2021).

партия «Вокс» и другие политические силы страны. Одновременно в общественно-политической жизни Испании можно наблюдать зарождение антипопулистского дискурса, нацеленного не только на противостояние популизму как политическому феномену и популистским партиям, антисистемным по сути, но прежде всего на удержание общенациональными партиями мейнстрима своего традиционного доминирующего положения в партийно-политической системе в условиях системного органического кризиса, а значит, на поиск и согласование разделяемых ими стратегических целей и задач национального развития и общих нравственных императивов политического поведения с возможностью создания коалиций *ad hoc*, несмотря на партийно-идеологические противоречия.

Сделать это быстро и безболезненно достаточно трудно, некоторые уверены, что это попросту невозможно в силу особенностей политической культуры страны и низкой договороспособности национальных элит. Однако такие серьезные вызовы, стоящие перед государством и обществом, как региональный национализм и сепаратизм, угрожающие единству и территориальной целостности Испании, нестабильная политическая ситуация и экономические трудности системного характера, общественные пессимизм и даже уныние, заставляют здравомыслящих представителей политического класса задуматься не просто о проблемах и кризисных явлениях в стране, но о судьбе и будущем испанского государства, его месте и роли в европейском региональном интеграционном проекте, в региональных и международных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верников В.Л. Педро Санчес в борьбе за власть. Политический портрет лидера испанских социалистов // Современная Европа. 2019. № 6. С. 95–104 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6201995104>.

2. Верников В.Л. Политический перформанс Пабло Иглесиаса // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 12 (242). DOI: 10.15211/analytics122021. Доступ: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an242.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).

3. Семенов И., Прохоренко И. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 29–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-7-29-40.

4. Хенкин С.М. Феномен Podemos // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1. С. 15–20. DOI: 10.46272/2409-3416-2016-1-15-20.

5. Best R. How party system fragmentation has altered political opposition in established democracies // *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. 2013. Vol. 48. No. 3. P. 314–342. DOI: 10.1017/gov.2013.16.

6. Caiani M., Graziano P. Varieties of populism: Insights from the Italian case // *Italian Political Science Review*. 2016. Vol. 46. No. 2. P. 243–267. DOI: 10.1017/ipo.2016.6.

7. Caiani M., Padoan E. Populism and the (Italian) crisis: The voters and the context // *Politics*. 2020. DOI: 10.1177/0263395720952627 Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0263395720952627> (accessed: 04.11.2020).

8. Caiani M., Padoan E., Marino B. Candidate selection, personalization and different logics of centralization in new Southern European populism: The cases of Podemos and the M5S // *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. 2021. DOI:10.1017/gov.2021.9. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/government-and-opposition/article/candidate-selection-personalization-and-different-logics-of-centralization-in-new-southern-european-populism-the-cases-of-podemos-and-the-m5s/4F7-2EA841AF3E7779A00806D8F86F196> (accessed: 04.05.2021).

9. Canovan M. *Populism*. London: Junction Books, 1981.

10. de la Torre C. Is left populism the radical democratic answer? // *Irish Journal of Sociology*. 2019. Vol. 27. No. 1. P. 64–71, DOI: 10.1177/0791603519827225.

11. de Wilde P. The politicization of European integration: Towards democratic renationalization? // *The legitimacy of regional integration in Europe and the Americas. Transformations of the state* / ed. by A. Hurrelmann, S. Schneider. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 19–32.

12. Font N., Graziano P., Tsakatika M. Varieties of inclusionary populism? SYRIZA, Podemos and the Five Star Movement // *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 56. No. 1. P. 163–183. DOI:10.1017/gov.2019.17.

13. Gómez-Reino Cachafeiro M., Plaza-Colodro C. Populist Euroscepticism in Iberian party systems // *Politics*. 2018. Vol. 38. No. 3. P. 344–360. DOI: 10.1177/0263395718762667.

14. Hopkin J., Blyth M. The global economics of European populism: Growth regimes and party system change in Europe (The Government and Opposition/Leonard Schapiro lecture 2017) // *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. 2019. Vol. 54. No. 2. P. 193–225. DOI:10.1017/gov.2018.43.

15. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties' discourse in Belgium // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. No. 3. P. 319–345.

16. Kerman C., Alvarez I. Limitaciones y exclusiones en la institucionalización de la indignación: del 15-m a Podemos // *Revista Española de Sociología*. 2015. No. 24. P. 115–122.

17. Kriesi H. The populist challenge // *West European Politics*. 2014. Vol. 37. Iss. 2. P. 361–378. DOI: 10.1080/01402382.2014.887879.

18. March L., Rommerskirchen Ch. Out of left field? Explaining the variable electoral success of European radical left parties // *Party Politics*. 2015. Vol. 21. Iss. 1. P. 40–53. DOI: 10.1177/1354068812462929.

19. Miró J. Beyond populism and institutionalism: Anti-populism and the management of austerity in Spain // *Constellations*. 2018. DOI: 10.1111/1467-8675.12386. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8675.12386> (accessed: 04.05.2021).

20. Mouffe Ch. For a left populism. London, New York: Verso, 2018.

21. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Exclusionary vs. inclusionary populism: Comparing the contemporary Europe and Latin America // *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. 2013. Vol. 48. No. 2. P. 147–174.

22. Orriols L., León S. Looking for affective polarization in Spain: PSOE and Podemos from conflict to coalition // *South European Society and Politics*. 2021. DOI: 10.1080/13608746.2021.1911440. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13608746.2021.1911440> (accessed: 04.06.2021).

23. Peña-Fernández S., Larrondo-Ureta A., Agirreazkuenaga-Onaindia I. Etiquetar el feminismo. Análisis de los cibermedios iberoamericanos // *Cuadernos.info*. 2020. No. 46. P. 47–65. DOI: 10.7764/cdi.46.1456.

24. Podemos and the new political cycle: Left-wing populism and anti-establishment politics / ed. by Ó. García Agustín, M. Briziarelli. Cham (Switzerland): Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2018.

25. Sola J., Rendueles C. Podemos, the upheaval of Spanish politics and the challenge of populism // *Journal of Contemporary European Studies*. 2018. Vol. 26. Iss. 1. P. 99–116. DOI: 10.1080/14782804.2017.1304899.

26. Twenty-first century populism: The spectre of Western European democracy / Ed. by D. Albertazzi, D. McDonnell. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

27. Vampa D. Competing forms of populism and territorial politics: The cases of Vox and Podemos in Spain // *Journal of Contemporary European Studies*. 2020. Vol. 28. Iss. 3. P. 304–322. DOI: 10.1080/14782804.2020.1727866.

28. Venizelos G. Left-wing populism? In Europe? Yes, please! // *European Political Science*. 2020. Vol. 19. P. 687–689. DOI: 10.1057/s41304-020-00244-3.

29. Zaslove A., Geurkink B., Jacobs K., Akkerman A. Power to the people? Populism, democracy, and political participation: A citizen's perspective // *West European Politics*. 2021. Vol. 44. No. 4. P. 727–751 DOI: 10.1080/01402382.2020.1776490.

REFERENCES

1. Vernikov V.L. 2019. Pedro Sanchez v bor'be za vlast'. Politicheskii portret lidera ispanskikh sotsialistov [Pedro Sanchez in the struggle for power: A political portrait of the leader of the Spanish socialists]. *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 95–104. DOI: 10.15211/soveurope6201995104. (In Russ.)
2. Vernikov V.L. 2021. Politicheskii performans Pablo Iglesiasa [The political performance of Pablo Iglesias]. *Analiticheskie Zapiski Instituta Evropy RAN*, no. 12 (242). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122021>. Available at: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an242.pdf> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)
3. Semenenko I.S., Prokhorenko I.L. 2015. Ot proekta elit k massovoi politike: vyzovy politizatsii evropeiskoi integratsii [From elitist project to mass politics: Challenges of politicization to European integration]. *World Economy and International Relations*, no. 7, pp. 29–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-7-29–40. (In Russ.)
4. Khenkin S.M. 2016. Fenomen Podemos [Podemos Phenomenon]. *Iberoamerikanskie tetradi*, no. 1, pp. 15–20. DOI: 10.46272/2409-3416-2016-1-15-20. (In Russ.)
5. Best R. 2013. How party system fragmentation has altered political opposition in established democracies. *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*, vol. 48, no. 3, pp. 314–342. DOI: 10.1017/gov.2013.16.
6. Caiani M., Graziano P. 2016. Varieties of populism: Insights from the Italian case. *Italian Political Science Review*, vol. 46, no. 2, pp. 243–267. DOI:10.1017/ipo.2016.6.
7. Caiani M., Padoan E. 2020. Populism and the (Italian) crisis: The voters and the context. *Politics*. DOI: 10.1177/0263395720952627. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0263395720952627> (accessed: 04.11.2020).
8. Caiani M., Padoan E., Marino B. 2021. Candidate selection, personalization and different logics of centralization in new Southern European populism: The cases of Podemos and the M5S. *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*. DOI: 10.1017/gov.2021.9. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/government-and-opposition/article/candidate-selection-personalization-and-different-logics-of-centralization-in-new-southern-european-populism-the-cases-of-podemos-and-the-m5s/4F7-2EA841AF3E7779A00806D8F86F196> (accessed: 04.05.2021).
9. Canovan M. 1981. *Populism*. London, Junction Books.
10. de la Torre C. 2019. Is left populism the radical democratic answer? *Irish Journal of Sociology*, vol. 27, no. 1, pp. 64–71, DOI: 10.1177/0791603519827225.
11. de Wilde P. 2015. The politicization of European integration: Towards democratic renationalization? In Hurrelmann A., Schneider S. (eds). *The legitimacy of regional integration in Europe and the Americas. Transformations of the state*. London, Palgrave Macmillan, pp. 19–32.

12. Font N., Graziano P., Tsakatika M. 2021. Varieties of inclusionary populism? SYRIZA, Podemos and the Five Star Movement. *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*, vol. 56, no. 1, pp. 163–183. DOI:10.1017/gov.2019.17.

13. Gómez-Reino Cachafeiro M., Plaza-Colodro C. 2018. Populist Euroscepticism in Iberian party systems. *Politics*, vol. 38, no. 3, pp. 344–360. DOI: 10.1177/0263395718762667.

14. Hopkin J., Blyth M. 2019. The global economics of European populism: Growth regimes and party system change in Europe (The Government and Opposition/Leonard Schapiro lecture 2017). *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*, vol. 54, no. 2, pp. 193–225. DOI:10.1017/gov.2018.43.

15. Jagers J., Walgrave S. 2007. Populism as political communication style: An empirical study of political parties' discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, vol. 46, no. 3, pp. 319–345.

16. Kerman C., Alvarez I. 2015. Limitaciones y exclusiones en la institucionalización de la indignación: del 15-m a Podemos. *Revista Española de Sociología*, no. 24, pp. 115–122.

17. Kriesi H. 2014. The populist challenge. *West European Politics*, vol. 37, iss. 2, pp. 361–378. DOI: 10.1080/01402382.2014.887879.

18. March L., Rommerskirchen Ch. 2015. Out of left field? Explaining the variable electoral success of European radical left parties. *Party Politics*, vol. 21, iss. 1, pp. 40–53. DOI: 10.1177/1354068812462929.

19. Miró J. 2018. Beyond populism and institutionalism: Anti-populism and the management of austerity in Spain. *Constellations*. DOI: 10.1111/1467-8675.12386 Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8675.12386> (accessed: 04.05.2021).

20. Mouffe Ch. 2018. *For a left populism*. London, New York, Verso.

21. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2013. Exclusionary vs. inclusionary populism: Comparing the contemporary Europe and Latin America. *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*, vol. 48, no. 2, pp. 147–174.

22. Orriols L., León S. 2021. Looking for affective polarization in Spain: PSOE and Podemos from Conflict to Coalition. *South European Society and Politics*. DOI:10.1080/13608746.2021.1911440 Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13608746.2021.1911440> (accessed: 04.06.2021).

23. Peña-Fernández S., Larrondo-Ureta A., Agirreazkuenaga-Onaindia I. 2020. Etiquetar el feminismo. Análisis de los cibermedios iberoamericanos. *Cuadernos.info*, no. 46, pp. 47–65. DOI: 10.7764/cdi.46.1456.

24. García Agustín O., Briziarelli M. (eds.). 2018. *Podemos and the new political cycle: Left-wing populism and anti-establishment politics*. Cham (Switzerland), Palgrave Macmillan, Springer Nature.

25. Sola J., Rendueles C. 2018. Podemos, the upheaval of Spanish politics and the challenge of populism. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 26, iss. 1, pp. 99–116. DOI:10.1080/14782804.2017.1304899.

26. Albertazzi D., McDonnell D. (eds.). 2007. *Twenty-first century populism: The spectre of Western European democracy*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

27. Vampa D. 2020. Competing forms of populism and territorial politics: The cases of Vox and Podemos in Spain. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 28, iss. 3, pp. 304–322. DOI: 10.1080/14782804.2020.1727866.

28. Venizelos G. 2020. Left-wing populism? In Europe? Yes, please! *European Political Science*, vol. 19, pp. 687–689. DOI: 10.1057/s41304-020-00244-3.

29. Zaslove A., Geurkink B., Jacobs K., Akkerman A. 2021. Power to the people? Populism, democracy, and political participation: A citizen's perspective. *West European Politics*, vol. 44, no. 4, pp. 727–751 DOI: 10.1080/01402382.2020.1776490.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125

Научная статья / Research paper

А.В. Белинский, М.В. Хорольская*

**«ЕЩЕ ОДИН КИРПИЧ В СТЕНЕ».
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЦИОНАЛИЗМА
В «НОВЫХ» ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ ФРГ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21*

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23*

Относительно широкая поддержка популистов, националистических партий и движений (таких как «Альтернатива для Германии», НДПГ, ПЕГИДА) на востоке ФРГ, а также большое число преступлений, совершаемых здесь правыми экстремистами, неизбежно поднимают вопрос о природе феномена национализма в этом регионе. В рамках данной статьи исследуются причины распространенности ксенофобских и националистических настроений в «новых» федеральных землях Германии. С этой целью авторы обращаются к рассмотрению широкого комплекса социально-политических и психологических факторов, при этом особый акцент сделан на выявлении исторических корней и предпосылок современного всплеска национализма на востоке ФРГ. В частности, показано, что последовавший за объединением страны крах восточногерманской экономики привел к массовой безработице и фрустрации населения, чем сумели воспользоваться праворадикальные партии, обвинявшие во всех экономических проблемах мигрантов. Однако формированию ксенофобских настроений в Восточной Германии способствовали отнюдь не только экономические факторы. Так, авторы обращают внимание на особенности политики памяти в ГДР, прежде всего подходы ее руководства к проблеме преодоления нацист-

* *Белинский Андрей Викторович* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru); *Хорольская Мария Витальевна* — кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (e-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru).

ского прошлого и к использованию истории страны для формирования национальной идентичности. Отмечается, что отказ от всестороннего и объективного изучения прошлого, закоснение официальной идеологии и ее отчуждение от духовных потребностей населения привели к общему росту национализма в ГДР. Кроме того, выделяются еще ряд факторов, которые также оказали впоследствии влияние на формирование ксенофобских настроений в этой части страны. Например, в отличие от ФРГ, которая еще с 1950-х годов стала активно привлекать иностранных рабочих из Италии, Турции и Югославии, число иностранцев на территории ГДР было невелико, а контакты с ними носили ограниченный характер. Предпринятый анализ позволяет не только создать более подробный портрет восточногерманского национализма, но и выявить глубинные причины роста популярности в ФРГ правопопулистских партий и движений. В первую очередь речь идет о незавершенности процесса объединения страны, сохранении структурных диспропорций в развитии «старых» и «новых» федеральных земель.

Ключевые слова: национализм, популизм, ФРГ, ГДР, объединение Германии, «Альтернатива для Германии», ПЕГИДА, ксенофобия, политика памяти, историческая политика.

Для цитирования: Белинский А.В., Хорольская М.В. «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 87–125. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125.

Andrei V. Belinskii, Maria V. Khorol'skaya

**‘ANOTHER BRICK IN THE WALL’
ON THE ORIGINS OF NATIONALISM
IN THE ‘NEW’ FEDERAL STATES OF GERMANY**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences*

51/21 Nakhimovskii prospekt, Moscow, 117418

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

A relatively broad support enjoyed by the populist and nationalist parties and movements (AfD, National Democratic Party of Germany, PEGIDA), as

well as a higher rate of hate crimes in the eastern part of the Federal Republic of Germany raise a question on the nature of nationalism in this region. The present paper examines the causes of widespread xenophobic and nationalist sentiments in the 'new' federal states. To this end, the authors address a wide range of social-political and psychological factors, focusing on the historical roots and causes of the recent rise of nationalism in East Germany. Particularly, the authors show that the right-wing parties took advantage of popular frustration caused by the collapse of the East German economy after the country's reunification and massive unemployment by putting all the blame on migrants. Nevertheless, the causes of growing xenophobia in East Germany were far from being solely economic. For example, the authors underline the role of the politics of memory in the GDR and primarily the approaches of its leaders to the issues of the Nazi past and their attempts to draw on the country's history to shape a new national identity. However, the failure of the state to provide an unbiased view on the national history, rigid official ideology and its alienation from the popular demands have led to the growing nationalism in the GDR. Besides, a number of other aspects is pointed out which have also fostered xenophobic sentiments in this part of the country. Unlike West Germany which started to accept labour migrants from Italy, Turkey and Yugoslavia back in 1950s, the GDR saw few foreigners and contacts between them and local population were limited. As a result, the paper not only helps to create a more detailed image of the East German nationalism but also to identify the underlying causes of the growing popularity of right-wing populist parties and movements in the FRG, most notably, the unfinished process of the country's reunification and structural imbalances between the 'old' and the 'new' federal states.

Keywords: nationalism, populism, the FRG, the GDR, German reunification, Alternative for Germany, PEGIDA, xenophobia, politics of memory, politics of history.

About the authors: *Andrei V. Belinskii* — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru); *Maria V. Khorol'skaya* — PhD (Political Science), Research Fellow at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru).

For citation: Belinskii A.V., Khorol'skaya M.V. 2021. 'Another brick in the wall'. On the origins of nationalism in the 'new' federal states of Germany. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 87–125. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125. (In Russ.)

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»?

Осенью 1989 г. в Берлине, Дрездене, Лейпциге и других восточногерманских городах прошли многотысячные политические демонстрации. Протестующие выступали против закосневшей диктатуры партийных бонз правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), отсутствия политических свобод и сохранения Берлинской стены, этого мрачного символа холодной войны, собиравшей на протяжении многих лет свою кровавую жатву¹. Лозунг «Мы один народ» (*Wir sind ein Volk*), восторженный прием, устроенный жителями Дрездена канцлеру ФРГ Г. Колю в декабре 1989 г., и оглушительный успех «Альянса за Германию» на мартовских выборах в Народную палату породили у части западногерманской политической элиты иллюзию быстрой интеграции Восточной Германии в политические и экономические структуры ФРГ. «Этим вотумом жители ГДР послали ясный сигнал о том, что они хотят завершения процесса объединения на основании 23 статьи Основного закона². Для меня это было самым важным результатом выборов. И я был горд этим», — отмечал впоследствии Г. Коль в своих мемуарах³.

Спустя 26 лет, осенью уже 2015 г., на площадях тех же самых городов, где когда-то граждане выступали в поддержку демократии и политических свобод, прошли демонстрации ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада; *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*, PEGIDA) против миграционной политики А. Меркель, политического истеблишмента и «лживой прессы» (*Lügenpresse*). Гамбургский еженедельник *Der Stern* в таких тонах описал царившую в центре саксонской столицы атмосферу: «Мужчина, пронесший через Дрезден виселицу для А. Меркель, чувствует себя сейчас достаточно хорошо. Несколько человек назвали его акцию безвкусной, однако таких было немного»⁴.

¹ За годы своего существования Берлинская стена унесла жизни нескольких сотен граждан ГДР. Часть из них были убиты восточногерманскими пограничниками при попытке добраться до западного сектора города, другие стали жертвой несчастного случая. Подробнее см.: [Сумленный, 2010: 129].

² Присоединение ГДР к ФРГ на основе этой статьи означало распространение на «новые» земли Основного закона и правовых норм ФРГ. В качестве альтернативы рассматривалось объединение на основании статьи 146, предполагающей создание нового государства и принятие новой конституции.

³ Kohl H. *Erinnerungen. 1982–1990*. München: Droemer Verlag, 2005. S. 1088.

⁴ Hunfeld F. *Im Hass vereint* // *Der Stern*. 06.11.2015. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/rechte-gewalt--im-hass-vereint-6541096.html> (accessed: 04.09.2020).

Эти манифестации и последовавшая за ними волна поджогов общежитий для мигрантов еще раз наглядно продемонстрировали, что даже спустя около трех десятков лет после падения Берлинской стены существует невидимая «стена в головах», по-прежнему разделяющая восточных и западных немцев. И одним из самых прочных «кирпичиков» в этой стене, по мнению многих наблюдателей и экспертов, является национализм в «новых» федеральных землях. Отнюдь не случайным на этом фоне выглядит тот факт, что именно восток страны стал сегодня резервуаром для правопопулистской «Альтернативы для Германии»⁵ (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение результатов земельных выборов в западных и восточных федеральных землях ФРГ в 2018–2019 гг.

Comparison of the 2018–2019 state elections in the 'old' and the 'new' federal states of Germany

Федеральная земля Federal state	Результат «Альтернативы для Германии» (%) Results for 'Alternative for Germany' (%)
<i>Западные федеральные земли 'Old' federal states</i>	
Бавария / Bavaria (2018)	10,5
Гессен / Hesse (2018)	13,1
Бремен / Bremen (2019)	6,1
<i>Восточные федеральные земли 'New' federal states</i>	
Бранденбург / Brandenburg (2019)	23,5
Саксония / Saxony (2019)	27,5
Тюрингия / Thuringia (2019)	23,4

Источник / Source: Landtagswahlen 2018 und 2019 // Wahlen.info. Available at: <https://www.wahlen.info/landtagswahlen/> (accessed: 11.08.2020).

⁵ Очевидно, что существует прямая связь между ксенофобией и правопопулистскими партиями и движениями. Если на низовом, локальном уровне она может выражаться в высказываниях против мигрантов или нападениях на них, то в политической сфере — в голосовании за правых популистов. Так, в США парамилитарные формирования гражданской милиции являются оплотом праворадикальных сил и одновременно составляют ядро электората Д. Трампа.

Насколько в действительности сильны националистические настроения на востоке страны? Какими факторами можно объяснить то обстоятельство, что территория уже канувшего в Лету государства, столпами официальной идеологии которого неизменно были пролетарский интернационализм и антифашизм, с начала 1990-х годов стала прочно ассоциироваться в СМИ и в массовом сознании с национализмом и ксенофобией? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья. При этом, говоря о таком сложном и многоплановом феномене, как национализм, мы будем касаться прежде всего его ксенофобской составляющей.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях кризиса традиционной партийно-политической системы и роста радикальных настроений по обе стороны Атлантики всё большую актуальность приобретает вопрос о том, что представляет собой электорат правопопулистских партий и движений. Какие мотивы предопределили его симпатии к «Национальному объединению» (бывший «Национальный фронт»), «Австрийской партии свободы», «Альтернативе для Германии»? Почему национализм, еще недавно считавшийся атавизмом прошлого, сегодня переживает подъем? Изучение феномена национализма в Восточной Германии поможет ответить на данные вопросы.

В первую очередь необходимо выяснить, насколько распространены в СМИ и общественном сознании представления о востоке Германии как о бастионе национализма соответствуют действительности. И здесь нам следует обратиться к социологическим исследованиям, отчетам полиции и Федерального ведомства защиты Конституции Германии, криминальной статистике. В этой связи особый интерес для исследователя представляет работа немецких политологов А. Цика, Д. Краузе и Б. Кюппера «Ярость. Презрение. Обесценивание. Правый популизм в Германии» [Zick et al., 2015], в которой представлены данные о ксенофобских настроениях на западе и востоке страны (табл. 2).

Приведенные в таблице 2 цифры полностью коррелируют с данными о количестве преступлений, совершенных правыми экстремистами в «старых» и «новых» федеральных землях. По данным Федерального ведомства защиты Конституции Германии, большинство из них было совершено именно в Восточной Германии, на территории которой проживают всего около 17 млн человек при общей численности населения ФРГ 83 млн человек (табл. 3).

Таблица 2

**Правый популизм в Восточной и Западной Германии
(минимальный коэффициент — 1, максимальный — 4)**

**Right-wing populism in East and West Germany
(minimal ratio — 1; maximum — 4)**

Критерий Criterion	Западная Германия West Germany	Восточная Германия East Germany
Авторитаризм Authoritarianism	2,9	3,2
Недоверие к демократии Mistrust of democratic institutions	3	3,2
Враждебность к иностранцам Hostility against foreigners	1,9	2,2
Уничижительное отношение к беженцам Negative attitude towards refugees	2,6	2,8
Уничижительное отношение к цыганам Negative attitude towards Gypsies	2,1	2,3
Уничижительное отношение к мусульманам Negative attitude towards Muslims	1,8	2
Правый экстремизм в целом Right-wing extremism in general	2,4	2,6

Источник / Source: составлено авторами на основе [Zick et al., 2015: 65].

Таблица 3

**Число преступлений на 100 000 человек, совершенных правыми
экстремистами на территории «новых» и «старых» федеральных земель
за 2017–2018 гг.**

**The number of crimes per 100,000 persons committed by the right-wing
extremists across the 'new' and the 'old' federal states in 2017–2018**

Федеральная земля Federal state	2017 г.	2018 г.
<i>Восточные федеральные земли 'New' federal states</i>		
Мекленбург — Передняя Померания Mecklenburg — West Pomerania	5,21	2,67

Федеральная земля Federal state	2017 г.	2018 г.
Бранденбург Brandenburg	4,85	4,74
Берлин Berlin	2,80	3,32
Саксония-Анхальт Saxony-Anhalt	4,52	4,12
Саксония Saxony	2,33	3,38
Тюрингия Thuringia	3,29	3,08
<i>Западные федеральные земли 'Old' federal states</i>		
Бавария Bavaria	0,53	0,48
Шлезвиг-Гольштейн Schleswig-Holstein	1,63	1,00
Гамбург Hamburg	0,83	0,60
Бремен Bremen	0,59	0,29
Нижняя Саксония Lower Saxony	0,53	0,59
Северный Рейн — Вестфалия North Rhine — Westphalia	1,15	1,20
Гессен Hesse	0,26	0,40
Рейнланд-Пфальц Rhineland-Palatinate	0,74	1,25
Саарланд Saarland	1,50	1,82
Баден-Вюртемберг Baden-Württemberg	0,36	0,43

Источник / Source: So viele rechte Gewalttaten gab es im letzten Jahr // Der Stern. 28.08.2018. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/so-viele-rechte-gewalttaten-gab-es-in-den-bundeslaendern-im-letzten-jahr--8230556.html> (accessed: 10.09.2020); Schwerpunkt Ost: Rechte Gewalt in den Bundesländern // Der Stern. 07.07.2019. Available at: <https://www.stern.de/politik/deutschland/schwerpunkt-ost-rechte-gewalt-in-den-bundeslaendern-8784318.html> (accessed: 10.09.2020).

Как мы видим, «новые» федеральные земли с отрывом лидируют по числу преступлений, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти. Безусловно, это ни в коей степени не означает, что большинство восточных немцев поддерживают экстремистские ультраправые партии и организации⁶. Однако факт остается фактом: ксенофобские настроения на востоке страны более выражены, чем в западных регионах ФРГ, что дает нам право с определенной долей уверенности говорить о феномене восточногерманского национализма, корни которого носят социально-экономический, психологический и исторический характер.

Проблема особенностей политической культуры в «новых» федеральных землях встала сразу после объединения Германии. В научных и журналистских публикациях развернулись дискуссии о том, сможет ли население «новых» федеральных земель, 40 лет существовавшее в условиях фактически однопартийной системы, воспринять демократическую культуру ФРГ. Высказывались опасения, что восточногерманское влияние частично нивелирует достижения западногерманской демократии [Вайденфельд, 1998]. Вспышки правого радикализма в «новых» землях (например, беспорядки в Хойерсверде, нападения в Ростоке и др.) не только усугубили эти страхи, но и создали образ восточных немцев как ксенофобов и неонацистов. Острая тема сразу же нашла отражение в публикациях, например в книгах П. Кёддерича и Л. Мюллера, которые из-за новизны проблематики отличались несколько описательным подходом [Ködderitzsch, Müller, 1990; Schröder, 1992]. Значительный вклад в изучение феномена восточногерманского национализма внес политолог и социолог Э. Хенниг, выявивший различия между правым экстремизмом восточных и западных земель [Hennig, 1993a, 1993b]. Научным подходом отличалась статья Х.Л. Берга, посвященная правому экстремизму на востоке Германии после объединения [Berg, 1994]. Особое внимание уделялось такой беспокоившей общество проблеме, как уровень правых настроений у молодежи [Förster, Friedrich, 1992; Rechtsradikale Gewalt..., 1993].

После того как наиболее тяжелый период интеграции земель бывшей ГДР был завершен, а группировки скинхедов, казалось,

⁶ При этом не стоит забывать, что правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» набирает в «новых» федеральных землях в процентном соотношении примерно в 1,5–2 раза больше голосов, чем на западе страны.

ушли в прошлое, снизился и интерес к особенностям политической культуры и правому радикализму на востоке. При обсуждении различий восточных и западных немцев с германскими политиками из «старых» земель последние иронично спрашивали: «Неужели они еще остались?» Тема интересовала исследователей [Dierk, 2012; Niedermayer, 2009], но не привлекала серьезного внимания общественности.

Ситуация резко изменилась в 2014–2015 гг., когда на волне миграционного кризиса в восточных землях вновь участились случаи насилия на националистической почве: широкий общественный резонанс вызвали пожар в общежитии для мигрантов в апреле 2015 г. в Трёглице (Саксония-Анхальт), беспорядки в августе 2015 г. в лагере для беженцев в Хайденау под Дрезденом, столкновение националистов с беженцами в сентябре 2016 г. в Бауцене (Саксония). В городе Дрездене в восточной земле Саксония сформировалось националистическое движение ПЕГИДА. Правопопулистская «Альтернатива для Германии» стала получать в «новых» землях практически в два раза больше голосов, чем в «старых». Это всколыхнуло интерес общественности, журналистов и исследователей к проблеме правого радикализма на территории бывшей ГДР [Kraske, 2020; Zick et al., 2015]. Среди наиболее значимых работ можно назвать исследования правых настроений в федеральной земле Саксония доктора Й. Клозе и публикации, посвященные проблеме экстремизма и «Альтернативе для Германии» профессора Х. Функе [Funke, Gabriel, 2016; Funke, Mudra, 2018; Funke, 2020]. Й. Клозе, в частности, отмечал, что ксенофобия в Саксонии имеет сложную природу, в ее основе лежат как потрясения от стремительного трансформационного процесса, страх перед изменениями, старые обиды, так и особая региональная гордость за прошлое величие [Klose, 2018]⁷. Х. Функе добавлял, что правым настроениям поспособствовали также долгое практически единоличное правление в земле Христианско-демократического союза Германии (ХДС) и деятельность авторитарного первого премьер-министра К. Биденкофа.

Основные отличия современных исследований от историографии 1990-х годов — большее внимание к чувствам самих восточных нем-

⁷ Locke S. Ankunft des Rechtspopulismus in Deutschland // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.06.2016. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/joachim-klose-patzeltz-buch-pegida-warnsignale-aus-dresden-14286949.html> (accessed: 10.10.2020).

цев, стремление не судить, а понимать, осознание, что экстремизм «осси» связан не только с неприязнью к иностранцам как таковым, но и с неудовлетворенностью собственным положением. Подобная точка зрения получила поддержку и на федеральном уровне. Политик от Социал-демократической партии Германии (СДПГ), председатель комиссии «30 лет немецкого единства и мирной революции» М. Платцек отметил, что «необходимо учитывать тот опыт, который восточные немцы получили за последние 30 лет <...>. В течение 10 лет восточные немцы были свидетелями экономического коллапса, деиндустриализации, взрыва безработицы, вслед за этим экономика столкнулась с финансовым кризисом, а вскоре после этого пришел миграционный кризис. Это поколебало их представление о том, что государство всё регулирует, принимает решение, защищает граждан. А ведь восточногерманское население было ориентировано на государство, и, с их точки зрения, государство по многим вопросам в этих трех кризисах не выполнило свою обязанность. Нельзя забывать, что всё это случилось за годы жизни одного поколения, это ужасно много. К тому же 2 миллиона хорошо образованных энергичных молодых людей покинули Восточную Германию, что для 15-миллионного населения очень существенно. Это означает, что население стало старше <...>, а более пожилое общество более боязливо. Таким образом, когда мы всё это объединим, то поймем: хорошо еще, что 80% населения⁸ выбирают демократические партии»⁹.

Российские исследователи также уделяли внимание проблемам востока Германии. Были опубликованы работы, посвященные правому радикализму в «новых» федеральных землях [Белинский, 2020], популярности «Альтернативы для Германии» на востоке [Бадаева, 2019; Белинский, 2017, 2018; Погорельская, 2018; Тимошенкова, 2018; Хорольская, 2018], а также анализу особенностей политической культуры восточных немцев [Хорольская, 2017], экономических сложностей [Романова, 2010; Тоганова, 2013] и проблем переосмысления истории. Однако в данном случае нас интересует не столько изучение факторов экономической и социально-политической жизни, сколько оценка их влияния на проявление национализма в «новых» землях.

⁸ Обычно праворадикальная «Альтернатива для Германии» набирает в восточных землях около 20%.

⁹ Интервью М.В. Хорольской с М. Платцеком (12.11.2019).

**«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»:
влияние социально-экономических проблем
на формирование правых настроений в восточных землях**

«Общими усилиями нам удастся добиться того, чтобы Мекленбург — Передняя Померания, Саксония-Анхальт, Бранденбург, Саксония и Тюрингия превратились в цветущие ландшафты»¹⁰, — оптимистично заявил канцлер Г. Коль 1 июля 1990 г. Предвыборные обещания западногерманских политиков подогревали и без того завышенные ожидания граждан ГДР, которые надеялись на значительное улучшение своего экономического положения при сохранении существующих социальных гарантий. Так, согласно опросам Eurobarometer осенью 1990 г. 67% восточных немцев оптимистично смотрели в будущее¹¹.

Однако объединение ФРГ и ГДР повлекло за собой отнюдь не обещанные Г. Колем «цветущие ландшафты», а болезненный переходный период, ставший настоящим «холодным душем» для восточных немцев. Проводившаяся Ведомством по опеке приватизация государственной собственности привела к банкротству части предприятий и переходу большинства (80%) оставшихся в руки западногерманских предпринимателей¹². Крах многих заводов и комбинатов, на которых еще недавно были заняты десятки тысяч людей, повлек за собой массовую безработицу. Ситуацию усугубила и устроенная победителями чистка политически «неблагонадежных», жертвами которой стали десятки тысяч чиновников, военных, преподавателей, ученых. К 1994 г. безработица в «новых» федеральных землях достигла 14,8%, в то время как на западе страны она была на уровне «лишь» 8,1%. В дальнейшем этот разрыв увеличился, составив в 2005 г. соответ-

¹⁰ Helmut Kohl hatte Recht // Der Tagesspiegel. 19.10.2014. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/politik/bluehende-landschaften-in-ostdeutschland-helmut-kohl-hatte-recht/10349862.htm> l (accessed: 13.09.2020).

¹¹ Die Europäische Gemeinschaft und das vereinte Deutschland Einstellungen und Meinungen der Ost- und Westdeutschen im Vergleich Sonderbericht über die Ergebnisse aus der Eurobarometer Umfrage Nr. 34 vom Oktober 1990. T. 20 // Europäische Kommission. Available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_056_de.pdf (accessed: 01.10.2017).

¹² Das Vermögen der DDR und die Privatisierung durch die Treuhand // Bundeszentrale für politische Bildung. 26.08.2015. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/zahlen-und-fakten-zur-deutschen-einheit/211280/das-vermoegen-der-ddr-und-die-privatisierung-durch-die-treuhand> (accessed: 10.12.2016).

ственно 18,7 и 9,9%¹³. Не оправдал надежд и долгожданный переход на западногерманскую марку. Повышение зарплат автоматически повлекло за собой и повышение стоимости труда, что сделало восточногерманскую экономику еще более неконкурентоспособной. За 20 лет объединения 53% восточных немцев хоть один раз пережили потерю работы [Petersen, 2014: 9]. Не способствовали интеграции и стереотипы западных немцев в отношении соотечественников с востока, поскольку многие работодатели отнюдь не горели желанием взять на хорошо оплачиваемую должность «осси»¹⁴.

Последним мазком, дополнявшим общую картину краха старого мира на востоке, стал демонтаж социальной системы. Перерасчет пенсий по новой формуле привел к тому, что размер пенсионных выплат у восточных немцев оказался ниже, чем у западных. Несмотря на то что после воссоединения Германии уровень медицины в восточных регионах ФРГ повысился, некоторые немцы были недовольны новой системой здравоохранения из-за ее коммерциализованного характера. Дошкольное воспитание детей также стало платным, снизилось число яслей.

«Дьявольский круг» из социально-экономических проблем и несбывшихся надежд, высокомерного отношения западных немцев и ощущения безысходности привел к глубокой фрустрации населения «новых» федеральных земель, которая в скором времени вырвалась наружу небывалым всплеском правозэкстремистских и ксенофобских настроений, усилением радикальных националистических групп. В то время как на западе правый экстремизм в значительной части к 1990-м годам институционализировался (оформились полуправильные группы, правые партии боролись за места в парламенте), восточные правые были мало организованы и отличались большим уровнем насилия [Berg, 1994: 103].

Вся трагичность этого периода отразилась в августовских событиях 1992 г. в балтийском городе Ростоке, бывшем во времена ГДР крупным центром судостроения: «Нищета затронула все поколения,

¹³ Arbeitslosenquote in West- und Ostdeutschland von 1994 bis 2020 // Statista. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/915315/umfrage/arbeitslosenquote-in-west-und-ostdeutschland/> (accessed: 13.09.2020).

¹⁴ Многие жители «старой» ФРГ считали восточных немцев безынициативными, патерналистски настроенными и неспособными адаптироваться к меняющимся условиям. Даже спустя 30 лет после объединения Германии некоторые стереотипы в отношении населения бывшей ГДР продолжают существовать.

хотя пожилые получили более высокие пенсии. Все товары подорожали. Людей среднего возраста терзала безработица, молодежь — отсутствие перспектив¹⁵. К безработице и нищете примешивалось чувство унижения и второсортности по отношению к «весси». «Мы турки в собственной стране», — пожаловалась 35-летняя банковская служащая¹⁶. Результат этой накапливавшейся несколько месяцев ненависти потряс всю страну.

В Ростоке располагалось общежитие для вьетнамских беженцев, а позднее в этом же доме был открыт сборный пункт для вынужденных переселенцев. Как вспоминали жители города, в здании, рассчитанном на 250 человек, были размещены около 600, некоторые жили в палатках, элементарные бытовые условия (туалеты, душевые кабины) отсутствовали. Это вызывало возмущение местного населения, и без того недовольного своей жизнью. Ситуация накалялась, а местные власти бездействовали. Общая фрустрация привела к тому, что 22 августа большая группа радикально настроенной молодежи стала громить окна общежития, вскоре к ним присоединились жители окрестных домов. Агрессивная толпа увеличилась за счет прибывших со всей Германии правых радикалов и «сочувствующих». Нацисты штурмовали здание, а после эвакуации сборного пункта для беженцев стали забрасывать общежитие для вьетнамских рабочих бутылками с зажигательной смесью. Зеваки из числа местных жителей рукоплескали ультраправым активистам. Полиция была не способна остановить насилие и заняла выжидательную позицию, а агрессивная толпа (около 3 тыс. человек) не допускала пожарных к возгоранию. Около 180 человек могли погибнуть в огне, но чудом спаслись на крыше. Подобный сценарий в скором времени повторился в Хемнице, Хойерсверде и других восточногерманских городах¹⁷. Эти события шокировали всю страну, привели к изменению миграционного законодательства и надолго закрепили за восточными немцами образ правых националистов¹⁸.

¹⁵ Ernestes Zeichen an der Wand // Der Spiegel. 30.08.1992. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13689982> (accessed: 15.09.2020).

¹⁶ Ibid. S. 19.

¹⁷ Атмосфера безысходности и отчаяния восточногерманской глубинки с фотографической точностью показана в документальном фильме режиссера Т. Хайзе «Застой. Сейчас начнется» (Stau—Jetzt geht's los).

¹⁸ Справедливости ради надо отметить, что насилие на праворадикальной почве характерно и для западных земель. В частности, один из самых жестоких случаев

Старая политическая система рухнула, а новая не слишком приживалась на почвах Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга. В образовавшийся вакуум хлынули националистические партии, которые в полной мере использовали фрустрацию населения в своих целях. Так, Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) пыталась опереться на распространенную в восточных землях тоску по «стабильности социализма», декларируя, что она за социализм, но для одной нации. Активисты партии создавали в маленьких городках спортивные кружки, клубы для молодежи [Белинский, 2020: 99]. При этом правым экстремистам зачастую удавалось увязывать требования социальной справедливости с кампаниями против миграции, которая отнимает у немцев рабочие места и перспективы лучшей жизни. Эта риторика принесла свои плоды в 2004 и 2009 гг., когда НДПГ сумела пройти в ландтаг Саксонии (9,2 и 5,6%), а в 2006 и 2011 гг. — в земельный парламент Мекленбурга — Передней Померании (9,6 и 6%).

И хотя за почти три десятка лет единства социально-экономическая ситуация на территории бывшей ГДР значительно улучшилась, дисбаланс в развитии между регионами по-прежнему сохраняется. В 2019 г. ВВП пяти восточных земель без Берлина колебался от 28 880 до 31 453 евро на человека, в то время как на западе — от 33 712 до 66 879 евро¹⁹. Это во многом связано с тем, что в «новых» федеральных землях преобладают мелкие предприятия и филиалы²⁰, а головные офисы и крупные компании со стратегическими предпринимательскими функциями (исследования, развитие) находятся в «старых» землях [Vereintes Land..., 2019: 9], производительность труда на востоке минимум на 20% ниже, чем на западе²¹. Такая си-

насилия правых радикалов произошел в 1993 г. в западной земле Северный Рейн — Вестфалия в г. Золингене, где скинхеды подожгли дом турецкой семьи. Две женщины и три девочки погибли, четырнадцать человек пострадали.

¹⁹ Bruttoinlandsprodukt – injeweiligen Preisen — 1991 bis 2019 // Statistik. Available at: <https://www.statistik-bw.de/VGRdL/tbIs/tab.jsp#tab07> (accessed: 14.09.2020).

²⁰ Kühl J. 25 Jahre deutsche Einheit: Annäherungen und verbliebene Unterschiede zwischen West und Ost // Bundeszentrale für politische Bildung. Available at: <http://www.bpb.de/politik/innenpolitik/arbeitsmarktpolitik/55390/25-jahre-deutsche-einheit> (accessed: 05.12.2017).

²¹ Ostdeutschland weit weniger produktiv als der Westen // Mitteldeutscher Rundfunk. Available at: <https://www.mdr.de/nachrichten/wirtschaft/inland/iwh-studie-produktivitaet-ostdeutschland-wende-100.html> (accessed: 05.03.2019).

туация сказывается и на уровне зарплат на востоке: он составляет 81% среднего по ФРГ [Vereintes Land..., 2019: 9].

Отнюдь не способствует экономическому росту и демографическая ситуация на территории бывшей ГДР, поскольку в связи с лучшими социально-экономическими условиями на западе многие «осси» предпочитали в поисках лучшей жизни перебираться в «старые» земли, особенно на развитый юг. С 1990 г. отрицательное сальдо миграционного потока в «новых» землях составляет 1,2 млн человек [Vereintes Land..., 2019: 11]. В настоящий момент доля уезжающих значительно снизилась, а в 2017 и 2018 гг. миграционное сальдо впервые стало даже положительным²². Однако долгий период эмиграции преимущественно молодых активных образованных людей привел к тому, что сегодня средний возраст населения в «новых» землях выше, чем в «старых». Этот фактор затрудняет экономическое развитие и является дополнительным бременем для системы социального страхования.

Не меньшее значение, чем реальные экономические трудности, имело социальное самочувствие жителей «новых» федеральных земель. Важно, что сами восточные немцы были недовольны своим «местом под солнцем» в объединенной ФРГ. По данным социологических опросов, в 2019 г. 47% западных и только 36% восточных немцев оценивали развитие «новых» федеральных земель после объединения как успешное, в то время как противоположного мнения придерживались 17 и 26% опрошенных [Köcher, 2019: 9]. Серьезное раздражение жителей восточных регионов вызывает и щедрая помощь федерального правительства беженцам из стран Ближнего Востока. Когда министр по проблемам интеграции Саксонии П. Кёппинг (СДПГ) пригласила сторонников движения ПЕГИДА, чтобы обсудить с ними причины неприязни к мигрантам, она услышала не критику беженцев, а жалобы на личные неудачи саксонцев, а также призыв: «Вначале интегрируйте нас!»²³

Однако этаблированные партии остались глухи к этим требованиям, списав их на недостаток демократичности и толерантности

²² Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland // Statistisches Bundesamt. Available at: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Querschnitt/Demografischer-Wandel/Aspekte/demografie-wanderungen.html> (accessed: 20.08.2020).

²³ Hähnig A., Machowecz M., Schönian V., Schwarz P. Der ganz Nahe Osten // Die Zeit. 28.09.2017. Available at: <http://www.zeit.de/2017/40/bundestagswahl-ostdeutschland-sachsen-alternative-fuer-deutschland/komplettansicht> (accessed: 05.07.2017).

своих восточных сограждан. Более того, не было предпринято серьезных попыток наладить с населением диалог, понять и развеять страхи части восточных немцев перед мигрантами. Проснулись старые предубеждения, стереотипы о правых «осси». Не на высоте, с точки зрения восточных немцев, оказалась и «Левая партия», традиционно позиционирующая себя в качестве «адвоката» востока в бундестаге. Зиждившаяся на идеях интернационализма и гуманизма позиция партии в ходе миграционного кризиса 2015 г., хотя и выглядела благородной, не нашла поддержки и понимания у ее избирателей.

В итоге «неприкаянный» электорат частично попал под влияние «Альтернативы для Германии». Правые популисты не только умело раздували предрассудки населения по отношению к мигрантам, но и перехватили у своих политических оппонентов социально-экономическую риторику. В восточных землях эта партия позиционирует себя гарантом социальной, общественной и экономической стабильности, играет на страхах перед безработицей и преступностью²⁴. Несмотря на подобные усилия, большинство электората «новых» федеральных земель не относит заботу о социальной справедливости к основным компетенциям партии. Тем не менее социальные опросы свидетельствуют, что для избирателей «Альтернативы для Германии» в большей мере, чем для сторонников других политических сил, характерны недовольство своим экономическим положением, представление, что жизненные условия ухудшились, разочарование в том, как происходило объединение Германии. В Мекленбурге — Передней Померании большинство безработных отдали свои голоса правым популистам²⁵.

Однако представляется, что поддержку правых нельзя объяснить только социально-экономическими проблемами населения или неуверенностью в своем будущем. Это иллюстрирует пример туристического центра Бад-Шандау в так называемой Саксонской Швейцарии, активно развивавшейся после воссоединения. В этом городке «Альтернатива для Германии», чьи успехи могут угрожать

²⁴ Raum J. Interview: Warum wählen junge Leute die AfD? // Friedrich — Naumann — Stiftung. 15.10.2019. Available at: <https://www.freiheit.org/gesellschaft-interview-warum-waehlen-junge-leute-die-afd> (accessed: 20.08.2020).

²⁵ Umfragen zu Ostdeutschland. Wie beurteilen die Menschen die Lage in Ostdeutschland? // Tagesschau. 27.10.2019. Available at: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2019-10-27-LT-DE-TH/umfrage-ostdeutschland.shtml> (accessed: 21.08.2020).

сфере туризма, на выборах в Бундестаг в 2017 г. получила рекордные 37,5%²⁶.

О том, что поддержка правых сил не обусловлена только социально-экономическими факторами, писали исследователи В. Патцельт (Дрезденский технический университет) и Й. Клозе (Фонд Конрада Аденауэра). В своей книге, посвященной феномену ПЕГИДА, они отмечали, что большинство участников движения относились к среднему классу [Klose, Patzelt, 2016: 161].

«Надо оплакивать погибших детей, а не проигранные войны»: переосмысление преступлений национал-социализма

После окончания войны и до образования двух немецких государств основную ответственность по «денацификации» Германии взяли на себя страны-победительницы. После Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками в 1946 г. в четырех оккупационных зонах распространялись материалы суда, проводилась политика люстрации.

В советской оккупационной зоне, а затем и в ГДР произошла полная замена старой элиты. Новые кадры управленцев формировались из различных источников. Здесь были и вернувшиеся из эмиграции коммунисты (В. Ульбрихт, К. Вольф), участники Сопротивления, подвергшиеся репрессиям в Третьем рейхе (Э. Хонеккер, Э. Мильке), и даже направленные из советского плена в антифашистскую школу бывшие военнослужащие вермахта (Х. Модров).

Как советские органы, так и немецкие суды проводили процессы над военными преступниками. Однако наряду с безусловным осуждением нацистского прошлого, верхушки НСДАП, военной и экономической элиты рейха в конце 1940-х — начале 1950-х годов и в Западной, и в Восточной Германии начался процесс «ползучего возвращения» в общественную жизнь нацистов низшего и среднего звена. Уже в 1946 г. председатель СЕПГ В. Пик выступил за интеграцию «номинальных нацистов». Это вызвало возмущение коммунистов, переживших нацистские концлагеря²⁷, однако впоследствии

²⁶ Bollmann R. Migranten im eigenen Land // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.10.2017. Available at: http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/viele-ostdeutsche-haben-sich-nicht-integriert-15225712.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0 (accessed: 05.07.2020).

²⁷ Haberkorn T. Kriegsverbrecherverfolgung in der SBZ und frühen DDR 1945–1950 // Bundeszentrale für politische Bildung. 20.04.2012. Available at: <https://www.bpb.de/>

предложение В. Пика поддержал будущий генеральный секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт.

После Вальдхаймерских процессов 1950 г., на которых было предъявлено обвинение около 3400 бывшим заключенным советских лагерей для интернированных, 3-й съезд СЕПГ заявил, что «корни фашизма» в ГДР уничтожены²⁸. Информбюро ГДР выступило с сообщением, что судебные органы будут продолжать бороться против тех, кто пытается нарушить мир и демократическое строительство, но при этом простым членам нацистской партии была и будет предоставлена возможность активно участвовать в этом процессе [Osterloh, Vollnhals, 2012: 230].

Параллельно с официальным осуждением истребительной войны на Востоке шла интеграция в общество и бывших военнослужащих вермахта. Постепенно уходили в прошлое попытки представить солдат соучастниками преступлений режима. В новообразованной ГДР осуждались элиты, а солдаты изображались обманутыми жертвами пропаганды. И хотя в Восточной Германии, в отличие от ФРГ, не позволялась героизация вермахта²⁹, в то же время всячески поддерживалась идея «осознания» и «перевоспитания». Внимание уделялось теме немецких солдат, осознавших в плену всю пагубность национал-социализма и необходимость построения нового социалистического общества.

В 1952 г. (параллельно с похожими процессами в Западной Германии) в ГДР был принят «Закон о гражданских правах бывших офицеров вермахта и бывших членов и сторонников НСДАП», отменявший ограничения в гражданских и политических правах для соответствующих категорий населения, не участвовавших в военных преступлениях и преступлениях против человечества [Reif-Spirek, Ritscher, 1999: 227]. Одновременно с этим были снижены требования для вступления в СЕПГ, которая становилась массовой партией.

[geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/132873/kriegsverbrecherverfolgung-in-sb-und-frueher-ddr?p=all](https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/132873/kriegsverbrecherverfolgung-in-sb-und-frueher-ddr?p=all) (accessed: 12.07.2020).

²⁸ Brumlik M. Ostdeutscher Antisemitismus: Wie braun war die DDR? // Bundeszentrale für politische Bildung. 30.04.2020. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/308396/ostdeutscher-antisemitismus-wie-braun-war-die-ddr> (accessed: 12.09.2020).

²⁹ В ФРГ господствовал миф о «невинном вермахте», возводились мемориалы, одновременно посвященные погибшим в Первой и Второй мировых войнах. К тому же, в отличие от ГДР, в Западной Германии не велась борьба с реваншизмом относительно восточных немецких земель, перешедших к Польше.

Следствием этой политики стало то, что уже в 1953 г. 15% членов СЕПГ составляли бывшие офицеры вермахта [Greven, Wrochem, 2000: 243].

С усилением холодной войны борьба с нацизмом практически полностью перешла в плоскость пропаганды, целью которой стала дискредитация ФРГ. В частности, в 1965 г. в ГДР была выпущена «Коричневая книга», в которой рассказывалось о нацистских и военных преступниках, занимавших важные посты в Западной Германии [Schwartz, 2012: 2]. Данный материал должен был подкреплять важнейший тезис восточногерманской пропаганды о том, что ФРГ фактически является наследницей Третьего рейха, а ГДР строит новое общество, свободное от грехов прошлого.

Параллельно с этим активно шел процесс формирования мифологии нового антифашистского государства. В то время как в СССР разгром рейха не рассматривался как освобождение Германии³⁰, Коммунистическая партия Германии и представители антифашистского сопротивления из СДПГ, ХДС, ЛДПГ уже в 1945 г. выдвинули тезис о том, что Красная армия освободила немецкий народ от гитлеровского режима [Уль, 2020: 32]. Изначально дискурс «освобождения» был направлен на укрепление власти социалистической элиты, подвергавшейся при национал-социализме преследованию, однако впоследствии стал основой формирования идентичности всего молодого государства. При генеральном секретаре ЦК СЕПГ Э. Хонеккере идея освобождения нашла подтверждение в концепции формирования двух немецких наций.

Идея об образовании антифашистского государства в результате освобождения советскими солдатами немецкого народа подкреплялась различными ритуалами. В частности, ежегодно 8 мая в Трептов-парке у мемориала «Воин-освободитель» партийные функционеры выступали с торжественными речами перед пионерами и членами Союза свободной социалистической немецкой молодежи [Флакке, Шмигельт, 2005: 122].

Однако главная проблема заключалась в том, что многие факты нацистского прошлого затушевывались или замалчивались официальной пропагандой. В первую очередь это касалось личной ответственности немцев за преступления, совершенные ими в годы

³⁰ В отличие от Германии, в отношении ее союзников использовались формулировки «освобождение Венгрии», «освобождение Австрии» и т.д.

Второй мировой войны. Если в Западной Германии после 20 лет молчания³¹ поколение бунтарей 1968 г. и молодых историков в полный голос заговорило о вине старших за преступления нацистского режима, то в Восточной Германии ситуация выглядела иначе. Нельзя сказать, что разговоры о коллективной вине и осознание своей ответственности за прошлое в ГДР полностью отсутствовали. Например, оппозиционерка, одна из участниц «Нового форума» Э. Райх вспоминала, как в ее школьные годы детям разъясняли, что они носят синие, а не красные пионерские галстуки, потому что их народ несет ответственность за войну и был освобожден Красной армией. Позднее при Э. Хонеккере акцент в воспитании стали делать не на чувстве ответственности или благодарности, а на гордости за принадлежность к антифашистскому государству³². Проблемы бытового национализма и ксенофобии время от времени поднимали отдельные представители интеллигенции ГДР, как в случае с книгой К. Вольфа «Образы детства». Однако в целом СЕПГ не поддерживала низовые практики переосмысления нацистского прошлого, поскольку такие дискуссии могли неизбежно бросить нежелательную тень на социалистическое государство.

Со временем к этому добавился и кризис официального антифашизма, который, по словам немецкого историка М. Уля, становился всё более расплывчатым [Уль, 2020: 34]. Культура воспоминаний (*Erinnerungskultur*) в ГДР стала всё чаще сводиться к стереотипам и штампам, которые не находили никакого отклика у основной массы населения. Лозунги антифашизма не только теряли свое содержание, но и для части населения приобретали отрицательные коннотации, так как руководство СЕПГ инструментализировало данную идею для борьбы с политическими противниками. Так, восстание 17 июня 1953 г. описывалось как «попытка фашистского переворота», а Берлинская стена официально именовалась «антифашистским оборонительным валом».

³¹ В Западной Германии после проведения Нюрнбергского процесса 1946 г. и ряда публикаций о преступлениях Третьего рейха в переосмыслении недавнего прошлого наступила пауза, продолжавшаяся до середины 1960-х годов. Это было связано как с интеграцией бывших национал-социалистов, чиновников, военных, интеллектуалов в новую политическую систему, так и с нежеланием политической элиты страны вносить раскол в общество в условиях холодной войны [Кёниг, 2012].

³² Интервью М.В. Хорольской с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

Замалчивание властями неудобных тем, однобокий подход к осмыслению прошлого и подспудно бродившие в обществе националистические настроения время от времени вырывались наружу, оборачиваясь конфликтами на межнациональной почве. Как отмечает немецкий историк Х. Вайбель, долгое время работавший с архивами Министерства государственной безопасности и СЕПГ, столкновения на национальной почве происходили в 1970–1980-х годах между местным населением и иностранными рабочими из Кубы, Алжира и Мозамбика. «Начиная с середины 1970-х общезжития, в которых проживали иностранцы, 40 раз подвергались нападению. Проживавшие там подвергались избиению, окна были выбиты камнями» [Waibel, 2014: 293]³³. Официальные власти ГДР предпочитали замалчивать эти инциденты, чтобы не бросать тень на антифашистский имидж страны.

Рост националистических настроений был следствием не только сохранявшейся внутри общества ксенофобии, но и своего рода формой протеста молодежи против опостылевшей официальной идеологии. Отчасти отторжением власти СЕПГ и геронтократии объясняется и рост неонацистских молодежных объединений в ГДР в конце 1980-х годов³⁴.

В последние годы существования ГДР уже было невозможно не замечать ультраправое молодежное движение. Так, в 1987 г. внимание западной прессы и партийной верхушки ГДР привлек скандальный случай в восточноберлинской Сионскирхе. Во время панк-концерта (где в том числе выступала западная группа) в нее ворвались около 30 скинхедов и напали на участников с криками: «Вы красные свиньи», «Sieg Heil!» и т.п. Последствием данного случая стало создание в ГДР совместного исследовательского проекта криминальной полиции и ученых из Гумбольдтского университета. По итогам его работы участники проекта пришли к выводу, что

³³ Waibel H. Vertuschung // Die Zeit. 06.05.2020. Available at: <https://www.zeit.de/2020/20/harry-waibel-rechtsextreme-ddr-sed> (accessed: 29.09.2020).

³⁴ Wagner B. Vertuschte Gefahr: Die Stasi & Neonazis // Bundeszentrale für politische Bildung. 02.01.2018. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/stasi/218421/neonazis> (accessed: 19.09.2020); Riebe J. Rechtsextremismus in der DDR // Lernen aus der Geschichte. 15.04.2014. Available at: <http://lernen-aus-der-geschichte.de/Lernen-und-Lehren/content/12060> (accessed: 29.09.2020).

в ГДР в среднем насчитывается около 6000 неонацистов, причем около 1000 готовы к применению насилия³⁵.

«Наши мертвые нас не оставят в беде»: Пруссия, Фридрих II и строительство «социалистической нации»

Говоря о причинах роста националистических настроений на востоке Германии, нужно отметить, что не меньшее значение, чем социально-экономические факторы или не до конца проработанное «коричневое» прошлое, имела, как это ни парадоксально, политика идентичности СЕПГ в 1970–1980-х годах.

Как дерево, чья корневая система нуждается в постоянном притоке подземных вод, любое государство нуждается в мифе, являющемся одновременно и своеобразной точкой отсчета в истории народа, и катализатором формирования национальной идентичности. Такие образы, как «Москва — третий Рим», «золотой век» Англии или же Италия как наследница цезарей, несмотря на идеологическую разноплановость, служат ярчайшими примерами конструирования национальной идеологии. Возникшее в буквальном смысле на руинах Третьего рейха «первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле» не было исключением.

После 1945 г. сначала в советской зоне оккупации (Sowjetische Besatzungszone), а затем в ГДР при активном участии СЕПГ стали формироваться два мифа, призванные заложить идеологический фундамент восточногерманского государства: теория двух линий в немецкой истории (Zwei Linien Theorie) и миф об антифашизме ГДР. В основе первой лежала идея о противостоянии реакционных и прогрессивных сил в немецкой истории: немецкие князья и вожди крестьянского восстания XVI в., душитель демократической революции 1848 г. Фридрих Вильгельм IV и основоположники марксизма, А. Гитлер и Э. Тельман, буржуазно-реакционная ФРГ и социалистическая ГДР. Восточный Берлин же выступал одновременно и оплотом антифашизма, и наследником всех борцов за социальную справедливость. Совершенно очевидно, что в этой жестко идеологизированной схеме все исторические деятели или события, не соответствующие разработанным партийными функционерами

³⁵Vertuschte Gefahr: Die Stasi & Neonazis // Bundeszentrale für politische Bildung. Available at: <https://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/stasi/218421/neonazis> (accessed: 29.09.2020).

критериям «прогрессивности», безжалостно вычеркивались из пантеона истории или затушевывались. Пруссия, этот традиционный поставщик императоров, генералов и исполнительных чиновников, была объявлена теперь оплотом реакции и милитаризма, который, по замыслам партийных идеологов, должен был оттенять героическую борьбу социалистов и коммунистов за лучшую Германию. Решение Союзного контрольного совета от 25 февраля 1947 г. «О ликвидации прусского государства», а также проведение на востоке страны земельной реформы, приведшей к национализации юнкерских поместий, также не способствовали формированию положительного имиджа Пруссии. «Фридрих [Фридрих II Великий. — А.Б., М.Х.] был в примитивной, соответствовавшей духу времени форме зачинателем поздних методов агрессии и стратегии прусско-германского Большого генерального штаба. В тактике блицкрига он был, бесспорно, учителем Вильгельма II и Гитлера», — отмечалось в монографии восточногерманского историка А. Абуша «Ложный путь нации» [Zimmering, 2000: 320]. Таким образом, Пруссия, составлявшая и территориально, и политически ядро немецкой государственности, стала с конца 1940-х годов выступать не только символом войны и реакции, но и прародиной национал-социализма³⁶. Именно такая точка зрения преобладала в исторической литературе и официальной пропаганде в течение первых 25 лет существования ГДР.

Однако с начала 1970-х годов позиция партии в отношении и Пруссии, и немецкой истории в целом стала постепенно меняться в сторону их реабилитации. Переосмысление собственной истории было напрямую связано с изменениями идеологической линии СЕПГ, а именно — с появлением на свет концепции «социалистической нации». Первой ласточкой стало заявление председателя правящей партии В. Ульбрихта на пресс-конференции 19 января 1970 г.: «Это историческая реальность. ГДР — это социалистическое немецкое национальное государство, западногерманская Федеративная Республика — капиталистическое государство, член НАТО, к тому же с ограниченным суверенитетом»³⁷. После «смены караула» и прихода

³⁶ Взгляд на Пруссию как на агрессивное милитаристское государство во многом был сформирован классиками марксизма, а также представителями немецкой интеллигенции (Г. Гейне, К. Тухольским и др.).

³⁷ Hass H. Zukunft verammeln // Der Spiegel. 16.02.1970. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/45202535> (accessed: 16.08.2020).

к власти Э. Хонеккера в 1971 г. идея «социалистической нации» продолжила пробивать себе дорогу. На страницах официального партийного печатного органа Neues Deutschland в 1974 г. он заявил: «Поскольку этот путь в Западной Германии был закрыт [строительство социализма. — А.Б., М.Х.], в Германской Демократической Республике сложилась социалистическая нация, которая по всем основным характеристикам отличается от буржуазной нации в ФРГ»³⁸. Значение слов Э. Хонеккера заключалось в том, что происходило постепенное смещение акцентов с антагонистической борьбы буржуазии и пролетариата на соревнование двух наций, пусть и обильно приправленное классово-риторикой³⁹.

Можно предположить, что этот идеологический поворот был обусловлен следующими факторами. Во-первых, к середине 1970-х годов антифашистский миф, составлявший сердцевину идеологии ГДР, уже изрядно потускнел и не мог выполнять в полной мере возложенную на него функцию консолидации общества вокруг СЕПГ⁴⁰. Во-вторых, расчет делался на то, что, в отличие от официального антифашизма, направленного в первую очередь на убежденных коммунистов и часть партаппарата, апелляция к национальным чувствам и немецкой истории найдет значительно больший отклик среди населения. В условиях отчужденности между властью и обществом, которая до 1961 г. выражалась в массовом «голосовании ногами», это обстоятельство играло далеко не последнюю роль⁴¹. Наконец, в-третьих, руководство ГДР очевидно не желало полностью отдавать прошлое на откуп ФРГ, своему идеологическому и политическому сопернику в холодной войне.

³⁸ Neues Deutschland. 13.12.1974.

³⁹ Смена идеологических парадигм отразилась и в Конституции ГДР. Если в 1949 г. провозглашался принцип единства Германии, то в редакции 1968 г. речь шла о «социалистическом государстве немецкой нации». Правда, впоследствии, в 1974 г., эта формулировка была удалена.

⁴⁰ Безусловно, это не означало, что официальное руководство ГДР полностью отказалось от него. Чествования коммунистов и борцов сопротивления, обязательное посещение концлагеря Бухенвальда оставались частью официальной культуры.

⁴¹ В этом отношении ГДР во многом прошла тот же путь, что и Советский Союз в 1920–1940-е годы. Если в первые годы после революции история России представлялась главным образом как борьба угнетенных против угнетателей, то с середины 1930-х годов и особенно накануне Великой Отечественной войны официальная пропаганда всё чаще стала обращаться к патриотизму и именам прославленных русских полководцев (Кутузова, Суворова, Баграмяна).

Именно эти причины в конечном счете и обусловили изменение отношения официальной пропаганды ГДР к собственному прошлому, в первую очередь к Пруссии и ее государственным деятелям⁴². К тому времени среди части историков уже наметилась тенденция к переосмыслению роли как прусского государства, так и его политических лидеров (О. фон Бисмарка, Фридриха II). Изменение идеологической линии СЕПГ дало «зеленый свет» для более тщательного и взвешенного изучения прошлого. Начало этому процессу положили работы исследовательницы И. Миттенцвай «Фридрих II Прусский» и «Пруссия после Семилетней войны», в которых был представлен более сбалансированный взгляд на личность знаменитого монарха. «Автор уделила много внимания теоретическим трудам [Фридриха II. — А.Б., М.Х.], которые едва затрагивались на занятиях в школе и литературе, и показала политическое, культурное наследие <...> Фридриха...» [Zimmering, 2000: 337]. Положительную оценку получили и реформы короля, «которые пошли на пользу нижним слоям населения, а также торговой и промышленной буржуазии» [Zimmering, 2000: 337]. Примечательно, что работы И. Миттенцвай получили похвалу и самого генерального секретаря ЦК СЕПГ, который в 1980 г. в радиоинтервью заявил следующее: «Биография Фридриха Великого⁴³ Ингрид Миттенцвай, работа, которую я в целом очень ценю, не придираясь к каждому предложению, с этой точки зрения является не прорывом, а результатом нашего отношения к наследию [Фридриха II. — А.Б., М.Х.]» [Zimmering, 2000: 340].

Вслед за работой И. Миттенцвай последовали и другие исследования, которые продолжили теперь уже открытый процесс «реабилитации Пруссии» и ее наследия. Прусский ренессанс не обошел стороной и школьную программу, и вот уже в учебнике по истории 1988 г. можно было прочесть такие строки: «...в 1740 г. на прусский трон взошел король [Фридрих II. — А.Б., М.Х.], который по политической прозорливости превосходил большинство правителей той эпохи и был к тому же одаренным полководцем» [Zimmering, 2000: 348]. Венцом этого процесса стала вышедшая из-под пера историка Э. Энгельберга биография О. фон Бисмарка, убежденного

⁴² Тот факт, что значительная часть ГДР находилась на территории бывшей Пруссии, собственно, и обусловил такое пристальное внимание к ее истории.

⁴³ Примечательно, что в своем интервью Э. Хонеккер не просто признал заслуги Фридриха II, но и назвал прусского короля великим. Это полностью противоречило всей предыдущей идеологической линии СЕПГ.

монархиста и автора чрезвычайного закона о социалистах, в которой отдавалось должное заслугам «железного канцлера» в деле объединения Германии.

Интерес коснулся не только исторической науки, но и сферы культуры. Возвращение конной статуи Фридриха Великого, находившейся без малого 30 лет в «ссылке» в парке королевского дворца в Сан-Суси, на свое прежнее место на Унтер ден Линден в 1981 г., ряд крупных выставок, посвященных истории и культуре Пруссии, и выход на экраны многосерийного фильма «Блеск Саксонии и слава Пруссии» (*Sachsens Glanz und Preussens Gloria*) широкими мазками дополняли общую картину.

Особенно культ Пруссии был силен в Национальной народной армии (*Nationale Volksarmee*) ГДР, в которой дискуссия о важности опоры на прошлое и патриотическом воспитании началась еще в 1960-х годах. «Культивирование национальных традиций не в последнюю очередь служит цели пробудить в солдатах Народной армии собственное национальное самосознание, своего рода гордость. У них не должно быть комплекса неполноценности по отношению к Федеративной Республике и тем более к бундесверу, который здесь называют “Буве”», — писала западногерманская *Die Zeit* в 1963 г.⁴⁴ Если в 1950–1960-х годах образцом для подражания служили герои освободительной войны против Наполеона — генералы Шарнхорст и Гнейзенау, то со второй половины 1970-х годов официальные издания ННА стали писать о Фридрихе II более комплиментарно, отмечая его заслуги как на военном, так и на государственном поприще.

Таким образом, с приходом к власти Э. Хонеккера руководство ГДР сделало ставку на формирование «социалистической нации», что и обусловило обращение к национальным традициям и переоценку наследия ряда деятелей прошлого. Пруссия, являвшаяся в первые годы существования восточногерманского государства синонимом милитаризма и агрессии, стала рассматриваться в более позитивном ключе, а за самой ГДР было закреплено прочное место носителя лучших традиций прусского государства (верность долгу, дисциплина, исполнительность). Однако в какой мере были эффективны усилия, предпринятые партийным аппаратом, официальной наукой и интеллектуалами?

⁴⁴ Venohr W. Dieroten Preussen der Volksarmee // *Die Zeit*. 15.03.1963. Available at: <https://www.zeit.de/1963/11/die-roten-preussen-der-volksarmee> (accessed: 20.08.2020).

Немецкая исследовательница Р. Циммеринг, занимавшаяся политической мифологией ГДР, отмечает, что культивируемый властями «пруссский миф» в целом не нашел широкого отклика среди населения страны [Zimmering, 2000: 356–357]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, идея построения «социалистической немецкой нации» так и не была реализована, о чем свидетельствуют прошедшие под лозунгом «Мы один народ» многотысячные митинги исторической осенью 1989 г. Однако разбросанные щедрой рукой СЕПГ семена «упали на добрую землю и принесли плод», пусть и не совсем тот, на который изначально рассчитывали вожди восточногерманского государства. Инструментализация истории, апелляция к государственным и военным деятелям прошлых эпох и ставка на патриотизм в конечном счете привели к росту национального самосознания среди восточных немцев⁴⁵.

Эта гипотеза напрямую подтверждается проведенным в 1990–1992 гг. исследованием Фонда Фридриха Эберта, которое было посвящено восприятию национальной идентичности молодежью «старых» и «новых» федеральных земель. На вопрос: «Гордитесь ли Вы тем, что являетесь немцем?» лишь 55,8% молодых людей «старых» федеральных земель ответили утвердительно, тогда как на востоке страны этот показатель составил 73,2% [Westle, 1995]⁴⁶. При этом предметами национальной гордости восточногерманской молодежи выступали «политическое единение» (27%), «экономическая система» (26,4%), «социальное единение» (12%), «культура» (11,3%) [Westle, 1995].

Сильнее, чем на западе страны, в восточных регионах ФРГ были выражены и антииммигрантские настроения, что объяснялось не только страхом перед экономической конкуренцией и потерей рабочих мест. Если в 1992 г. в «старых» федеральных землях доля молодых людей, отвергавших тезис об обогащении немецкой куль-

⁴⁵ В определенной степени проводимая с 1970-х годов политика идентичности СЕПГ обернулась против нее самой, когда в 1989–1990 гг. перед восточными немцами встала дилемма: сохранение социализма или воссоединение немцев. В конечном счете национальное самосознание оказалось сильнее обветшавшей коммунистической идеологии.

⁴⁶ Правда, следует отметить, что уже через год этот показатель упал до 55,3%. Это было в первую очередь связано с закрытием многих предприятий, высокой безработицей и крахом надежд на лучшую жизнь.

туры мигрантами, составляла 26,7 (16–17 лет) и 27,1% (18–29 лет), то на востоке она доходила соответственно до 44,3 и 38%.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением одной из авторов исследования Фонда Фридриха Эберта Б. Вестле, считающей, что восточным немцам было в целом присуще традиционное национальное самосознание, для которого характерен приоритет своей нации или национального государства, в то время как на западе страны превалировало рефлектирующее национальное или даже постнациональное сознание.

Результаты указанного исследования во многом перекликаются с данными социологического опроса Infratest Dimap, проведенного во время земельных выборов в Тюрингии и Бранденбурге в 2019 г. Так, большинство избирателей «Альтернативы для Германии» испытывали страх перед угрозой утраты немецкого языка и культуры⁴⁷, а также быстрыми изменениями в жизни⁴⁸.

Однако было бы некоторым упрощением объяснять «национальную гордость» восточных немцев исключительно политикой СЕПГ и расцветом культа Пруссии в 1970–1980-х годах⁴⁹. Можно выделить еще как минимум три обстоятельства, которые в связке с исторической политикой сыграли определенную роль в формировании или, точнее, сохранении национальной идентичности.

Во-первых, в отличие от ФРГ, которая еще с 1950-х годов стала активно стимулировать трудовую миграцию сначала из Италии, а с 1961 г. — и из Турции, численность иностранцев на территории ГДР не превышала 0,1%, а контакты с ними были строго ограничены и регламентированы. Эта относительная изолированность населения способствовала, с одной стороны, усилению коллективной идентичности, а с другой — отчужденному отношению к инородцам, особенно к выходцам из стран Африки или Ближнего Востока. Когда в 2015–2016 гг. по «новым» федеральным землям прокатилась волна нападений на общежития, где проживали мигранты, К. Биденкомпф,

⁴⁷ Landtagswahl 2019. Thüringen // Wahl.tagesschau.de. Available at: https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2019-10-27-LT-DE-TH/charts/umfrage-wahlentscheidend/chart_490471.shtml (accessed: 26.09.2020).

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Данные исследования Фонда Фридриха Эберта полностью коррелируют с личными впечатлениями одного из авторов статьи, вынесенными из общения с жителями Саксонии. К сильно выраженному у них национальному чувству примешивался локальный патриотизм.

занимавший с 1990 по 2002 г. пост министра-президента Саксонии, заметил: «Есть достаточно причин, почему население Восточной Германии, не только Саксонии, проявляет обеспокоенность из-за сильного притока беженцев. У населения не было опыта общения с мигрантами»⁵⁰.

Во-вторых, большая часть жителей ГДР, за исключением крупных городов (Берлин, Лейпциг, Дрезден), проживали в небольших населенных пунктах и деревнях, что, безусловно, наложило отпечаток на их мировоззрение. Как отмечают большинство социологов и этнологов, жители небольших населенных пунктов более консервативны, предпочитают стабильность переменам и с настороженностью относятся ко всему новому⁵¹.

Наконец, третьим фактором, который необходимо учитывать, говоря о национализме на территории «новых» федеральных земель, являются особенности политической культуры. Восточная Германия последовательно пережила две диктатуры — Третий рейх (1933–1945) и режим СЕПГ (1949–1990), что не могло не способствовать формированию авторитарного мышления у части населения. Основу мировоззрения авторитарной личности составляют четкое разделение на «черное» и «белое», ассоциирование себя с коллективом, который, по мнению психолога Э. Фромма, заменяет ей авторитет отца, отрицание всего, что не вписывается в ее картину мира. В проведенном в 2011 г. исследовании политической культуры жителей Бранденбурга отмечается, что восточные немцы меньше, чем их западные соседи, доверяют партиям и демократии, более склонны к авторитаризму и подчинению государству [Jaschke, 2011: 15]. Механизмы авторитарной культуры, отрицающей всё выходящее за установленные государством «флажки», вполне могли быть экстраполированы и на межнациональные отношения. Диссидент, политически неблагонадежный заменялся на мигранта, официальная идеология — на «ведущую культуру» (Leitkultur). В уже упомянутом

⁵⁰ Von Billerbeck L. Anschläge sind, keine Form der politischen Artikulation? // Deutschlandfunk. 29.12.2015. Available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/kurt-biedenkopf-zu-fluechtlingsheimen-anschlaege-sind-keine.1008.de.html?dram:article_id=340989 (accessed: 03.10.2020).

⁵¹ Примечательно, что именно провинция во многом стала электоральной базой праворадикальных популистов Западной Европы и США. Прошедшие летом 2020 г. президентские выборы в Польше, на которых поддержка провинции в конечном счете склонила чашу весов в пользу А. Дуды, еще раз наглядно подтвердила эту тенденцию.

нами исследовании Фонда Фридриха Эберта отмечалось, что порядка трети населения Бранденбурга (34,6%) испытывало враждебность по отношению к иностранцам [Jaschke, 2011: 16]. Наряду с экономическими проблемами, повышенным чувством национального самосознания это обстоятельство сыграло не последнюю роль в распространении ксенофобии к востоку от Эльбы.

Можно ли «расколдовать» национализм?

Ставший предметом постоянных политических дискуссий и научных исследований, национализм в Восточной Германии представляет собой сложный феномен, в котором, как в слоеном пироге, друг на друга наложились социально-экономические факторы, особенности менталитета и политической культуры, помноженные на фрустрацию от произошедших кардинальных перемен и чувство уязвленности. Восточную Германию, которая изначально выступала центром объединения немецких земель и ядром государственности, традиционно отличал более высокий уровень национального самосознания, который сохранялся и в дальнейшем⁵². В первые 20 лет существования ГДР ее официальное руководство делало ставку на пролетарский интернационализм и антифашизм, предавая анафеме неугодных исторических деятелей. Однако шаткость коммунистической идеологии заставила Э. Хонеккера пойти на изменение внутренней политики, что повлекло за собой частичную реабилитацию прошлого. Нельзя не согласиться с мнением восточногерманского

⁵² Примечательно, что в начале 1930-х годов большинство голосов НСДАП набирала преимущественно в протестантских районах восточной и северо-восточной Германии. Американский социолог Майкл Манн в своей книге «Фашизм» пишет: «Однако к июлю 1932 г. активнее всех голосовали за нацистов исключительно протестанты: большая часть протестантского северо-востока (Восточная Пруссия, Померания, Мекленбург, Нижняя Силезия и Тюрингия), весь протестантский северо-запад, а также протестантские анклавы Гессена и Баварии (т.е. Франконии)» [Манн, 2019: 277–278]. Этот факт М. Манн справедливо увязывает с тем обстоятельством, что протестантская церковь изначально была связана с национальным государством и патриотические настроения среди духовенства и прихожан были вполне обыденным явлением. Даже Мартин Нимеллер, глава «Исповедальной церкви» и противник гитлеровского режима, в 1920-х — начале 1930-х годов поддерживал НСДАП, поскольку связывал с ней надежды на национальное возрождение. И хотя в настоящее время большинство восточных немцев являются скорее атеистами, заложенная еще в раннее Новое время национальная традиция в этих регионах по-прежнему жива на востоке ФРГ, что и объясняет электоральные успехи правых партий.

драматурга Х. Мюллера, полагавшего, что «...Восточная Германия, окруженная стеной, стала намного более немецкой, чем ФРГ»⁵³. При этом в восточногерманской культуре уделялось меньшее внимание проблеме личной ответственности каждого за преступления национал-социализма, соответственно у граждан ГДР и затем жителей «новых» федеральных земель не было таких внутренних барьеров для гордости за свою страну. На национальную гордость наложился крах экономики ГДР, под руинами которой были похоронены надежды восточных немцев на лучшую жизнь в объединенной Германии.

Не последнюю роль в укреплении национализма в «новых» федеральных землях сыграло и то обстоятельство, что политическому истеблишменту далеко не всегда удавалось найти «ключ к сердцу» своих сограждан к востоку от Эльбы. Непонимание политической культуры и ценностей «осси», которое нередко соседствовало с пренебрежительными высказываниями западных политиков, привело к формированию отчуждения между элитой и восточными немцами, чем сумели воспользоваться несистемные партии — «Левые» и «Альтернатива для Германии».

В целом можно заключить, что феномен восточногерманского национализма, несмотря на свою историческую специфику, не является чем-то уникальным. Пострадавшие от глобализации и деиндустриализации, брошенные на произвол судьбы старыми партиями районы Среднего Запада и Юга США, северо-восточной Франции и английских Ньюкасла и Ливерпуля также стали своеобразным резервуаром силы для правых популистов и националистов. Именно население этих областей («отверженные» XXI в.) составили электорат несистемных партий, обеспечив им впечатляющие успехи на выборах, в том числе и победу Д. Трампа в 2016 г.

В начале XX в. выдающийся немецкий социолог М. Вебер ввел в оборот термин «расколдовывание мира», в основе которого лежала идея рационального познания. Сегодня, когда ФРГ отмечает тридцатую годовщину объединения страны, перед немецкими политиками опять стоит задача «расколдовать» национализм на востоке Германии. Старые рецепты интеграции «новых» федеральных земель оказались не слишком успешными. Однако к этому времени

⁵³ Грыцына Ю. 1989. Система Германия. Томас Хайзе // Либидинальное киноведение. 03.04.2016. Available at: <http://www.cineticle.com/component/content/article/118-issue-21/1282-system-germany.html> (accessed: 01.10.2020).

уже подросло молодое поколение, готовое идти в политику и не желающее ассоциироваться с «праворадикальными идиотами»⁵⁴. Возможно, история дает ФРГ второй шанс наконец-то превратить восток страны в «цветущие ландшафты»?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадаева А.С. Правый поворот или новая альтернатива для Германии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 2. С. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105.

2. Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

3. Белинский А.В. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2017. № 46. С. 6–9.

4. Белинский А.В. «Придут честолюбивые дублеры...» Эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX — начале XXI столетия // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 95–118. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.06.

5. Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии // Россия и Германия в Европе. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 252–262.

6. Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012.

7. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: Пятый Рим, 2019.

8. Погорельская С.В. «Альтернатива для Германии»: без внутренней альтернативы? // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1. С. 40–55. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-40-55.

9. Романова Е.В. ФРГ: Восточная Германия — инновационный локомотив? // Современная Европа. 2010. № 4. С. 48–63.

10. Сумленный С. Немецкая система. Из чего сделана Германия и как она работает. М.: Группа Эксперт, 2010.

11. Тимошенкова Е.П. «Альтернатива для Германии» в Бундестаге: поворот ФРГ вправо // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 54–62. DOI: 10.15211/vestnikieran320185462.

⁵⁴ Lehmann T. Westdeutsche sollten aufhören, uns als rechtsradikale Idioten abzustempeln // Der Spiegel. 03.10.2020. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/tag-der-deutschen-einheit-junge-ostdeutsche-politiker-ueber-den-3-oktober-a-333e7e81-75a5-485e-a5fc-f5b4333e6f04> (accessed: 03.10.2020).

12. Тоганова Н.В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990–2010). М.: Крафт+, 2013.

13. Уль М. 8 мая в немецкой культуре памяти // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. С. 30–44.

14. Флакке М., Шмигельт У. Германская Демократическая Республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 118–134.

15. Хорольская М.В. Различия в политической культуре востока и запада Германии в условиях кризисов ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 100–110. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-100-110.

16. Хорольская М.В. Усиление правового популизма в ЕС (на примере партии «Альтернатива для Германии») // Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы / Отв. ред. Л.О. Бабынина. М.: Институт Европы РАН, 2018. С. 42–48.

17. Berg von H.L. Rechtsextremismus in Ostdeutschland seit der Wende // Rechtsextremismus / Ed. by W. Kowalsky, W. Schroeder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. S. 103–126. DOI: 10.1007/978-3-322-94201-2_5.

18. Dierk B. Rechtsextremismus und Demokratieentwicklung in Ostdeutschland. Eine Zwischenbilanz nach zehn Jahren // Deutsche Zustände. Folge 10. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2012. S. 246–260.

19. Förster P., Friedrich W. Jugendliche in Ostdeutschland. Leipzig: Forschungsstelle Sozialanalysen e.V. Leipzig, 1992.

20. Funke H. Die Höcke-AfD. Vom gärrigen Haufen zur rechtsextremen Flügel-Partei. Hamburg: VSA-Verlag, 2020.

21. Funke H., Gabriel R. Von Wutbürgern und Brandstiftern: AfD — Pegida — Gewaltnetze. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2016.

22. Funke H., Mudra C. Gäriger Haufen: Die AfD: Ressentiments, Regimewechsel und völkische Radikale. Handreichung zum demokratischen Widerstand. Hamburg: VSA-Verlag, 2018.

23. Greven M.Th., Wrochem O. von. Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Leske und Budrich, 2000.

24. Hennig E. Dem Haß keine Chance: Ausländerstopp // Politische Bildung. 1993. 26. Jg. S. 33–47.

25. Hennig E. Neonazistische Militanz und fremdenfeindliche Lebensformen in der ‘alten’ und ‘neuen’ Bundesrepublik Deutschland // Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch / Ed. by H.-U. Otto. Opladen: Leske + Budrich, 1993. S. 64–79. DOI: 10.1007/978-3-322-97285-9_5.

26. Jaschke H-G. Analyse der politischen Kultur Brandenburgs im Hinblick auf ihre demokratiestützende oder demokratieproblematische Wirkung. Im Auftrag der Enquete-Kommission 'Aufarbeitung der Geschichte und Bewältigung von Folgen der SED-Diktatur und des Übergangs in einen demokratischen Rechtsstaat im Land Brandenburg' des Landtags Brandenburg. Potsdam, 2011.

27. Klose J. Ein Land, zwei Perspektiven? Zum gesellschaftlichen Zusammenhalt 28 Jahre nach der friedlichen Revolution. Politikwissenschaft als Beruf. Wiesbaden: Springer VS, 2018. DOI: 10.1007/978-3-658-21557-6_28.

28. Klose J., Patzelt W.J. PEGIDA. Warnsignale aus Dresden. Dresden: Universitätsverlag und Buchhandel, 2016.

29. Köcher R. Große Herausforderungen im Osten Eine Dokumentation des Beitrags von Prof. Dr. Renate Köcher in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung. 2019. No. 169. Institut für Demoskopie Allensbach. Available at: <https://docplayer.org/164657920-I-n-s-t-i-t-u-t-f-ue-r-d-e-m-o-s-k-o-p-i-e-a-l-l-e-n-s-b-a-c-h.html> (accessed: 20.10.2020).

30. Ködderitzsch P., Müller L. Rechtsextremismus in der DDR. Göttingen: Lamuv Taschenbuch, 1990.

31. Kraske M. Der Riss. Wie die Radikalisierung im Osten unser Zusammenleben zerstört. Berlin: Ullstein Verlag, 2020.

32. Niedermayer O. Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2009. H. 2. S. 383–387. DOI: 10.5771/0340-1758-2009-2-383.

33. Osterloh J., Vollnhals C. NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.

34. Petersen T. Das Ende der 'Mauer in den Köpfen' Eine Dokumentation des Beitrags von Dr. Thomas Petersen in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung Nr. 269 vom 19. November 2014 // IfD Allensbach. Available at: https://www.ifd-allensbach.de/fileadmin/kurzberichte_dokumentationen/FAZ_November_Mauer.pdf (accessed: 20.10.2020).

35. Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch / Ed. by H.-U. Otto. Opladen: Leske + Budrich, 1993.

36. Reif-Spirek P., Ritscher B. Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit 'doppelter Vergangenheit'. Berlin: Ch. Links Verlag, 1999.

37. Schröder B. Rechte Kerle. Skinheads, Faschos, Hooligans. Reinbek: Rowohlt, 1992.

38. Schwartz M. Funktionäre mit Vergangenheit: Das Gründungspräsidium des Bundesverbandes. München: Oldenbourg Verlag, 2012. DOI: 10.1524/9783486717457.

39. Vereintes Land — drei Jahrzehnte nach dem Mauerfall. Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle, 2019. Available at: <https://www.iwh-halle.de/>

fileadmin/user_upload/publications/sonstint/2019_iwh_vereintes-land_de.pdf (accessed: 20.10.2020).

40. Waibel H. Der gescheiterte Antifaschismus der SED. Rassismus in der DDR. Berlin: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2014. DOI: 10.3726/978-3-653-04215-3.

41. Westle B. Nationale Identität und Demokratieverständnis junger Deutscher. Die Wiedergeburt des nationalistischen Denkens: Gefahr für die Demokratie. Bonn: Forschungsinstitut der Friedrich-Ebert-Stiftung (Hrsg.), 1995. P. 43–81.

42. Zick A., Krause D., Küpper B. Der Osten erhebt die feindselige Stimme? // Wut, Verachtung und Abwertung: Rechtspopulismus in Deutschland / Ed. by A. Zick, B. Küpper. 2015. Bonn: Dietz. P. 61–77.

43. Zimmering R. Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen. Opladen: Leske + Budrich Verlag, 2000.

REFERENCES

1. Badaeva A.S. 2019. Pravyi povorot ili novaya al'ternativa dlya Germanii [Right turn or the new alternative for Germany]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no. 2, pp. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105. (In Russ.)

2. Belinskii A.V. 2018. 'Vosstanie protiv elit': vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noi demokratii ['The revolt against elites': Radical right populism surge in Western Europe]. *Aktual'nye problem Evropy*, no. 2, pp. 14–36. (In Russ.)

3. Belinskii A.V. 2017. Zreyut 'grozd'ya gneva': vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noi demokratii ['The grapes of wrath grow ripe': Radical right populism surge in Europe and the crisis of liberal democracy]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, no. 46, pp. 6–9. (In Russ.)

4. Belinskii A.V. 2020. 'Pridut chestolyubivye dublery...' Evolyutsiya pravogo ekstremizma v FRG v kontse XX — nachale XXI stoletiya ['There will come ambitious understudies...' The evolution of right extremism in Germany in the late XX — early XXI centuries]. *Rossiya i sovremenniy mir*, no. 1, pp. 95–118. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.06. (In Russ.)

5. Vaidenfel'd V. 1998. Kuda idut nemtsy? O moral'no-politicheskom budushchem ob'edinennoi Germanii [Where are the Germans going? On the moral and political future of a united Germany]. In: *Rossiya i Germaniya v Evrope* [Russia and Germany in Europe]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi myсли Publ., pp. 252–262. (In Russ.)

6. Kenig X. 2012. *Budushchee proshlogo: natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG* [The future of the past: National Socialism in the political consciousness of the FRG]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

7. Mann M. 2019. *Fashisty. Sotsiologiya fashistskikh dvizhenii* [Fascists. Sociology of fascist movements]. Moscow, Pyaty Rim Publ. (In Russ.)

8. Pogorel'skaya S.V. 2018. 'Al'ternativa dlya Germanii': bez vnutrennei al'ternativy? ['Alternative for Germany': With no internal alternative?]. *Perspektivy. Ehlektronnyi zhurnal*, no. 1, pp. 40–55. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-40-55. (In Russ.)

9. Romanova E.V. 2010. FRG: Vostochnaya Germaniya — innovatsionnyi lokomotiv? [FRG: East Germany — innovative locomotive?]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 48–63. (In Russ.)

10. Sumlennyi S. 2010. *Nemetskaya sistema. Iz chego sdelana Germaniya i kak ona rabotaet* [German system. What Germany is made of and how it works]. Moscow, Grupa Ekspert Publ. (In Russ.)

11. Timoshenkova E.P. 2018. 'Al'ternativa dlya Germanii' v Bundestage: povorot FRG vpravo ['Alternative for Germany' in the Bundestag: The turn of Germany to the right?]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 54–62. DOI: 10.15211/vestnikieran320185462. (In Russ.)

12. Toganova N.V. 2013. *Adaptatsiya Vostochnoi Germanii k rynku* [Adapting to the market of East Germany (1990–2010)]. Moscow, Kraft+ Publ. (In Russ.)

13. Ul' M. 2020. 8 maya v nemetskoj kul'ture pamyati [May 8 in the German culture of memory]. In: *Ne zabudem, no prostim? Obraz voiny v kul'ture i istoricheskoi pamyati* [Forgive but not forget? The image of war in culture and historical memory]. Moscow, Valdai Discussion Club Publ., pp. 30–44. (In Russ.)

14. Flakke M., Shmigel't U. 2005. Germanskaya Demokraticeskaya Respublika. Iz mraka k zvezdam: gosudarstvo v dukhe antifashizma [German Democratic Republic. From darkness to stars: A state in the spirit of anti-fascism]. In *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of World War II 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 118–134. (In Russ.)

15. Khorol'skaya M.V. 2017. Razlichiya v politicheskoi kul'ture vostoka i zapada Germanii v usloviyakh krizisov ES [Differences in the political culture of the East and West of Germany in the context of the EU crises]. *World Economy and International Relations*, no. 9, pp. 100–110. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-100-110. (In Russ.)

16. Khorol'skaya M.V. 2018. Usilenie pravogo populizma v ES (na primere partii 'Al'ternativa dlya Germanii') [The rise of right-wing populism in the EU (the case of the Alternative for Germany Party)]. In: *Budushchee Evropy: global'nye vyzovy i vozmozhnye otvety* [The future of Europe: Global challenges and possible responses]. Moscow, IE RAN Publ., pp. 42–48. (In Russ.)

17. Berg von H.L. 1994. Rechtsextremismus in Ostdeutschland seit der Wende. In: Kowalsky W., Schroeder W. (eds.). *Rechtsextremismus*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 103–126. DOI: 10.1007/978-3-322-94201-2_5.

18. Dierk B. 2012. Rechtsextremismus und Demokratieentwicklung in Ostdeutschland. Eine Zwischenbilanz nach zehn Jahren. *Deutsche Zustände*. Folge 10. Frankfurt, Suhrkamp Verlag. S. 246–260.

19. Förster P., Friedrich W. 1992. *Jugendliche in Ostdeutschland*. Leipzig, Forschungsstelle Sozialanalysen e.V. Leipzig.

20. Funke H. 2020. *Die Höcke-AfD. Vom gärrigen Haufen zur rechtsextremen Flügel-Partei*. Hamburg, VSA-Verlag.

21. Funke H., Gabriel R. 2016. *Von Wutbürgern und Brandstiftern: AfD — Pegida — Gewaltnetze*. Berlin, Verlag für Berlin-Brandenburg.

22. Funke H., Mudra C. 2018. *Gärriger Haufen: Die AfD: Ressentiments, Regimewechsel und völkische Radikale. Handreichung zum demokratischen Widerstand*. Hamburg, VSA-Verlag.

23. Greven M.Th., Wrochem O. von. 2000. *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen, Leske und Budrich.

24. Hennig E. 1993a. Dem Haß keine Chance: Ausländerstopp. *Politische Bildung*. S. 33–47.

25. Hennig E. 1993b. Neonazistische Militanz und fremdenfeindliche Lebensformen in der ‘alten’ und ‘neuen’ Bundesrepublik Deutschland. In: Otto H.-U. (ed.). *Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch*. Opladen, Leske + Budrich. S. 64–79.

26. Jaschke H.-G. 2011. *Analyse der politischen Kultur Brandenburgs im Hinblick auf ihre demokratiestützende oder demokratieproblematische Wirkung. Im Auftrag der Enquete-Kommission ‘Aufarbeitung der Geschichte und Bewältigung von Folgen der SED-Diktatur und des Übergangs in einen demokratischen Rechtsstaat im Land Brandenburg’ des Landtags Brandenburg*. Potsdam.

27. Klose J. 2018. *Ein Land, zwei Perspektiven? Zum gesellschaftlichen Zusammenhalt 28 Jahre nach der friedlichen Revolution*. Politikwissenschaft als Beruf. Wiesbaden, Springer VS. DOI: 10.1007/978-3-658-21557-6_28.

28. Klose J., Patzelt W.J. 2016. *PEGIDA. Warnsignale aus Dresden*. Dresden, Universitätsverlag und Buchhandel.

29. Köcher R. 2019. Große Herausforderungen im Osten Eine Dokumentation des Beitrags von Prof. Dr. Renate Köcher in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung, no. 169. *Institut für Demoskopie Allensbach*. Available at: <https://docplayer.org/164657920-I-n-s-t-i-t-u-t-f-ue-r-d-e-m-o-s-k-o-p-i-e-a-l-l-e-n-s-b-a-c-h.html> (accessed: 20.10.2020).

30. Ködderitzsch P., Müller L. 1990. *Rechtsextremismus in der DDR*. Göttingen, Lamuv Taschenbuch.

31. Kraske M. 2020. *Der Riss. Wie die Radikalisierung im Osten unser Zusammenleben zerstört*. Berlin, Ullstein Verlag.

32. Niedermayer O. 2009. Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*. H. 2. S. 383–387.

33. Osterloh J., Vollnhals C. 2012. *NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR*. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
34. Otto H.-U. (ed.). 1993. *Rechtsradikale Gewalt im vereinigten Deutschland Jugend im gesellschaftlichen Umbruch*. Opladen, Leske + Budrich.
35. Petersen T. 2014. Das Ende der 'Mauer in den Köpfen' Eine Dokumentation des Beitrags von Dr. Thomas Petersen in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung Nr. 269 vom 19. *IfD Allenbach*. Available at: https://www.ifd-allensbach.de/fileadmin/kurzberichte_dokumentationen/FAZ_November_Mauer.pdf (accessed: 20.10.2020).
36. Reif-Spirek P., Ritscher B. 1999. *Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit 'doppelter Vergangenheit'*. Berlin, Ch. Links Verlag.
37. Schröder B. 1992. *Rechte Kerle. Skinheads, Faschos, Hooligans*. Reinbek, Rowohlt.
38. Schwartz M. 2012. *Funktionäre mit Vergangenheit: Das Gründungspräsidium des Bundesverbandes*. München, Oldenbourg Verlag. DOI: 10.1524/9783486717457.
39. *Vereintes Land — drei Jahrzehnte nach dem Mauerfall*. 2019. Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle. Available at: https://www.iwh-halle.de/fileadmin/user_upload/publications/sonstint/2019_iwh_vereintes-land_de.pdf (accessed: 20.10.2020).
40. Waibel H. 2014. *Der gescheiterte Antifaschismus der SED. Rassismus in der DDR*. Berlin, Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: 10.3726/978-3-653-04215-3.
41. Westle B. 2000. *Nationale Identität und Demokratieverständnis junger Deutscher*. Friedrich-Ebert-Stiftung. Available at: <https://www.fes.de/fulltext/asfo/00685003.htm> (accessed: 20.10.2020).
42. Zick A., Krause D., Küpper B. 2015. Der Osten erhebt feindselige Stimme? In *Wut. Verachtung. Rechtspopulismus in Deutschland*. Bonn, Verlag J.H.W. Dietz Nachf., S. 61–77.
43. Zimmering R. 2000. *Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen*. Opladen, Leske + Budrich Verlag.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170

Научная статья / Research paper

П.В. Шлыков*

ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируются феномен популизма и его влияние на внешнюю политику Турции в трех измерениях: институциональном, практически-политическом и ценностно-идеологическом. Исследование построено на детальном изучении репрезентативной выборки партийных манифестов и публичных выступлений турецких политиков, в особенности речей Реджепа Эрдогана за период его пребывания на постах премьер-министра и президента. Показано, что укорененность популизма в политической культуре Турции наделила его идеологической гибкостью и сделала почти универсальным инструментом работы с электоратом. После перехода страны к многопартийности популизм оказался присущ большинству политических игроков. В свою очередь Р. Эрдоган не только продолжил, но и развил успех в использовании популистской риторики. Установлено, что содержательно популизм Р. Эрдогана существенно эволюционировал на фоне менявшейся внутренней и внешней конъюнктуры. В 2000-е годы в нем доминировали аморфные идеи консервативной демократии. На рубеже 2000–2010-х годов надежды на евроинтеграцию уступили место «цивилизационному экспансионизму», стержнем которого стал концепт исламской/османской цивилизации. Во второй половине 2010-х годов рельефнее проступили черты ультранационализма. В итоге популистская бинарная оппозиция «мы — они» выкристаллизовалась в модель глобального противостояния Турции, защитницы интересов мусульман, «враждебному» Западу. Такая риторика помогла Р. Эрдогану оправдать свое

* Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД РФ (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

почти 20-летнее пребывание у власти и уйти от прямой ответственности за экономические неурядицы 2010-х годов. Популизм стал также инструментом монополизации внешней политики в руках турецкого лидера. Используя негативную риторику в отношении профессиональных дипломатов, за последние 10 лет он замкнул на себя весь внешнеполитический процесс. Как следствие, в институциональном плане экспансия популизма в сферу внешней политики привела к ее «доместикации» и «национализации», а в дискурсивном — выразилась в увлечении цивилизационизмом. Персонализация внутри- и внешнеполитического процессов в Турции привела к появлению феномена «эрдоганизации турецкой политики» — укрепления «персонального авторитаризма» Р. Эрдогана за счет сужения роли и влияния государственных институтов. При этом декларативное стремление Турции занять более независимое и автономное положение в системе международных отношений вылилось в стратегию развития преимущественно двустороннего формата взаимодействия с различными странами. В результате Турция, которая долгое время последовательно выступала за региональное сотрудничество и интеграцию, стала во многих аспектах регионально изолированным государством.

Ключевые слова: политическая культура Турции, популизм, авторитаризм, демократия, внешняя политика Турции, «азиатский поворот», российско-турецкие отношения.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Для цитирования: Шлыков П.В. Популизм в политической культуре Турции: внешнеполитическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 126–170. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170.

Pavel V. Shlykov

**POPULISM
IN THE POLITICAL CULTURE OF TURKEY:
THE FOREIGN POLICY DIMENSION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper analyses the phenomenon of populism and its impact on Turkish foreign policy in three dimensions: institutional, instrumental and ideological.

The research scrutinizes a wide selection of party manifestos and public speeches of Turkish politicians with primarily focus on Recep Tayyip Erdoğan's statements during his incumbency as the prime-minister and the president. The embeddedness of populism in political culture of Turkey provided it with ideological flexibility and made populism almost a universal instrument for engaging with electorate. Starting from Turkey's transition to multiparty system the majority of political actors have resorted to populism in one or another way. Erdoğan has not only continued this tendency but mastered the populist rhetoric. The character and content of Erdoğan's populism fluctuated following the changing domestic and international environment. In the 2000s it was hinged on the loose concept of conservative democracy. At the turn of the 2000s and 2010s the dreams for the EU membership gave way to ideas of 'civilizational expansionism' which had the concept of Islamic/Ottoman civilization as its core. From the mid-2010s ultra nationalism has come to the forefront of the populist rhetoric. Eventually, the populist binary opposition of 'us' and 'they' took a definite shape of global confrontation between Turkey as a defender of Islam and the 'adverse' West. Populist rhetoric helped Erdoğan to justify his almost two-decades-long incumbency and evade direct responsibility for economic hardships of the 2010s. Populism has become an effective instrument to monopolize the foreign policy in the hands of Erdoğan. Utilizing negative rhetoric against Turkish professional diplomats within the last decade Erdoğan has managed to cement his clout over the foreign-policy making. Institutionally the expansion of populism in the sphere of foreign policy led to its 'domestication' and 'nationalization' while its impact on the foreign policy discourse manifested itself in the spread of civilizationism. Making both domestic and foreign policy process more personalized Erdoğan has reinforced 'personal authoritarianism' at the expense of the state institutions. Thus their decline led to the 'Erdoğanization of the Turkish politics'. The declarative pursuit of Turkey to get more independent and autonomous position in the international system resulted in the strategy of development with primarily focus on the bilateral relations with different states. Consequently Turkey, previously known as a consistent advocate of regional cooperation and integration, in many respects has become a regionally isolated state.

Keywords: political culture of Turkey, populism, authoritarianism, democracy, Turkish foreign policy, pivot to Asia, Turkey-EU, Turkey-US, Russia-Turkey relations.

About the author: *Pavel V. Shlykov* — PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Department of Asia and Africa, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Non-Resident Scholar in Research Project 'Multifac-

tor analysis of the 'Turn to the East' in Russian foreign policy (achievements, problems, and prospects)' MGIMO University (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

Acknowledgments: the research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00142.

For citation: Shlykov P.V. 2021. Populism in the political culture of Turkey: The foreign policy dimension. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 126–170. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170. (In Russ.)

В последние годы понятие «популизм» не только вошло в широкий научный оборот, но и стало частью повседневного лексикона. В немалой степени этому способствовали громкие политические события: неожиданная победа на президентских выборах в США в 2016 г. Дональда Трампа и электоральные успехи других известных популистских лидеров в Европе и за ее пределами: Виктора Орбана в Венгрии, Жаира Болсонару в Бразилии и Реджепа Эрдогана в Турции. Другими символами экспансии популизма стали высокие показатели популярности таких правопопулистских партий, как «Альтернатива для Германии» и французский Национальный фронт.

Становление «популистского духа времени» (populist Zeitgeist) [Mudde, 2004], как обозначил это явление в одноименной работе голландский политолог Кас Мюдде, оказалось сопряжено с характерными элементами авторитарных тенденций, охвативших разные страны мира: персонализацией политического процесса, снижением толерантности к меньшинствам и их правам. Всё это вкупе с общим кризисом ценностей либеральной демократии часто связывают с «экспансией популистских движений». Такую точку зрения можно встретить в опубликованных в конце 2010-х годов фундаментальных работах Такиса Паппаса, Рональда Инглхарта и Пиппы Норрис, совокупно обозначивших эти тренды как феномен «авторитарного популизма» [Norris, Inglehart, 2018; Pappas, 2019].

Токсичность популизма, его возрастающее влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику значительного числа стран заставляют говорить о «популистских трендах» как об одной из главных угроз не только для «либерального миропорядка,

но и международно-политической безопасности в целом»¹. Не все исследователи, однако, согласны с тезисом о центральной роли популизма как катализатора кризиса либеральной демократии, считая исходящие от него угрозы сильно преувеличенными, а само понятие — излишне размытым и поэтому малоприспособленным для использования в качестве аналитического инструментария [Herkman, 2017; Weyland, 2020].

Несмотря на широкую дискуссию о причинах и формах популизма, примеров систематического анализа политических последствий его экспансии немного. Распространенная трактовка популизма как категории практически исключительно «внутреннего потребления» заслоняет очевидное влияние популистских идей на внешнюю политику [Boucher, Thies, 2019: 713–714]. Между тем центральная для популизма бинарная оппозиция «элиты vs народ» существенно влияет на внешнеполитический дискурс стран, столкнувшихся с тем, что в условиях глобализации внутренняя и внешняя политика оказались чрезвычайно тесно взаимосвязаны. Этот феномен авторы фундаментального оксфордского издания, посвященного комплексному анализу популизма, назвали «доместикацией внешней политики» [Kaltwasser et al., 2017: 384–405; Verbeek, Zaslove, 2015: 529].

В исследованиях влияния популизма на внешнюю политику можно выделить два доминирующих подхода. Ряд авторов, например Кристина Ланг в своей книге «Европа для европейцев» [Liang, 2007] или Ангелос Криссогелос в монографии «Старые призраки в новых простынях» [Chryssogelos, 2011], придерживаются точки зрения об универсальности модели популистской внешней политики и преобладании в ней набора традиционных популистских концептов-лозунгов: антиамериканизма, борьбы с миграцией и ростом влияния институтов глобального управления. Сторонники противоположного подхода, в частности авторы коллективного труда «Смутяны Европы» [Europe's troublemakers, 2016], делают акцент на примате регионального контекста и национальных идеологий, детерминирующих как характер популизма в отдельно взятой стране, так и его влияние на внешнеполитический курс [Europe's troublemakers, 2016:

¹ Munich security report 2017. Post-truth, post-west, post-order? // Munich Security Conference. 2017. Available at: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2017.pdf (accessed: 01.06.2021).

50]. При этом большинство, как видно из оксфордского исследования популизма, считают необходимым различать разные типы популизма и, исходя из этого, определять степень и характер их влияния на внешнюю политику [Kaltwasser et al., 2017: 384–405], поскольку часто оно ограничивается стилистикой, не затрагивая содержание [Destradi, Plagemann, 2019].

Наблюдаемый в последние годы заметный рост числа концептуальных научных работ, посвященных популизму и его влиянию на политический процесс, не сделал его менее дискуссионным явлением и не внес ясность в его дефиниции. Среди исследователей нет согласия даже по содержанию понятия «популизм» и его составным элементам [Canovan, 1981; Taguieff, 1995; Taggart, 2000, 2004; Meny, Surel, 2002: 1–21; Mudde, 2004; Abts, Rummens, 2007]. В целом можно говорить о трех главных измерениях популизма: институциональном (популизм как организационная форма), практически-политическом (популизм как политический стиль), ценностно-идеологическом (популизм как идеология) [Jagers, Walgrave, 2007].

Методологически влияние популистской риторики на внешнюю политику можно проследить на нескольких уровнях: дискурсивном (с точки зрения ее воздействия на внешнеполитическое целеполагание), практическом (в плане механизмов реализации внешней политики) и инструментальном (в аспекте ее отражения на механизмах принятия внешнеполитических решений).

Насколько турецкий популизм вписывается в общемировые тренды или, наоборот, выпадает из них? Для исследования популизма и его отражения во внешней политике кейс Турции интересен и продуктивен сразу с нескольких точек зрения: укорененности популизма в политической культуре, масштабов и устойчивости популистской традиции. Со второй половины 2000-х годов Турция утвердилась в роли «хрестоматийного примера» страны, испытывающей экспансию популистских идей [Flyvbjerg, 2001: 80–81]. Более того, персонификация социально-политической трансформации Турции с личностью ее премьера и президента Реджепа Эрдогана породила понятие «эрдоганизм» (по аналогии с кемализмом как идеологией и нормопрактикой радикальных реформ 1920–1930-х годов) в качестве «нормативного воплощения» политики правого популизма. Причем популярность турецкого лидера в мировых СМИ сделала это понятие столь востребованным, что разрастание авторитарных тенденций в разных странах мира даже стали

именовать «эрдоганизацией»². Согласно рейтингу, составленному международной группой ученых (Team Populism), которые исследуют феномен популизма в полусотне государств, Турция является страной, испытавшей с начала 2000-х годов настоящий бум популистской риторики, а ее бессменный лидер признан одним из самых видных правопопулистских политических деятелей современности, обогнавшим таких известных политиков-популистов, как Виктор Орбан и Дональд Трамп³.

При этом длительность пребывания Р. Эрдогана у власти позволяет выявить константы и переменные в популистской риторике турецкого лидера на фоне стремительно менявшейся в 2000–2010-е годы внутри- и внешнеполитической конъюнктуры [Çinar, 2018; Kaliber A., Kaliber E., 2019]. Это обстоятельство также дает возможность лучше понять характер влияния популистской риторики правящего режима на внешнюю политику Анкары.

Внешнеполитический популизм Р. Эрдогана строится на умелом использовании антизападных настроений значительной части населения, что дает возможность винить во всех бедах страны «недружественные западные силы», которые сдерживают развитие Турции. Исламская составляющая популистской риторики Партии справедливости и развития (ПСР) используется для легитимации социальной политики режима и демонизации оппозиции [Yabancı, Taleski, 2018]. Как доказывается в настоящей статье, для правящей ПСР подобная крайне прагматичная инструментализация популизма стала решением проблемы оправдания своего без малого 20-летнего пребывания у власти и инструментом снятия с себя прямой ответственности за экономические неурядицы, включающие финансовый

² Bauer Y. The Erdoganization of Israel // Haaretz. 04.05.2017. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-the-erdoganization-of-israel-1.5468227> (accessed: 01.06.2021); Baram U. Israel's shifting towards Erdoganization // Haaretz. 10.04.2018. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-israel-s-rightward-shift-has-intensified-just-look-at-likud-1.5422415> (accessed: 01.06.2021); Magid J. Thousands gather for mass rally to 'safeguard Israeli democracy' from Netanyahu // The Times of Israel. 25.05.2019. Available at: <https://www.timesofisrael.com/protesters-gather-for-mass-rally-to-safeguard-israeli-democracy-from-netanyahu/> (accessed: 01.06.2021); Khatiri S. The Erdoğanization of Hungary // Quillette. 02.04.2020. Available at: <https://quillette.com/2020/04/02/the-erdoganization-of-hungary/> (accessed: 01.06.2021).

³ McKernan B. From reformer to 'New Sultan': Erdoğan's populist evolution // The Guardian. 11.03.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/11/from-reformer-to-new-sultan-erdogans-populist-evolution> (accessed: 01.06.2021).

кризис второй половины 2010-х годов, невысокие темпы роста экономики и снижение уровня жизни.

Доказательство данного тезиса базируется на анализе традиций популизма в политической культуре Турции, творчески переосмысленных Р. Эрдоганом, механизмов «доместикации» внешней политики, существенно трансформировавших внешнеполитический процесс в Турции за последние десятилетия, и результатов «национализации» внешней политики страны.

Традиции популизма в политической культуре Турции

Отталкиваясь от наиболее известного определения популизма, данного Касом Мюдде, как «идеологии, которая рассматривает общество разделенным на две гомогенные антагонистические группы (истинный народ и коррумпированную элиту) и утверждает примат реализации народной воли» [Mudde, 2004: 543], можно утверждать, что стратегия популистских политиков двуедина. Она заключается, во-первых, в опоре на социальные группы, неудовлетворенные существующими порядками и ощущающие их несправедливость в экономической, политической и культурно-идеологической сферах («антиэлитизм»), а во-вторых, в обещании реализовать исходную идею демократии в установлении народовластия («народоцентризм») [Mudde, 2004: 543]. При этом нужно учитывать, что в разном региональном и страновом контексте популизм может принимать специфические формы, что исключает универсальность этого феномена [Woertz, Soler i Lecha, 2020].

В основе традиции популистской политики Турции лежит специфическая модель межпартийной конкуренции, сформировавшаяся в первые годы перехода к многопартийности в середине 1940-х годов. Уже на первых конкурентных выборах 1946 г. ислам и секуляризация (несмотря на то что в Конституции был закреплен принцип лаицизма) стали центральными темами политического противостояния. Очевидные шаги правящей на тот момент Народно-республиканской партии (НРП) Исмета Инёню навстречу чаяниям общества и серьезные послабления в вопросах ислама не помогли удержаться у власти. Консервативной части населения страны больше импонировала новая правоцентристская Демократическая партия (ДП) Аднана Мендереса и Джелиля Баяра, которая в итоге победила на выборах 1950 г. и на 10 лет стала правящей. В 1950–1960-е годы в Турции фактически не сформировалось заметной исламистской

партии, поэтому происламски настроенные силы, не имея возможности консолидировать сторонников на борьбу с навязанными сверху светскими порядками, вынуждены были поддерживать правоцентристские партии. Тактический союз ДП с исламистскими силами существенно укрепил позиции последних в турецкой политике и подтолкнул власти к пересмотру принципа лаицизма. В годы правления ДП тарикаты, джемааты и разнообразные исламские движения стали важными участниками политической борьбы. Во время выборов в 1960-е годы именно их поддержка обеспечила правоцентристским партиям голоса жителей сельских районов [Eligür, 2010: 51–56]. Так продолжалось вплоть до появления на политическом горизонте Неджеттина Эрбакана и его движения «Милли Гёрюш», положившего начало легальной исламистской политике и создавшего первые исламистские партии Турции — Партию национального порядка (ПНП) и Партию национального спасения (ПНС). Популярность и влияние ПНС были естественным следствием предшествовавших двух десятилетий.

Выборы в Турции традиционно воспринимались как единственная возможность электората конвертировать свои голоса в получение реальных благ от власти, поэтому партии стали, по сути, главным инструментом патронажной политики и создали разветвленную систему патрон-клиентских отношений [Bulut, Yıldırım, 2020: 13–34; Kalausoğlu, 2001]. Сложившаяся практика в свою очередь привела к тому, что городской средний класс — просвещенная и наиболее прогрессивная часть турецкого общества, т.е. опора кемалистского однопартийного режима (именно они в первые десятилетия республики пользовались особым расположением властей) — оказался лишенным своего привилегированного статуса и отчасти вытесненным на обочину общественно-политической жизни [Kalausoğlu, 2001].

Используя категории «центра» и «периферии», можно сказать, что в 1950-е годы «периферия», включившись в систему патрон-клиентских отношений, смогла извлечь реальную выгоду из участия во всеобщих выборах и «материализации» своих голосов. Турецкая демократия в то время, по меткому выражению Эрсина Калайджиоглу, стала походить на «соревнование патронажных сетей» [Kalausoğlu, 2001: 64]. Для сдерживания росшего по экспоненте влияния «периферии» возникла ситуативная коалиция военной и гражданской бюрократии, собирательно именуемой кемалистским истеблишментом, и части турецкого городского среднего класса.

Кемалистскому истеблишменту представлялось неприемлемым стремление режима Баяра–Мендереса использовать парламентское большинство для принятия законов против оппозиции [Данилов, 1985], а государство и его ресурсы — для реализации патронажной политики [Eligür, 2010: 59; Ayata, 1996]. Для вестернизированного среднего класса, воспитанного на кемалистских ценностях, противостояние режиму ДП стало борьбой за сохранение прежнего статуса и образа жизни, ради которых они даже готовы были поддержать возвращение страны к авторитарным формам правления. Парадоксальным образом наиболее просвещенная и прогрессивная часть турецкого общества, условный «центр» занял позицию поддержки авторитарных тенденций, в то время как «периферия» объединилась вокруг популистских партий, жонглировавших демократической риторикой. Таким образом, политика патронажа превратилась в центральный элемент турецкой демократии, которая стала ассоциироваться с популистскими практиками, реализуемыми через систему патрон-клиентских отношений. Как еще в 1970-е годы показал Шериф Мардин в своей работе «Отношения центра и периферии», правящая элита Турции оказалась в антагонистической позиции по отношению к культурно, этнически и религиозно неоднородной «периферии» [Mardin, 1973], представители которой систематически не допускались до критически важных государственных институтов [Kalaycıoğlu, 1994].

Разглядев возможность построения успешной электоральной стратегии на осуждении политики разделения общества, Н. Эрбакан сделал ключевым элементом информационной кампании своих исламистских партий критику негативных последствий кемалистской вестернизации и связей политической элиты страны с «западными империалистами». Религиозно-консервативной части турецкого общества, жителям периферийных районных центров и деревень такая риторика пришлась по душе, что показали выборы 1970-х годов (ПНС стабильно занимала третье или четвертое место по количеству голосов, к тому же имела возможность участвовать в коалиционных правительствах). В 1990-е годы популистская риторика Н. Эрбакана масштабировалась в амбициозную стратегию мобилизации не только традиционно религиозно-консервативного электората, но и более широких слоев турецкого общества. Структурный и институциональный кризис 1990-х годов, выразившийся в повсеместном распространении коррупции, росте безработицы,

деградации ценностных ориентиров и систематическом нарушении законодательства со стороны власти, сформировал благоприятную среду для «мобилизации политического ислама», как отмечала в одноименном фундаментальном исследовании Бану Элигур [Eligür, 2010]. Придуманная Н. Эрбаканом знаменитая популистская формула «справедливого порядка» (*adil düzen*)⁴ адресовалась не только исламистам, но и той части светски настроенного турецкого общества, которая разочаровалась в центристских партиях. Эта формула делила политический спектр на две антагонистические группы: прозападных «имитаторов» (*taklitçiler*) и поборников «справедливого порядка».

Н. Эрбакан верил в потенциал широкого использования популистской риторики и превратил ее в стержневой элемент электоральной стратегии своих партий. В середине 1990-х годов такой подход вполне себя оправдал: эрбакановская Партия благоденствия (ПБ)⁵ сумела обойти на выборах центристские партии за счет опоры на консервативное сельское население и городскую бедноту — социальные группы, которые ощущали свою политическую и экономическую ущемленность еще со времен кемалистских реформ и особенно пострадали в ходе либеральных преобразований Тургута Озала конца 1980-х годов. Потенциальным избирателям импонировали партийные лозунги о «приходе справедливого порядка» (*adil düzen gelecek*) и «справедливом государстве» (*adil devlet*), необходимости «положить конец внешнему управлению» (*dış güdüme son*) и наступлении времени «жить по-человечески» (*insanca yaşamak*)⁶.

Создатели ПСР в 2000-е годы не только продолжили, но и развили успех в использовании популистской риторики. Отказавшись от критики либеральных реформ и рыночной экономики (поскольку правительство ПСР вынуждено было проводить экономическую политику в соответствии с требованиями и рекомендациями Международного валютного фонда для вывода страны из финансового кризиса), функционеры ПСР во главе с Р. Эрдоганом с энтузиазмом

⁴ Erbakan N. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991. Available at: <http://www.esam.org.tr/pdf/Adil%20D%C3%BCzen/K%C3%BCt%C3%BCphane/1991%20Adil%20Ekonomik%20D%C3%BCzen.pdf> (accessed: 01.06.2021).

⁵ Партия благоденствия (ПБ), созданная в 1983 г., стала наследницей ПНС, распущенной после военного переворота 1980 г.

⁶ Refah Partisi Seçim Beyannamesi. Ankara, 1991; Refah Partisi Seçim Beyannamesi. Ankara, 1995.

продвигали тезис о целенаправленном культурном, экономическом и политическом отчуждении консервативной части турецкого общества в результате секуляризации и других радикальных кемалистских реформ.

Одним из стержневых элементов популистской риторики ПСР стала простая вертикальная дихотомия: с одной стороны, угнетатели в лице кемалистской элиты, с другой — религиозно настроенные массы простых турок, «настоящие сыны нации» (*milletin gerçek evlatları*), по выражению самого Р. Эрдогана, голосом и истинным защитником которых провозгласила себя ПСР⁷. Достаточно агрессивная антикемалистская риторика в 2000-е годы пришлась по вкусу многим: исламистам, курдам, либералам. Вкупе с амбициозной программой реформ в соответствии с Копенгагенскими критериями (вступление Турции в ЕС декларировалось приоритетной задачей) это обеспечило партии Р. Эрдогана внушительную электоральную поддержку и привело ее к власти в 2002 г. Перспектива масштабной демократизации в рамках переговорного процесса с Брюсселем внушала оптимизм многим как в Турции, так и за ее пределами. Появилась надежда решить застарелые политические проблемы: избавиться от опеки военной элиты над гражданским правительством, институциональные механизмы которой в виде Совета национальной безопасности и других органов были зафиксированы в Конституции с 1960-х годов; выработать политическое решение проблемы этнических и конфессиональных меньшинств; сдвинуть с мертвой точки вопрос соблюдения прав человека (за масштабные нарушения в этой сфере в 1981 г. даже было приостановлено членство Турции в Совете Европы) и др.

Кемалистская элита, однако, с приходом к власти ПСР не собиралась сдавать свои позиции без боя и в конце 2000-х годов предприняла целую серию «наступательных операций»: многомиллионные митинги противников избрания кандидата от ПСР в президенты весной 2007 г. и инициированный по этому поводу «интернет-меморандум» на сайте Генштаба с недвусмысленными угрозами военного переворота, запуск дела о роспуске ПСР в Конституционном суде (2008). Всё это не смогло существенно пошатнуть позиции и влияние

⁷ Asıl ‘Durdurulamaz’ dedikleri Türkiye // TRT Haber. 06.06.2015. Available at: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/asil-durdurulamaz-dedikleri-turkiye-188634.html> (accessed: 01.06.2021).

ПСР, которая на все нападки дала жесткий ответ в форме многочисленных судебных дел о подготовке госпереворота и подрывной деятельности с сотнями подозреваемых и арестованных отставных и действующих высших офицеров, общественных и политических деятелей (дела «Эргенекон» в 2008 г., «Кувалда» в 2010 г.). Громкие судебные процессы, сопровождавшиеся массивной атакой в СМИ на армию и кемалистский истеблишмент, фактически привели к утрате армией и военной элитой былой политической субъектности. Логически черту под этим процессом подвел конституционный референдум 2010 г., в результате которого армия лишилась правовой автономии, а кемалистский истеблишмент перестал доминировать в судебном корпусе [Taş, 2015].

Однако, вытеснив кемалистов на обочину турецкой политики и лишив военную элиту политической субъектности, режим Р. Эрдогана оказался не готов к реализации на практике своего обещания «вернуть страну в руки настоящих сынов отечества» и не пошел на установление «реальных демократических порядков». С одной стороны, рекордный уровень электоральной поддержки создавал у Р. Эрдогана ощущение полного карт-бланша (вплоть до середины 2010-х годов ПСР с каждым новым выборным циклом лишь наращивала показатели — от 34,5% в 2002 г. до без малого 50% в 2011 и 2015 гг.). С другой стороны, в условиях фактического поражения и даже капитуляции «принципиального антагониста» в лице кемалистской элиты ПСР утрачивала значительную долю смысла своего существования, а стратегия борьбы за правду и справедливость против тех, кто создал несправедливый порядок, теряла актуальность. На протяжении всех 2000-х годов антикемалистская риторика парадоксальным образом давала возможность режиму Р. Эрдогана, даже находясь у власти, позиционировать себя в качестве «жертвы кемалистского режима». И такой образ привлекал избирателя. Не пойдя на коренную ревизию политической стратегии, Р. Эрдоган просто скорректировал направление негативной риторики: теперь заклятыми врагами объявлялись любые оппозиционно настроенные силы, которые стали преследоваться всеми доступными способами.

Масштабные массовые протесты летом 2013 г., начавшиеся в форме выступлений «защитников парка Гези» в центре Стамбула и затем охватившие практически всю страну, пришлось как нельзя кстати. Они позволили скорректировать и обновить популистский дискурс

ПРС. В официальной трактовке турецких властей, озвученной лично Р. Эрдоганом, мирный гражданский протест был представлен как попытка свергнуть законно избранное правительство, а сами протестующие — как агенты иностранных спецслужб и проводники интересов враждебных внешних сил. События в Египте, где широкие протесты недовольных властями масс в конечном счете привели к военному перевороту и свержению избранного президента Мухаммеда Мурси летом 2013 г., использовались проправительственными СМИ и функционерами ПСР как дополнительный аргумент в пользу официальной трактовки целей протестующих как антигосударственных и заговорщических⁸. В итоге популистский дискурс ПСР обрел новый объект для негативной риторики: место поверженных кемалистов заняли Запад и все, кто выступал проводником «западного империализма». Все враждебные Турции силы и явления были объединены понятием-концепцией «закулисного злодея-кукловода», «враждебного сверхума» (*üst akıl*), направленного на сдерживание Турции и нивелирование успехов ее социально-экономического и политического развития [Taş, 2020]. С середины 2010-х годов концепт «враждебного сверхума» стал основой всех конспирологических теорий в стране [Karaosmanoğlu, 2021].

После летних протестов 2013 г. все, кто организованно выступал против действующего режима, автоматически объявлялись агентами Запада, главная цель которых — дестабилизировать обстановку и захватить власть в стране. Попытка государственного переворота летом 2016 г., в организации которого Анкара обвинила проживающего в США Фетхуллага Гюлена, а в негласной поддержке — все ведущие государства Запада, способствовала существенному обострению антизападной риторики. Отталкиваясь от идеи внешнего вмешательства, власти заговорили о второй «Воине за освобождение» (по аналогии с борьбой против греческой интервенции в 1919–1922 гг. и попыток стран Антанты расчленить территорию Турции после Первой мировой), которая требует от всех граждан

⁸ Всё это прекрасно отражено в опубликованном оппозиционными СМИ 657-страничном обвинительном акте против лидеров протеста 2013 г.: Gezi İddianamesi. 2019. Available at: <http://www.kontrgerilla.com/raporlar/Gezi-Parki-Osman-Kavala-iddianamesi-29-02-2019.pdf> (accessed: 01.06.2021); İşte 16 ay sonra hazırlanan Gezi Parkı-Kavala iddianamesinin tam metni // T24 Bağımsız İnternet Gazetesi. 04.03.2019. Available at: <https://t24.com.tr/foto-haber/iste-16-ay-sonra-hazirlanan-gezi-parki-kavala-iddianamesinin-tam-metni,7346/120> (accessed: 01.06.2021).

объединиться вокруг национального лидера, способного повести к победе над внешним противником.

Содержание популизма Эрдогана и «доместикация» внешней политики

Внимательный анализ популистской риторики Р. Эрдогана позволяет высветить ее мозаичность и содержательную неоднородность. За почти два десятилетия пребывания во власти она приобрела, по меткому выражению турецкого писателя и публициста Кая Генча, «множественный характер» [Genc, 2019; Hintz, 2016], вобрав в себя элементы сразу нескольких идеологий: консерватизма, исламизма и национализма.

В 2000-е годы на внутривнутриполитическом уровне Р. Эрдоган проповедовал идею консервативной демократии, в основе которой лежала модель европейских христианско-демократических партий. На практике это выражалось в сохранении приверженности курсу на европеизацию, конечной целью которого провозглашалось вступление Турции в ЕС (в начале 2000-х годов правительство осуществило масштабные преобразования, чтобы обеспечить соответствие Турции Копенгагенским критериям). Либеральные реформы, осуществленные в тот период и включавшие пересмотр модели военно-гражданских отношений и сужение возможностей для военной элиты влиять на политический процесс, в конечном счете позволили Р. Эрдогану существенно ослабить своих основных конкурентов и вытеснить кемалистскую элиту из политики.

Однако уже к концу 2000-х годов стратегия «либерального интернационализма» с ее идеями евроинтеграции и кооперации с Западом уступила место «цивилизационному экспансионизму», в рамках которого стержнем внутренней и внешней политики выступила исламская идентичность⁹. Турция стала позиционировать себя в качестве независимого игрока мировой политики, «глобальной державы», требующей соответствующего к себе отношения со стороны Запада, — в этом как раз состоял ключевой тезис «доктрины Ахмета Давутоглу», тогдашнего министра иностранных дел. Логическим продолжением такого подхода стал процесс девестернизации и

⁹ Balta E. The AKP's foreign policy as populist governance // Middle East Research and Information Project. No. 288. 2018. Available at: <https://merip.org/2018/12/the-akps-foreign-policy-as-populist-governance/> (accessed: 01.06.2021).

деевропеизации в 2010-х годах, наиболее явственным выражением которого была резкая критика Запада и европейских институтов на фоне полного разочарования в диалоге с Брюсселем и отсутствия перспективы добиться членства в ЕС в обозримой перспективе.

Вторая половина 2010-х годов ознаменовала новый виток идеологической трансформации риторики Р. Эрдогана, который к устойчивому набору религиозно-консервативных и цивилизационистских концептов всё больше стал добавлять ноты национализма. Пошатнувшийся уровень поддержки (на летних парламентских выборах 2015 г. показатели ПСР просели почти на 10% — до 40,8%, что вынудило Р. Эрдогана режиссировать экстрадосрочные выборы в ноябре того же года, по результатам которых ПСР удалось вернуть себе 49,5%) подтолкнул турецкого лидера к формированию нового политического альянса, включавшего ультраправые силы и националистов. Это отразилось на партийной риторике и подходах к внешней политике, которые обрели знакомые черты ультранационалистического дискурса — негативное отношение к Европе и США как заклятым врагам, основная цель которых — сдерживание Турции. Соответственно в популистской бинарной оппозиции «мы — они» место поверженной кемалистской элиты, противостоящей «истинным сынам нации» и народу, заняли Запад и внешние силы («глобальная политическая элита»), плетущие заговоры против Турции для ее сдерживания, ослабления и уничтожения.

Формирование сложной и мозаичной популистской риторики Р. Эрдогана привело к институциональной дезагрегации внешнеполитического процесса и высокой степени его центрирования вокруг личности президента. Необходимо отметить, что для понимания и анализа влияния популизма на формирование и реализацию внешней политики важны две фундаментальные характеристики. Во-первых, стремление политиков-популистов позиционировать себя проводниками интересов и чаяний народа, таким прямым воплощением «народной воли» (неслучайно для популистских режимов характерны мажоритаризм и «сакрализация избирательных урн» [Sözen, 2019]). Во-вторых, систематическое нивелирование сдержек и противовесов, ограничивающих инициативу исполнительной ветви власти (это выражается в показательном пренебрежении к демократическим институтам и процедурам, которые, по логике популистской политики, выступают ненужными посредниками и лишь затрудняют реализацию «народной воли»).

Для внешней политики такой антиинституциональный подход имеет ряд важных последствий. Она становится чрезвычайно персонализированной, замкнутой исключительно на воле и настроении главы исполнительной власти (отчасти это согласуется с характерным для политиков-популистов стремлением сконцентрировать в своих руках как можно больше властных полномочий). Как следствие, устоявшиеся процедуры выработки международной повестки дня и определения внешнеполитических приоритетов фактически перестают работать и даже блокируются [Destradi, Plagemann, 2019: 725–728]. Происходит «доместикация» внешней политики, внешнеполитические решения становятся заложниками внутриполитической ситуации и используются в качестве инструмента мобилизации электората. В институциональном плане это выражается в снижении влияния корпуса профессиональных дипломатов и перемещении центра выработки внешнеполитических решений из Министерства иностранных дел и профильных ведомств непосредственно в администрацию президента. На эмоциональном уровне антиинституционализм выражается в форме негативной риторики по отношению к собственным дипломатам, которые оказываются фактически причисленными к «корруптированной элите», противостоящей «народу».

Само Министерство иностранных дел Турции, исторически стоявшее особняком в структуре органов власти из-за замкнутой кадровой политики (ведомство всегда состояло в основном из карьерных дипломатов) и опоры на давние, еще дореспубликанские традиции, стало мишенью критики Р. Эрдогана и объектом структурных преобразований, нацеленных на минимизацию его влияния.

С избранием Р. Эрдогана на пост президента Турции в 2014 г. все важные внешнеполитические решения стали выработываться и формулироваться узким кругом его советников. Монополизация внешней политики президентом привела к тому, что на смену стратегии поиска консенсуса и выработки компромиссов на дипломатическом уровне пришел ситуативный подход в принятии решений, ориентированный во многом лишь на текущую конъюнктуру, а приоритетными механизмами реализации внешней политики стали «ручное управление» и двусторонние контакты на высшем уровне. В обход ранее устоявшейся процедуры, координируемой Советом национальной безопасности Турции, Р. Эрдоган предпочел лично вести диалог с главами других государств практически по всем

вопросам (в годы президентства Д. Трампа турецкий лидер мог по несколько раз в неделю проводить телефонные переговоры со своим американским визави)¹⁰.

В отношении карьерных дипломатов старой школы Р. Эрдоган ввел в оборот понятие “monşer”, которое из нейтрально-вежливого французского обращения “mon cher” («мой дорогой») в современном турецком превратилось фактически в бранное выражение, обозначающее высокомерного бюрократа, возделенно смотрящего в сторону Запада и утратившего реальную связь с народом¹¹. На одном из предвыборных митингов накануне своего избрания президентом Р. Эрдоган открыто обвинил турецких дипломатов в полном отрыве от народа, служителем интересов которого они, как и сам Р. Эрдоган, должны быть¹².

В середине 2010-х годов существенным изменениям подверглась не только кадровая политика МИДа. На ключевые посты в ведомстве и руководящие позиции в дипмиссиях стали назначаться люди без опыта дипломатической работы. Более того, были урезаны и операционные возможности министерства. В 2010-е годы Р. Эрдоган инициировал создание сразу нескольких ведомств, которые функционально стали дублировать МИД и вторгаться в сферу его непосредственной ответственности: Совет по координации общественной дипломатии (Kamu Diplomasisi Koordinasyon Kurulu), Управление по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı), фонд «Просвещение» (Marif Vakfı). Все новые структуры вводились в прямое подчинение президенту. В 2010-е годы сложилась парадоксальная ситуация, когда в вопросах внешней политики Национальная разведывательная

¹⁰ Bernstein C. From pandering to Putin to abusing allies and ignoring his own advisers, Trump’s phone calls alarm US officials // CNN. 30.06.2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/06/29/politics/trump-phone-calls-national-security-concerns/index.html> (accessed: 01.06.2021).

¹¹ Erdoğan: Monşer geldiler, monşer gidiyorlar // Milliyet. 13.02.2009. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/erdogan-monser-geldiler-monser-gidiyorlar-1059445> (accessed: 01.06.2021); Monşerlerden Erdoğan’a yanıt // Hürriyet. 18.06.2010. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/monserlerden-erdogana-yanit-15063889> (accessed: 01.06.2021); CHP’li Loğoğlu’ndan Erdoğan’a Monşer yanıtı // Cumhuriyet. 07.07.2014. Available at: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/chpli-logoglundan-erdogana-monser-yaniti-91319> (accessed: 01.06.2021).

¹² Erdoğan: Bunlar monşer // Sozcü. 06.07.2014. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2014/genel/erdogan-bunlar-monser-550060/> (accessed: 01.06.2021).

организация и ее глава Хакан Фидан стали играть первую скрипку, а МИД вместе с профильными ведомствами оказался на вторых ролях. При этом окончательно внешнеполитический курс страны формулировался узким кругом советников президента Р. Эрдогана, подобранных не столько по профессиональным критериям, сколько исходя из личной преданности главе государства¹³.

Параллельно расширялись полномочия созданных ранее структур, задействованных во внешнеполитической деятельности, таких как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA) и Управление по делам религии (Diyanet İşleri Başkanlığı, Diyanet) [Sevin, 2017]. В результате у Р. Эрдогана как президента появились возможность прямого «ручного управления» внешней политикой и механизмы детального контроля любой внешнеполитической деятельности. Дискурсивно Р. Эрдоган стал центром определения характера тех или иных внешнеполитических процессов.

Степень персонализации внешней политики с конца 2000-х годов возрастала по экспоненте. Желание брать внешнеполитическую инициативу в свои руки, символом чего стал знаменитый демарш Р. Эрдогана на Давосском форуме 2009 г. (бросив в лицо израильскому премьеру Шимону Пересу обвинения в незаконной оккупации Газы, турецкий лидер тогда демонстративно покинул саммит), привело к тому, что Р. Эрдоган лично стал заниматься практически всеми острыми внешнеполитическими вопросами, минуя устоявшиеся дипломатические процедуры и протоколы. Иногда такое вмешательство помогало сдвинуть процесс с мертвой точки, но чаще лишь усложняло ситуацию.

Растущая степень персонализации внутри- и внешнеполитического процесса в Турции позволяет говорить о феномене «эрдоганизации турецкой политики» — становлении в стране режима, в рамках которого «персональный авторитаризм» Р. Эрдогана укрепляется за счет сужения роли и влияния государственных институтов [Selçuk et al., 2019: 543–544]. Естественным ингибитором этого процесса в 2000-е годы выступала военная элита, сохранявшая возможности «опекать» гражданское правительство. Уже в 2010-е годы фактически

¹³ Neset S., Aydın M., Bilgin H., Gürcan M., Strand A. Turkish foreign policy: Structures and decision-making processes. Chr. Michelsen Institute (CMI Report R 2019: 3). Available at: <https://www.cmi.no/publications/6854-turkish-foreign-policy-structures-and-decision-making-processes> (accessed: 01.06.2021).

не осталось сдерживающих авторитаризм факторов: с успешным завершением масштабной кампании по дискредитации политической активности армии военная элита окончательно лишилась политической субъектности, активность гражданского общества оказалась скованной новым законодательством, принятым по следам массовых протестов 2013 г.

Конституционная реформа 2017 г. и досрочные выборы 2018 г. подвели черту под процессом кодификации и институционализации авторитарного режима, зафиксировав переход Турции к суперпрезидентской политической системе, в которой де-факто отсутствует система сдержек и противовесов, колоссальные полномочия президента, имеющего возможность управлять страной путем декретов, ничем не сбалансированы, а роль парламента сведена к механическому утверждению нужных законов и решений [Yılmaz, 2020]. В рамках новой структуры госаппарата и органов власти [Turan, 2018] при президенте создан специальный совещательный орган — Совет по вопросам безопасности и внешней политики (Cumhurbaşkanlığı Güvenlik ve Dış Politikalar Kurulu)¹⁴.

Такое обилие разнообразных структур, задействованных в реализации внешней политики, стало резко контрастировать с отсутствием четко прописанных и закрепленных законодательно процедур выработки внешнеполитического курса, что определяет во многом ситуативный характер внешней политики Турции и высокую степень ее персонализации. На уровне риторики последняя выразилась во внедрении идеи о неразрывной связи светлого будущего Турции с пребыванием Р. Эрдогана на посту главы государства («уйдет Эрдоган — наступит коллапс», «не будет Эрдогана — рухнет Турция»)¹⁵.

Феномен «национализации» внешней политики и формы его проявления в Турции

Одно из важных следствий экспансии популистских идей в сфере внешней политики — процесс, который условно можно назвать ее «национализацией», выражающийся в доминировании стратегии

¹⁴ Cumhurbaşkanlığı sistemi nedir? Yeni sistem neler getiriyor? // Sabah. 09.07.2018. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2018/07/09/cumhurbaskanligi-sistemi-nedir-yeni-sistem-neler-getiriyor> (accessed: 01.06.2021).

¹⁵ Erdoğan: ‘Erdoğan gitsin’ demek ‘vatanımızın, devletimizin tek olması anlayışı yıkılsın’ demektir // Sözcü. 16.03.2016. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2016/gundem/erdogandan-tarihi-aciklama-1139642/> (accessed: 01.06.2021).

унилатерализма и примате двусторонних форматов. В логике современного политического популизма отдельное государство как часть системы международных отношений оказалось сковано, с одной стороны, международными нормами и обязательствами, с другой — деятельностью международных организаций и структур глобального управления. Всё это неизбежно нивелировало его внешнеполитическую субъектность, поэтому в качестве своей приоритетной задачи политики-популисты стали постулировать возвращение своей стране полноценного внешнеполитического суверенитета.

На примере ряда стран ЕС хорошо видно, какие формы может принимать процесс «национализации» внешней политики — от саботирования коллективных органов управления до декларации намерений полного выхода из ЕС, как это произошло в случае с Великобританией [Kaliber A., Kaliber E., 2019]. «Национализация» внешней политики не означает полной изоляции или тотального протекционизма. Международные институты оказываются под ударом лишь тогда, когда они воспринимаются как угроза «народному суверенитету» [Destradi, Plagemann, 2019: 711–712].

В Турции в 2000-е годы, с одной стороны, декларировалась важность международных организаций, при этом приоритетной задачей считалось обеспечение автономии внешнеполитического курса и его независимости, особенно в вопросах национальных интересов. Придя к власти в 2002 г., правительство ПСР приняло эстафету у коалиционных кабинетов конца 1990-х годов в реализации масштабной программы либеральных реформ, нацеленных на скорейшее вступление страны в ЕС (ПСР помимо прочего это помогало решить проблему политического влияния военной элиты — главной на тот момент экзистенциальной угрозы новому режиму). В тот период Турция стремилась повысить степень своей международно-политической интеграции, выражением чего стало вступление в G20 в 2003 г. Однако это не мешало Анкаре использовать все доступные возможности для наращивания своей внешнеполитической автономии, которая трактовалась как комбинация повышения национального престижа и укрепления позиций в вопросах мировой политики.

Энергичная внешнеполитическая позиция на тот момент никак не противопоставлялась перспективе членства в ЕС. Это хорошо видно на примере реализации курса по нормализации отношений с соседними странами как одного из внешнеполитических приоритетов первой половины 2000-х годов. Турция тогда заключила

целый ряд двусторонних соглашений с Сирией, Ираном, Ираком и другими странами региона. Результатом диверсификации внешне-экономических связей стал кратный рост объема торговли не только с государствами Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока — традиционным геополитическим ареалом Турции, но также с Африкой и Латинской Америкой, ранее находившимися за горизонтом турецкой политики. За пять с небольшим лет Анкара почти в четыре раза нарастила объемы внешней торговли (с 36 млрд долл. в 2002 г. до 132 млрд долл. в 2008 г.) [Kösebalaban, 2011: 148–149]. Расширяя географию политических и экономических связей, Турция рассчитывала, что это повысит ее вес в переговорном процессе с Брюсселем [Yalçın, 2012: 210–211]. Однако эффект оказался двойственным: стремление Анкары играть более самостоятельную роль на региональном уровне стало рассматриваться многими как отказ от традиционной прозападной ориентации и даже своеобразный «поворот на Восток».

С назначением на пост главы МИД Ахмета Давутоглу весной 2009 г. магистральной задачей внешней политики стало утверждение Турции в качестве государства с глобальной внешнеполитической повесткой, «центральной державы», если следовать формуле самого А. Давутоглу, который был убежден, что страна уже переросла привычную роль периферийного игрока мировой политики. В своей концепции «стратегической глубины» А. Давутоглу фактически переворачивал с ног на голову привычную формулу Турции как «моста между Востоком и Западом», т.е. пассивного связующего звена между цивилизациями. А. Давутоглу выдвинул тезис о культурной, исторической и географической «центральности» Турции, которая должна выступать одновременно и «центральной страной» (*merkez ülke*), и державой, «определяющей региональный порядок в макрорегионе Афро-Евразии» [Davutoğlu, 2001: 98–99]. Важной чертой новой внешнеполитической линии стал акцент на исламской идентичности, ярко проявившийся в деградации отношений с Израилем (от пикирования на Давосском форуме между Р. Эрдоганом и Ш. Пересом в 2009 г. до эпизода с «Флотилией свободы» и разрыва дипотношений в 2010 г.) и открытой поддержке «Братьев мусульман» после событий «арабской весны».

В 2010-е годы на фоне углублявшегося кризиса в отношениях с Западом, вызванного растущим взаимным непониманием и разочарованием (особенно после общенациональных протестов 2013 г.

и путча 2016 г.), определяющим трендом во внешней политике стало стремление к максимальной внешнеполитической автономии. Примат «суверенизации» фактически трансформировал все внешнеполитические цели Анкары. Курс, который можно было бы назвать тотальной девестернизацией, привел к изоляции Турции, что в 2010-е годы стало рассматриваться как «драгоценное одиночество» (*değerli yalnızlık*), согласно формуле влиятельного функционера ПСР, советника Р. Эрдогана по внешней политике, а затем его бессменного пресс-секретаря Ибрагима Калына¹⁶.

Антизападная риторика Р. Эрдогана в 2010-е годы сблизила его с турецкими евразийцами, которые всегда считали отношения с Западом бесперспективными и ратовали за союз с Россией и Китаем, поскольку, с их точки зрения, именно в этом направлении — главные интересы Турции [Шлыков, 2017]. Так, по мнению видного представителя современного турецкого евразийства Эрола Манисалы, хотя «Турция всегда проводила политику в соответствии с интересами США, Израиля и ЕС, взваливая на себя бремя поддержки их региональной политики, ее стратегические интересы — быть с Россией, Китаем и Ираном <...> таков императив трансформации современного миропорядка»¹⁷. Другой теоретик турецкого евразийства, лидер «Партии Родина» (в прошлом — Рабочей партии Турции) Догу Перинчек, уверен, что Турция должна «дружить с Китаем и Россией, чтобы избавиться от США», поскольку ее «судьба быть на передовой формирующейся Евразийской цивилизации <...> в Евроатлантическом мире Турции уготовлена роль покорного слуги, а в Евразии она — равноправный партнер»¹⁸. Влияние нового тактиче-

¹⁶ Dış Politikada ‘değerli yalnızlık’ dönemi // *Hürriyet*. 21.08.2013. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/dis-politikada-degerli-yalnizlik-donemi-24553602> (accessed: 01.06.2021); Gardner D. Turkey’s foreign policy of ‘precious loneliness’ // *Financial Times*. 16.11.2015. Available at: <https://www.ft.com/content/69662b36-7752-11e5-a95a-27d368e1ddf7> (accessed: 01.06.2021); Yetkin M. The end of Turkey’s ‘precious loneliness’? // *Hürriyet Daily News*. 18.06.2016. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/murat-yetkin/the-end-of-turkeys-precious-100622> (accessed: 01.06.2021).

¹⁷ Manisalı E. Rusya, İran ve Türkiye’nin Önemi // *Cumhuriyet*. 10.09.2012. Available at: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/369518/Rusya__iran_ve_Turkiye__8217__nin_Onemi__.html (accessed: 01.06.2021).

¹⁸ Perinçek D. Kürşat, Pekos Bill’in at uşağı olur mu? // *Aydınlık*. 20.10.2012. Available at: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/kursat-pekos-billin-at-usagi-olur-mu> (accessed: 01.06.2021).

ского союза впервые проявилось в начале 2013 г., когда Р. Эрдоган заявил журналистам, что обсуждал с российским президентом Владимиром Путиным перспективу отказа Турции от вступления в ЕС взамен на полноправное членство в Шанхайской организации сотрудничества¹⁹. Другим очевидным следствием идеологического союза с евразийцами стала новая доктрина региональной политики «Голубое Отечество» (*Mavi Vatan*), вобравшая в себя идеи, высказанные в одноименной книге отставного адмирала Джема Гюрдениза²⁰. В 2019 г. самые масштабные в истории страны военно-морские учения в акватории одновременно Черного, Эгейского и Средиземного морей получили кодовое название «Голубое Отечество»²¹. Р. Эрдоган лично презентовал доктрину, сфотографировавшись на фоне карты, где в цвета «Голубого Отечества» были окрашены 462 тыс. кв. км омывающих территорию Турции морей²².

В целом внешняя политика Анкары в 2010-е годы стала в меньшей степени ценностно и идеологически ориентированной и в большей части ситуативной, нацеленной на практическую целесообразность и текущие интересы, что сделало внешнеполитический курс страны достаточно нестабильным и малопредсказуемым²³. В первую очередь это отразилось на отношениях Турции с ЕС и США. После путча 2016 г. Анкара активно начала прибегать к практике взятия «политических заложников» из числа граждан западных стран (пастор Эндрю Бренсон, экс-сотрудник НАСА ученый Серкан Гельге, журналист немецкой газеты *Die Welt* Дениз Юджель, французский репортер Оливье Бертран и др.) [Erdemir, Edelman, 2018] для использования их в качестве инструмента давления и предмета дипломати-

¹⁹ ‘Şangay Beşlisi’ne alın AB’yi unutalım’ // *Hürriyet*. 26.01.2013. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/sangay-beslisine-alin-abyi-unutalim-22448548> (accessed: 01.06.2021).

²⁰ Gürdeniz C. *Mavi Vatan Yazıları*. İstanbul: Kirmizi Kedi, 2018.

²¹ Cumhuriyet tarihinin en büyük deniz tatbikatı başladı // *Hürriyet*. 27.02.2019. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/cumhuriyet-tarihinin-en-buyuk-deniz-tatbikati-basladi-41131154> (accessed: 01.06.2021).

²² Cumhurbaşkanı Erdoğan’ın fotoğrafı Yunanistan’ı kızdırdı // *Sözcü*. 03.09.2019. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2019/dunya/son-dakika-cumhurbaskani-erdoganin-fotograf-yunanistani-kizdir-di-5312542/> (accessed: 01.06.2021).

²³ Dalacoura K. A new phase in Turkish foreign policy: Expediency and AKP survival // *MENARA Papers*. 2017. Available at: https://www.cidob.org/en/content/download/66206/2023786/version/3/file/MENARA_Future%20notes%204_17.pdf (accessed: 01.06.2021).

ческого торго. Всё это низвело отношения Турции с коллективным Западом практически до уровня операционных, содержание которых формируется конкретными проектами и соглашениями, а характер определяется исключительно текущей конъюнктурой. Для того чтобы сбалансировать охлаждение в отношениях с западными союзниками, Турция активнее стала налаживать сотрудничество с Россией и Китаем как залог укрепления внешнеполитической автономии, однако на практике это скорее привело к ситуации двойной зависимости [Шлыков, 2020].

Во внешнеполитическом популизме Турции отчетливо прослеживается еще одна черта — цивилизационизм, который можно считать неотъемлемым компонентом современного правого популизма. Если у западных политиков-популистов это чаще всего выражается в продвижении тезиса о цивилизационной угрозе и «столкновении цивилизаций», где само понятие цивилизации трансформируется в «воображенное сообщество» и «систему ценностей» [Brubaker, 2017; Bettiza, 2014: 3–4], то в популистской риторике ПСР цивилизационизм изначально принял форму оппозиции вестернизированной элиты и людей традиционных взглядов [Kaşa et al., 2020]. В начале 2000-х годов, когда полным ходом шел переговорный процесс между Анкарой и Брюсселем, во внешнеполитической риторике ПСР звучали идеи инклюзивности. Однако и в Брюсселе, и в Анкаре Турция всегда позиционировалась как страна «другой цивилизации», соответственно и потенциальное членство ее в ЕС должно было стать символом примирения Востока и Запада, преодоления конфликта цивилизаций [Çınar, 2018: 183–184]. В этом же ключе рассматривалась и «турецкая модель» как воодушевляющий пример страны, гармонично сочетающей институты либеральной демократии и приверженность исламским ценностям [Shlykov, 2018], что должно было стать естественным противоядием экспансии концепции столкновения цивилизаций, множущей число своих приверженцев после событий 11 сентября. Наиболее ярким практическим проявлением цивилизационизма ПСР стали совместная инициатива Турции и Испании по созданию под эгидой ООН Альянса цивилизаций в 2005 г.²⁴ и проведенный в 2002 г. в Стамбуле первый совместный

²⁴ Context and Bases for the Establishment of UN Alliance of Civilizations (UNAOC). Available at: <https://www.unaoc.org/who-we-are/history/> (accessed: 01.06.2021).

форум Евросоюза и Организации исламской конференции «Цивилизация и гармония»²⁵.

Однако к 2010-м годам цивилизационный компонент в риторике ПСР, который изначально предполагал возможность сопряжения западных ценностей и незападной цивилизационной идентичности Турции, эволюционировал и принял форму «антигегемонизма», отрицающего «право Запада выступать воплощением современной цивилизации» [Arkan, Kınacıoğlu, 2016: 397–398]. Еще в работах А. Давутоглу формулировалась идея, что исламская цивилизация способна противостоять универсализму западных ценностей, а Турция должна сыграть в этом процессе ключевую роль как страна, опирающаяся на наследие Османской империи и находящаяся в центре «цивилизационного пробуждения мира ислама» [Davutoğlu, 2001: 46]. Новая внешнеполитическая миссия Турции, таким образом, — перестать быть периферией Запада и выступить в роли центра более близкой ей исламской цивилизации.

Цивилизационная внешняя политика предполагала переориентацию на Балканы, Ближний и Средний Восток, а также на тюркские страны Южного Кавказа и Центральной Азии «ввиду их культурно-исторической близости Турции» и насущной необходимости «реставрации этого пространства как колыбели исламской цивилизации» [Arđıç, 2014: 106–107]. Для реализации цивилизационной внешней политики были переориентированы все основные институты публичной дипломатии, включая ТІКА, Diyanet и Институт имени Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü), открывающий одноименные культурные центры по всему миру [Sevin, 2017].

В целом к середине 2010-х годов цивилизационный компонент внешнеполитического дискурса обрел гораздо более антагонистический характер: Турция позиционировалась страной, не просто сохраняющей ДНК исламского и османского цивилизационного и геополитического пространства, но и ведущей борьбу за освобождение от влияния Запада [Kaliber A., Kaliber E., 2019: 3–4].

Со времени общенациональных протестов лета 2013 г. Р. Эрдоган рефреном начал повторять тезис о враждебном окружении Турции, которая находится под натиском «новых крестоносцев»²⁶. Европей-

²⁵ OIC-EU Joint Forum on Civilization and Harmony. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-177155/> (accessed: 01.06.2021).

²⁶ Fahrettin Altun: Ne ölüm tehdidi ne başka bir şey Cumhurbaşkanımızı yolundan çevirir // Hürriyet. 17.03.2019. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/fahrettin->

ские политики и бюрократы, виновные в замораживании переговорного процесса о вступлении страны в ЕС, объявлялись врагами ислама за их критику социально-политического развития Турции («мы должны запомнить одно: мы — мусульмане, а они — враги ислама»)²⁷. Рост напряженности в отношениях с ЕС Р. Эрдоган объяснил открытым проявлением столкновения цивилизаций. Впредь Запад и взаимодействие с ним начали восприниматься исключительно в категориях «игры с нулевой суммой».

Запад стал частью бинарной оппозиции добра и зла: западная цивилизация противопоставлялась османскому цивилизационному наследию, западная культура — исламским ценностям. В своих публичных выступлениях Р. Эрдоган провозгласил османскую политику олицетворением принципов справедливости и религиозной терпимости, что позволило «османским султанам на протяжении 600 лет мирно управлять разными народами», в отличие от «западных колониалистов, которые устанавливали свое господство путем угнетения, зверств и жестокостей»²⁸. «Ислам — исключительно мирная религия, в исламском мире никогда не было расизма, как в США или Европе», — любил повторять во время своих публичных выступлений турецкий лидер²⁹.

Развивая тезис о Турции как наследнице не только Османской империи, но и государства Сельджукидов Малой Азии, Р. Эрдоган

altun-ne-olum-tehdidi-ne-baska-bir-sey-cumhurbaskanimizi-yolundan-cevirir-41152330 (accessed: 01.06.2021).

²⁷ Erdoğan: O dangalağın manifestoyu yazması mümkün değil // Yeni Şafak. 18.03.2019. Available at: <https://www.yenisafak.com/gundem/erdogan-o-dangalagin-manifestoyu-yazmasi-mumkun-degil-3452048> (accessed: 01.06.2021); İslam düşmanlığı ile suçlanan AP Türkiye raportöründen Erdoğan'a cevap // TR EuroNews. 22.03.2019. Available at: <https://tr.euronews.com/2019/03/22/islam-dusmanligi-ile-suclanan-ap-turkiye-raportorunden-erdogan-a-cevap> (accessed: 01.06.2021).

²⁸ Erdoğan R.T. 3. Uluslararası Ombudsmanlık Sempozyumu'nda Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 16.09.2015. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/35475/3-uluslararasi-ombudsmanlik-sempozyumunda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. İslam İşbirliği Teşkilatı Birinci Yargı Konferansında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 14.12.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/100110/islam-isbirligi-teskilati-birinci-yargi-konferansinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

²⁹ Erdoğan R.T. Uluslararası Kadın ve Adalet Zirvesinde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 24.11.2014. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/2959/uluslararasi-kadin-ve-adalet-zirvesinde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

подчеркивал колоссальный масштаб потерь, которые Турция понесла после Первой мировой войны: «Турецкая Республика — не первое наше государство, не надо обманывать себя. Мы наследники глобальной державы, владения которой простирались на 22 млн кв. км <...> только накануне провозглашения республики у нас было более 3 млн кв. км, а сейчас у Турции лишь 780 тыс. кв. км»³⁰. С точки зрения Р. Эрдогана, статус хранителя османского наследия (*Osmanlı varisi*) не только наделил Турцию имперской идентичностью, но и возложил на нее ответственность за османское историческое пространство, поэтому Анкара не может «оставаться в стороне от проблем и чаяний исламского мира и османского [геополитического] пространства»³¹. Разъясняя мотивы внешнеполитической активности страны иностранным журналистам, Р. Эрдоган подчеркивал уникальный исторический опыт «сопряжения западной и восточной традиции»: «Географически мы располагались в сердце Азии, Европы и Африки <...> у нас глубокие и длительные культурные связи с обширным пространством, простирающимся от Судана до Индонезии, от Центральной Азии до Африки, от Дальнего Востока до Европы. На этих землях, которые всего пару столетий назад входили в состав Османской державы, сейчас 45 различных государств. На этих территориях проживают наши братья и сородичи — в разных европейских странах более 5,5 млн человек с турецкими корнями. Для нас невозможно оставаться равнодушными к тому, что происходит в Европе, Северной Африке, на Кавказе, в Центральной Азии или на Балканах»³².

³⁰ Erdoğan R.T. Türkiye'nin Yeni Güvenlik Konsepti Konferansında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 22.11.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/61114/turkiyenin-yeni-guvenlik-konsepti-konferansinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

³¹ Erdoğan R.T. Uluslararası Basın Kuruluşları Temsilcileri Toplantısında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 20.06.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/105755/uluslararasi-basin-kuruluslari-temsilcileri-toplantisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

³² Erdoğan R.T. 9. Avrasya İslam Şûrası Açılışında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 11.10.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/53559/9-avrasya-islam-srasi-acilisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. Uluslararası Basın Kuruluşları Temsilcileri Toplantısında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 20.06.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/105755/uluslararasi-basin-kuruluslari-temsilcileri-toplantisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

Определяя Османскую империю как «цивилизацию завоевания» (*fetih medeniyeti*), Р. Эрдоган подводил идейно-ценностный базис под наступательную политику Анкары в регионе Ближнего и Среднего Востока³³. Наступательный внешнеполитический популизм отчетливо проявился во время обострения борьбы за энергоресурсы Восточного Средиземноморья. Оказавшись перед лицом стремительно формирующейся «антитурецкой коалиции»³⁴, Р. Эрдоган пошел по пути политизации конфликта и представления его в категориях цивилизационного противостояния. Для того чтобы вызвать недвусмысленные реминисценции со временами Османской империи, когда Средиземное море было «османским озером», турецкие суда для поисково-разведочного бурения и сейсмических исследований были названы именами видных героев османского прошлого — султана Селима I Грозного, великого корсара и флотоводца Хайреддина Барбароссы, его брата Оруча Реиса и мореплавателя Кемаля Реиса. Именно с именами этих исторических деятелей XVI в. ассоциируются успехи османов в установлении своего господства в регионе. В 2017 г. турецкие СМИ облетела примечательная история, как командир судна «Хайреддин Барбаросса» в ответ на радиопредупреждение кипрских властей о нахождении в «эксклюзивной экономической зоне Республики Кипр» запустил по радию османский военный марш «Мехтер»³⁵. Логическим продолжением этого эпизода можно считать статью, вышедшую в 2019 г. на страницах печатного

³³ Erdoğan R.T. 'Malazgirt ruhunu yaşatmayı başaramazsak, geçmişimizle birlikte geleceğimizi de kaybederiz' // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 26.08.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/96272/-malazgirt-ruhunu-yasatmayi-basaramazsak-gecmisimizle-birlikte-gelecegimizi-de-kaybederiz-> (accessed: 01.06.2021).

³⁴ В Средиземном море Турция фактически оказалась в ситуации международной изоляции, драйвером которой выступили три фактора. Во-первых, наращивание военно-политического сотрудничества между Израилем, Грецией, Кипром и Египтом. Хотя это сотрудничество и не приняло форму полноценного военного союза, но оно включало серию совместных учений и подписание двусторонних договоров о кооперации в сфере безопасности. Во-вторых, создание в 2019 г. Восточно-Средиземноморского газового форума, в число стран-учредителей которого Турция не была включена. В-третьих, подписание в 2020 г. Грецией, Кипром и Израилем соглашения о строительстве Восточно-Средиземноморского трубопровода для транспортировки газа с шельфовых месторождений напрямую в Европу через Кипр и Крит.

³⁵ Barbaros Hayrettin Paşa gemisinden Rumlara anlamlı yanıt! // Milliyet. 05.05.2017. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/ekonomi/barbaros-hayrettin-pasa-gemisinden-rumlara-anlamlı-yanıt-2445069> (accessed: 01.06.2021).

органа ПСР газеты *Yeni Şafak*, с красноречивым заголовком «Хайреддин-паша Барбаросса возвращается спустя 473 года <...> настоящие хозяева Средиземного моря вновь здесь»³⁶. Аналогично Р. Эрдоган подчеркивал историческую миссию Турции в Ливии, где, по его словам, «проживает более миллиона тюрок-кёроглу, оставшихся здесь с османских времен <...> это потомки Барбароссы <...> и все они жертвы этнических чисток»³⁷.

Для Р. Эрдогана Турция наделена правом представлять мусульманский мир и возможностью говорить о насущных проблемах мусульман, поэтому нередко в его публичных выступлениях звучали призывы к объединению мусульман всего мира перед лицом общих проблем — ради борьбы с исламофобией Запада, решения палестинского вопроса, противостояния терроризму и т.д.: «Как мусульмане мы должны построить для себя новое будущее, объединившись вокруг истинной исламской традиции. Мы должны заложить основы возрождения исламского мира, преодолев раздирающие его конфликты <...> мы должны помнить, что должно поступать в соответствии с заповедями Аллаха “Милость в духовном единстве, муки — в разобщении”»³⁸.

Р. Эрдоган постоянно подчеркивал в своих речах, что Турция не может быть равнодушна к бедам мусульман разных стран и регионов мира, должна вставать на защиту своих единоверцев в Кашмире, Восточном Туркестане, Мьянме, Палестине. Особенно часто в 2010-е годы Р. Эрдоган выражал солидарность с палестинским народом, на-

³⁶ Karagül İ. Barbaros Hayrettin Paşa, 473 yıl sonra geri döndü // *Yeni Şafak*. 02.12.2019. Available at: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/-barbaros-hayrettin-pasa-473-yil-sonra-geri-dondu-sancagi-karargha-konuldu-akdenizin-sahiplerigeri-geldi-turkiye-libya-anlasmasi-deniz-haritasini-degistirdi-sevr-plni-ellerindepatladi-mavi-vatan-buyuk-ulke-turkiyenin-yuzolcumu-bildigimizden-cok-fazla-2053532> (accessed: 01.06.2021).

³⁷ Ay H. ‘Libya’da ne işimiz var’ diyenler siyaset ve tarih cahili // *Sabah*. 15.01.2020. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2020/01/15/libyada-ne-isimiz-var-diyenler-siyaset-ve-tarih-cahili> (accessed: 01.06.2021); Karataş İ. ‘Libya’da ne işimiz var’ diyenlerin işi ne? // *Yeni Akit*. 13.01.2020. Available at: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/ibrahim-karatas/libyada-ne-isimiz-var-diyenlerin-isi-ne-30977.html> (accessed: 01.06.2021).

³⁸ Erdoğan R.T. 9. Avrasya İslam Şûrası Açılışında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 11.10.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/53559/9-avrasya-islam-srasi-acilisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

зывая Израиль террористическим государством и регулярно обвиняя Запад в его поддержке³⁹.

Принятие на себя роли истинного защитника ислама позволило Р. Эрдогану успешно превращать напрямую не касающиеся Турции события мировой политики в часть внутривластной повестки. Так, громкий теракт в мечетях новозеландского города Крайстчерча весной 2019 г. не был связан с Турцией, среди погибших не числились турецкие граждане, и сама Турция в контексте трагических событий не упоминалась. Однако это не помешало Р. Эрдогану использовать сюжет новозеландского теракта не только для обвинений Запада в открытой войне против ислама, но и в качестве инструмента мобилизации сторонников. Выступая на праздновании годовщины Дарданелльской операции — единственного успешного для Турции эпизода Первой мировой войны, когда войска под командованием М. Кемалю (Ататюрка) смогли отразить объединенные силы Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, Р. Эрдоган обрушился с критикой на «ведомый исламофобскими настроениями Запад»: «Мы уже тысячу лет на этих землях и останемся здесь до апокалипсиса. И дай бог вы никогда не сможете превратить Стамбул в Константинополь <...>. Ваши деды пришли сюда с войной и вернулись назад в гробах <...>. Будьте уверены, что и вас мы так же вернем, как и ваших дедов»⁴⁰.

В этом же ключе можно упомянуть и разразившийся осенью 2020 г. скандал с президентом Франции Эммануэлем Макроном, которому Р. Эрдоган посоветовал «пройти умственный контроль» и «психиатрическое обследование»⁴¹ в ответ на его заявления в за-

³⁹ Erdoğan R.T. İslam İşbirliği Teşkilatı Sosyal İşler Bakanları Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 09.12.2019. <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/113857/islam-isbirligi-teskilati-sosyal-isler-bakanlari-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴⁰ Erdoğan R.T. 18 Mart Şehitleri Anma Günü ve Çanakkale Zaferinin 104. Yılı Töreninde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 18.03.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102531/18-mart-sehitleri-anma-gunu-ve-canakkale-zaferinin-104-yili-torende-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴¹ Başkan Erdoğan'dan Macron'a: Senin zihinsel tedaviye ihtiyacı var... // Sabah. 24.10.2020. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2020/10/24/son-dakika-haberi-baskan-erdogandan-macrona-senin-zihinsel-tedaviye-ihtiyacin-var> (accessed: 01.06.2021); Macron'un zihinsel tedaviye ihtiyacı var // Cumhuriyet. 25.10.2020. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/macronun-zihinsel-tedaviye-ihtiyaci-var-6338461> (accessed: 01.06.2021).

питу светского государства и обещания бороться с радикальным исламом после убийства французского учителя, показавшего классу карикатуры на пророка Мухаммеда. Вновь напрямую не касавшиеся Турции события Р. Эрдоган успешно конвертировал в часть внутриполитической повестки.

В популистской риторике турецкого лидера Запад превратился в олицетворение темных сил, цивилизацию, построенную на расизме, нацизме и фашизме, история которой пестрит примерами геноцида и этнических чисток⁴². На одном из саммитов религиозных лидеров Африки Р. Эрдоган открыто обвинил ООН в расизме: «Времена колониализма давно прошли, но этот взгляд белого человека на Африку, Азию, Латинскую Америку и Ближний Восток не изменился. Никуда не делось это беспредельное высокомерие западного человека, основанное на идее превосходства белой расы <...>. Вы лучше меня знаете, какая колониальная держава стояла за геноцидом в Руанде 1994 г. Западные страны вместе с ООН безучастно наблюдали, как за три месяца было уничтожено более 800 тыс. руандийцев»⁴³.

Критикуя «империалистические и колониальные подходы» Запада к Африке, Р. Эрдоган подчеркивал, что в основе политики Турции на Черном континенте лежат абсолютно противоположные принципы: «На Западе многие серьезно встревожены тем, какими темпами идет сближение Турции с африканскими странами. Для тех, кто десятилетиями выкачивал из Африки ресурсы, строил свое благосостояние на крови угнетенного африканского народа, невыносимо наблюдать за тем, как Турция выстраивает сотрудничество с Африкой на принципах равноправия и взаимного уважения. Они хотят, чтобы африканцы были зависимы, чтобы природные ресурсы Африканского континента служили обогащению западных корпора-

⁴² Erdoğan R.T. Budapeşte Süreci 6. Bakanlar Konferansı Konuk Bakan ve Heyet Başkanları Onuruna Akşam Yemeğinde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 19.02.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102067/budapeste-sureci-6-bakanlar-konferansi-konuk-bakan-ve-heyet-baskanlari-onuruna-aksam-yemeginde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. 12. Uluslararası İslam Ekonomisi ve Finansı Konferansı'nda Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 14.06.2020. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/120425/12-uluslararasi-islam-ekonomisi-ve-finansi-konferansi-nda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴³ Erdoğan R.T. 3. Afrika Ülkeleri Dini Liderler Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 19.10.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/112208/3-afrika-ulkeleri-dini-liderler-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

ций и правительств, а отнюдь не населения Африки. <...> Интересы западных энергетических компаний и экспортеров оружия стояли в основе большинства конфликтов в Африке <...>. Те, кто учит нас соблюдению прав человека и свободе слова, забывают, что на них несмываемое пятно колониальных преступлений, а их благосостояние построено на крови и насилии. <...> они провозгласили конец колониализма, но на самом деле колониализм жив, он лишь принял иное обличье и вооружился иными методами господства и подчинения»⁴⁴.

Цивилизационизм Р. Эрдогана результировал в стремление показать, насколько османская цивилизационная и имперская идентичность противоположна западной, не содержит в себе заряда расизма и колониализма и не строилась на насилии, в отличие от западной цивилизации: «В тысячелетней истории ислама нет примеров расизма и колониализма, оккупации чужих территорий и этнических чисток. Мусульманские страны не строили свое благосостояние на грабеже чужих ресурсов. Мы никогда не смотрели свысока на кого-либо по причине языка, цвета кожи или религии. В отличие от империалистов, Турция никогда не ставила в центр своей политики борьбу за золото, бриллианты или нефть»⁴⁵.

Западноцентричный миропорядок для Р. Эрдогана превратился не только в воплощение несправедливости, но и в первопричину многих глобальных проблем. «Мир больше пяти», – неустанно повторял турецкий лидер с 2013 г. (имелся в виду состав постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН), развивая тезис о необходимости преодоления сложившейся в мире громадной несправедливости⁴⁶, которая заключается в том, что среди постоянных членов СБ ООН нет ни одной мусульманской страны и в связи с этим мусульманские страны и регионы лишены возможности в полной мере использовать площадку организации для решения насущных проблем. Полицентричный характер современного мира требует соответствующих структурных изменений СБ ООН, где должны быть представлены

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Erdoğan R.T. Our motto ‘the world is bigger than five’ is the biggest-ever rise against global injustice // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 10.01.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/89052/our-motto-the-world-is-bigger-than-five-is-the-biggest-ever-rise-against-global-injustice> (accessed: 01.06.2021).

другие государства и континенты⁴⁷. В своей критике «западноцентричного миропорядка» Р. Эрдоган пришел к неожиданным выводам: «...если бы основу современного миропорядка формировали исламские ценности и принципы, мир избежал бы всех текущих глобальных кризисов»⁴⁸.

* * *

Глубокая укорененность популистской традиции в политической культуре Турции наделила ее идеологической гибкостью и превратила в почти универсальный инструмент работы с электоратом. Со времени перехода страны к конкурентной политической системе в той или иной степени популизм оказался присущ большинству игроков политического спектра, придерживающихся различных идеологий и платформ, от консерватизма и исламизма до национализма и либерализма. В межпартийной борьбе к популистской риторике прибегали и правоцентристские партии, и либерально-демократические, и религиозно-консервативные, и ультранационалистические.

Реджеп Эрдоган и создатели ПСР не стали зачинателями политического популизма в Турции, они лишь выступили прилежными учениками, сумев не только продолжить, но и развить успех в использовании популистской риторики. Применяя проверенные временем методы, стержневым элементом ПСР избрала простую вертикальную дихотомию добра и зла. В 2000-е годы на темной стороне оказались представители «старого», кемалистского политического истеблишмента, а на светлой — традиционалистски и религиозно настроенные массы простых турок, «настоящие сыны нации». Агрессивная антикемалистская риторика в 2000-е годы себя полностью оправдала, придясь по вкусу многим — исламистам, курдам, либералам. В следующее десятилетие, когда с кемалистами в целом было покончено, а военную элиту удалось лишить политической субъектности, режим Р. Эрдогана скорректировал направление негативной риторики. Теперь заклятыми врагами объявлялись любые

⁴⁷ Erdoğan R.T. The vision of new Turkey: The world is bigger than 5. Ankara: Cumhurbaşkanlığı Yayınları, 2017.

⁴⁸ Erdoğan R.T. Erdoğan: Medeniyet Konusunda Fikri Olmayan Taklide Teslim Olmak Zorundadır // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 21.10.2017. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/85015/medeniyet-konusunda-fikri-olmayan-taklide-teslim-olmak-zorundadır.html> (accessed: 01.06.2021).

оппозиционно настроенные силы, которые стали преследоваться всеми доступными способами.

К середине 2010-х годов слишком широкая категория враждебной оппозиции конкретизировалась. После масштабных протестов лета 2013 г., в организации которых были обвинены враждебные внешние силы, популистский дискурс ПСР обрел новый объект для негативной риторики: место поверженных кемалистов заняли Запад и все, кто выступал проводниками «западного империализма». Все враждебные Турции силы и явления были объединены понятием-концепцией «закулисного злодея-кукловода», «враждебного сверхразума» (*üst akıl*), направленного на сдерживание Турции и нивелирование успехов ее социально-экономического и политического развития.

Содержательно популизм Р. Эрдогана за без малого два десятилетия существенно эволюционировал на фоне менявшейся внутренней и внешней конъюнктуры. В 2000-е годы в нем доминировали аморфные идеи консервативной демократии, в основе которых лежала модель европейских христианско-демократических партий. На рубеже 2000–2010-х годов несбывшиеся надежды на евроинтеграцию уступили место «цивилизационному экспансионизму», стержнем которого стали ислам и концепт исламской/османской цивилизации. Вторая половина 2010-х годов ознаменовала новый виток идеологической трансформации эрдогановского популизма, в котором на фоне устоявшегося набора религиозно-консервативных и цивилизационистских концептов всё рельефнее стали проступать черты ультранационализма. В итоге популистская бинарная оппозиция «мы — они» выкристаллизовалась в модель глобального противостояния Турции, защитницы интересов мусульман и поборницы справедливого миропорядка, демоническому Западу, олицетворению пороков мировой цивилизации, «глобальной политической элите», плетущей заговоры против Анкары для ее сдерживания, ослабления и уничтожения.

Анализ риторики Р. Эрдогана в корреляции с конкретными внешнеполитическими шагами позволяет выявить ряд важных моментов. Влияние популизма на внешнеполитический процесс в Турции четко прослеживается на нескольких уровнях — инструментальном, институциональном и дискурсивном. В инструментальном плане популистская внешняя политика Турции была монополизирована в руках Р. Эрдогана, который за последние 10 лет замкнул на себя весь внешнеполитический процесс от выработки

внешнеполитической стратегии до осуществления конкретных внешнеполитических шагов. В институциональном плане экспансия популизма в сферу внешней политики привела к ее «доместикации» и «национализации», а в дискурсивном выразилась в увлечении цивилизационизмом.

Растущая персонализация внутри- и внешнеполитического процессов в Турции позволила говорить о феномене «эрдоганизации турецкой политики» — становления в стране режима, в рамках которого «персональный авторитаризм» Р. Эрдогана укрепляется за счет сужения роли и влияния государственных институтов. При этом декларативное стремление занять более независимое и автономное положение в системе международных отношений вылилось в стратегию развития преимущественно двустороннего формата взаимодействия с различными государствами, в результате чего Турция, которая долгое время воспринималась последовательной сторонницей регионального сотрудничества и интеграции, стала во многих аспектах регионально изолированной страной.

Масштабная экспансия популизма во внешнюю политику стала одним из символов «Новой Турции» Р. Эрдогана и ознаменовала начало новой страницы в развитии популистской традиции. В республиканской Турции внешняя политика всегда была делом профессионалов, считалось, что это важнейшая сфера национальных интересов, требующая взвешенности решений, точности формулировок и высокой ответственности. Кемалисты были убеждены в опасности превращения внешней политики в заложницу внутривнутриполитических коллизий, межпартийной борьбы или личных интересов. Сформированная еще на заре республиканской эры традиция определенной изолированности внешней политики от внутривнутриполитического контекста долгое время сохранялась и воспроизводилась. Попытки Н. Эрбакана в 1990-е годы превратить внешнюю политику в полигон реализации своих популистских инициатив не увенчались успехом и были купированы совместными усилиями военной и бюрократической элит, которые совершили «постмодернистский переворот» в 1997 г. и отстранили Н. Эрбакана от власти. Лишь Р. Эрдогану на рубеже 2000–2010-х годов удалось окончательно порвать с этой кемалистской традицией, превратив внешнеполитический популизм в инструмент консолидации власти и борьбы с оппонентами. На эмоциональном уровне это выразилось в форме негативной риторики по отношению к собственным дипломатам,

которые были причислены к «коррупцированной элите», противостоящей «народу».

Внешнеполитический популизм утвердился в качестве неотъемлемой части политической стратегии Р. Эрдогана и его партии. Это обстоятельство, учитывая без малого два десятилетия пребывания Р. Эрдогана у власти, заставляет пересмотреть устоявшиеся ранее представления о популизме как стратегии маргиналов и аутсайдеров, полноценно не вписанных в политический ландшафт. Долгое время считалось, что популизм несовместим с пребыванием во власти, поскольку нельзя одновременно выступать с антиэлитистских позиций (ключевой элемент популизма) и быть частью истеблишмента [Taggart, 2004]. Как констатировали многочисленные исследования 2000–2010-х годов, популистские партии и политики, оказавшись у кормила власти, либо отказываются от популистской риторики и практики [Albertazzi, McDonnell, 2015; Капитонова и др., 2020], становясь частью политического мейнстрима, либо маргинализируются и всё равно теряют свой электорат («успех в оппозиции — провал во власти»), как гласил заголовок известной работы Рейнхарда Хейниша [Heinisch, 2003]).

Турция с этой точки зрения — случай неординарный вдвойне. Во-первых, здесь правящая ПСР, генетически связанная с традицией популистской политики, возглавив страну, не только не отказалась от популизма, но поместила внешнеполитический популизм в центр своей стратегии удержания власти. Во-вторых, опыт и пример Р. Эрдогана как успешного политика-популиста стали своего рода моделью «антидемократического популизма», которую взяли на вооружение Нарендра Моди в Индии и Биньямин Нетаньяху в Израиле. Слагаемые этой модели — манипулирование этнонациональными и этноконфессиональными конфликтами, дискредитация независимых СМИ как «врагов народа» и т.д. — оказались частью универсального рецепта электорального успеха в глубоко разделенных обществах.

Более того, на рубеже 2010–2020-х годов стало очевидно, что Р. Эрдоган, столкнувшись с проблемой снижающейся популярности из-за разрастания финансово-экономического кризиса и низкой эффективности правительства в решении насущных социально-политических проблем Турции, сделал внешнеполитический популизм стержневым элементом стратегии по консолидации электората. Растущий по экспоненте градус внешнеполитического популизма по самому широкому спектру вопросов (Сирия, Ливия, Кипр, Вос-

точное Средиземноморье, карабахский конфликт, палестинская проблема) дал возможность не только изолировать себя от критики за внутривнутриполитические неурядицы, но и объединить сторонников перед лицом «внешнего врага». Это позволило разорвать известную закономерность между состоянием экономики и электоральным поведением и пока что уйти от неизбежной ответственности правящей партии за похуждение кошелька своего избирателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 12. С. 24–33.
2. Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 80-х годов XX в. М.: Наука, 1985.
3. Капитонова Н.К., Магадеев И.Э., Печатнов В.О. и др. Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. М.: МГИМО-Университет, 2020.
4. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 1. С. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.
5. Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.
6. Abts K., Rummens S. Populism versus democracy // *Political Studies*. 2007. Vol. 55. No. 2. P. 405–424.
7. Albertazzi D., McDonnell D. *Populists in power*. London: Routledge, 2015.
8. Ardiç N. Civilizational discourse, the ‘alliance of civilizations’ and Turkish foreign policy // *Insight Turkey*. 2014. Vol. 16. Iss. 3. P. 101–122.
9. Arkan Z., Kınacıoğlu M. Enabling ‘ambitious activism’: Davutoğlu’s vision of a new foreign policy identity for Turkey // *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17. Iss. 3. P. 381–405. DOI: 10.1080/14683849.2016.1185943.
10. Ayata S. Patronage, party, and state: The politicization of Islam in Turkey // *The Middle East Journal*. 1996. Vol. 50. Iss. 1. P. 41–57.
11. Bettiza G. Civilizational analysis in international relations: Mapping the field and advancing a ‘civilizational politics’ line of research // *International Studies Review*. 2014. Vol. 16. Iss. 1. P. 1–28. DOI: 10.1111/misr.12100.
12. Boucher J.-C., Thies C.G. ‘I am a tariff man’: The power of populist foreign policy rhetoric under president Trump // *The Journal of Politics*. 2019. Vol. 81. Iss. 2. P. 712–722. DOI: 10.1086/702229.
13. Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: The European populist moment in comparative perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. Iss. 8. P. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700.

14. Bulut A., Yıldırım M. Political stability, democracy and agenda dynamics in Turkey. New York: Palgrave Macmillan, 2020.

15. Canovan M. Populism. London: London Junction, 1981.

16. Chrysogelos A. Old ghosts in new sheets: European populist parties and foreign policy. Brussels: Centre for European Studies, 2011. Available at: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/07/old_ghosts.pdf (accessed: 01.06.2021).

17. Çınar M. Turkey's 'Western' or 'Muslim' identity and the AKP's civilizational discourse // Turkish Studies. 2018. Vol. 19. Iss. 2. P. 176–197. DOI: 10.1080/14683849.2017.1411199.

18. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.

19. Destradi S., Plagemann J. Populism and international relations: (Un) predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics // Review of International Studies. 2019. Vol. 45. Iss. 5. P. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184.

20. Eligür B. The mobilization of political Islam in Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

21. Erdemir A., Edelman E. Erdogan's hostage diplomacy. Western nationals in Turkish prisons. Washington: Foundation for Defense of Democracies, 2018. Available at: https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/02/REPORT_Erdogan_Hostages.pdf (accessed: 01.06.2021).

22. Europe's troublemakers: The populist challenge to foreign policy. Brussels: European Policy Center, 2016.

23. Flyvbjerg B. Making social science matter. London: Cambridge University Press, 2001.

24. Genc K. Erdogan's way. The rise and rule of Turkey's Islamist shape-shifter // Foreign Affairs. September/October 2019. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 01.06.2021).

25. Heinisch R. Success in opposition — failure in government: Explaining the performance of right-wing populist parties in public office // West European Politics. 2003. Vol. 26. Iss. 3. P. 91–130.

26. Herkman J. Articulations of populism: The Nordic case // Cultural Studies. 2017. Vol. 31. Iss. 4. P. 470–488. DOI: 10.1080/09502386.2016.1232421.

27. Hintz L. 'Take it outside!' National identity contestation in the foreign policy arena // European Journal of International Relations. 2016. Vol. 22. Iss. 2. P. 335–361. DOI: 10.1177/1354066115588205.

28. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium // European Journal of Political Research. 2007. No. 46. P. 319–345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.

29. Kalaycıoğlu E. Elections and party preferences in Turkey changes and continuities in the 1990s // Comparative Political Studies. 1994. Vol. 27. Iss. 3. P. 402–424. DOI: 10.1177/0010414094027003004.

30. Kalaycıoğlu E. Turkish democracy: Patronage versus governance // *Turkish Studies*. 2001. Vol. 2. Iss. 1. P. 54–70. DOI: 10.1080/14683849.2001.11009173.
31. Kaliber A., Kaliber E. From de-Europeanisation to anti-Western populism: Turkish foreign policy in flux // *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 54. Iss. 4. P. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2019.1668640.
32. Kaltwasser C.R., Taggart P., Espejo P.O., Ostiguy P. *The Oxford handbook of populism*. London: Oxford University Press, 2017.
33. Karaosmanoğlu K. The discourse of *üst akıl*: A search for hegemony in the Turkish media // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2021. Vol. 21. Iss. 1. P. 77–99. DOI: 10.1080/14683857.2021.1872233.
34. Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. Populism in Turkey and France: Nativism, multiculturalism and Euroskepticism // *Turkish Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 3. P. 361–391. DOI: 10.1080/14683849.2019.1637260.
35. Kösebalaban H. *Turkish foreign policy: Islam, nationalism, and globalization*. London: Palgrave Macmillan, 2011.
36. Liang C.S. *Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right*. New York: Routledge, 2007.
37. Mardin Ş. Center periphery relations: A key to Turkish politics? // *Deadalus*. 1973. Vol. 2. Iss. 1. P. 169–190.
38. Meny Y., Surel Y. *Democracies and the populist challenge*. London: Palgrave Macmillan, 2002.
39. Mudde C. *Populist Zeitgeist* // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. Iss. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
40. Norris P., Inglehart R. *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
41. Pappas T.S. *Populism and liberal democracy*. London: Oxford University Press, 2019.
42. Selçuk O., Hekimci D., Erpul O. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2019. Vol. 19. Iss. 4. P. 541–564. DOI: 10.1080/14683857.2019.1689902.
43. Sevin E. *Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey*. London: Palgrave Macmillan, 2017.
44. Shlykov P. The ‘Turkish model’ in historical perspective // *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16. Iss. 2. P. 34–59.
45. Sözen Y. Populist peril to democracy: The sacralization and singularization of competitive elections // *Political Studies Review*. 2019. Vol. 17. Iss. 3. P. 267–283. DOI: 10.1177/1478929918814613.
46. Taggart P. *Populism*. London: Open University Press, 2000.
47. Taggart P. Populism and representative politics in contemporary Europe // *Journal of Political Ideologies*. 2004. Vol. 9. Iss. 3. P. 269–288. DOI: 10.1080/1356931042000263528.

48. Taguieff P.-A. Political science confronts populism: From a conceptual mirage to a real problem // *Telos*. 1995. No. 103. P. 9–43.

49. Taş H. The chronopolitics of national populism // *Identities. Global Studies in Culture and Power* — online. 2020. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2020.1735160> (accessed: 01.06.2021).

50. Taş H. Turkey — from tutelary to delegative democracy // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36. Iss. 4. P. 776–791. DOI: 10.1080/01436597.2015.1024450.

51. Turan M. Türkiye'nin Yeni Yönetim Düzeni: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi // *Sosyal Bilimler Araştırma Dergisi*. 2018. Cilt 7. No. 3. S. 42–91. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ssrj/issue/38851/448700> (accessed: 01.06.2021).

52. Verbeek B., Zaslove A. The impact of populist radical right parties on foreign policy: The Northern League as a junior coalition partner in the Berlusconi governments // *European Political Science Review*. 2015. Vol. 7. Iss. 4. P. 525–546. DOI: 10.1017/S1755773914000319.

53. Weyland K. Populism's threat to democracy: Comparative lessons for the United States // *Perspectives on Politics*. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 389–406. DOI: 10.1017/S1537592719003955.

54. Woertz E., Soler i Lecha E. Populism and Euro-Mediterranean cooperation: The Barcelona process 25 years after // *Mediterranean Politics* — online. 05.08.2020. Available at: <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1799165> (accessed: 01.06.2021).

55. Yabancı B., Taleski D. Co-opting religion: How ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority // *Religion, State & Society*. 2018. Vol. 46. No. 3. P. 283–304. DOI: 10.1080/09637494.2017.1411088.

56. Yalçın H.B. The concept of 'middle power' and the recent Turkish foreign policy activism // *Afro Eurasian Studies*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 195–216.

57. Yılmaz Z. Erdoğan's presidential regime and strategic legalism: Turkish democracy in the twilight zone // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2020. Vol. 20. Iss. 2. P. 265–287. DOI: 10.1080/14683857.2020.1745418.

REFERENCES

1. Vainshtein G.I. 2013. Populizm v sovremennoi Evrope: novye tendentsii [Populism in contemporary Europe: New trends]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 24–33. (In Russ.)

2. Danilov V.I. 1985. *Politicheskaya bor'ba v Turtsii. 50-e — nachalo 80-h godov XX v.* [Political struggle in Turkey in the 1950s — 1980s]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

3. Kapitonova N.K., Magadeev I.E., Pechatnov V.O. et al. 2020. *Pravyi populizm: global'nyi trend i regional'nye osobennosti* [Right populism: Global trend and regional features]. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russ.)

4. Shlykov P.V. 2017. Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii [Eurasianism and Eurasian integration in the political ideologies and practice in Turkey]. *Sravnitel'naya politika*, vol. 8, iss. 1, pp. 58–77. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76. (In Russ.)
5. Shlykov P.V. 2020. Mezhdu SShA, Evropoi i Evraziei: transformatsiya vneshnepoliticheskikh prioritetov Turtsii [Between the US, the EU and Eurasia: Transformation of foreign policy priorities of Turkey]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1, pp. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06. (In Russ.)
6. Abts K., Rummens S. 2007. Populism versus democracy. *Political Studies*, vol. 55, no. 2, pp. 405–424.
7. Albertazzi D., McDonnell D. 2015. *Populists in power*. London, Routledge.
8. Ardiç N. 2014. Civilizational discourse, the 'alliance of civilizations' and Turkish foreign policy. *Insight Turkey*, vol. 16, iss. 3, pp. 101–122.
9. Arkan Z., Kınacıoğlu M. 2016. Enabling 'ambitious activism': Davutoğlu's vision of a new foreign policy identity for Turkey. *Turkish Studies*, vol. 17, iss. 3, pp. 381–405. DOI: 10.1080/14683849.2016.1185943.
10. Ayata S. 1996. Patronage, party, and state: The politicization of Islam in Turkey. *The Middle East Journal*, vol. 50, iss. 1, pp. 41–57.
11. Bettiza G. 2014. Civilizational analysis in international relations: Mapping the field and advancing a 'civilizational politics' line of research. *International Studies Review*, vol. 16, iss. 1, pp. 1–28. DOI: 10.1111/misr.12100.
12. Boucher J-C., Thies C.G. 2019. 'I am a tariff man': The power of populist foreign policy rhetoric under president Trump. *The Journal of Politics*, vol. 81, iss. 2, pp. 712–722. DOI: 10.1086/702229.
13. Brubaker R. 2017. Between nationalism and civilizationism: The European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, iss. 8, pp. 1191–1226.
14. Bulut A., Yıldırım M. 2020. *Political stability, democracy and agenda dynamics in Turkey*. New York, Palgrave Macmillan.
15. Canovan M. 1981. *Populism*. London, London Junction.
16. Chrysosgelos A. 2011. *Old ghosts in new sheets: European populist parties and foreign policy*. Brussels, Centre for European Studies. Available at: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/07/old_ghosts.pdf (accessed: 01.06.2021).
17. Çınar M. 2019. Turkey's 'Western' or 'Muslim' identity and the AKP's civilizational discourse. *Turkish Studies*, vol. 19, iss. 2, pp. 176–197. DOI: 10.1080/14683849.2017.1411199.
18. Davutoğlu A. 2001. *Stratejik Derinlik* [Strategic depth]. İstanbul, Küre Yayınları. (In Turk.)
19. Destradi S., Plagemann J. 2019. Populism and international relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics. *Review of International Studies*, vol. 45, iss. 5, pp. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184.

20. Eligür B. 2010. *The mobilization of political Islam in Turkey*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Erdemir A., Edelman E. 2018. *Erdogan's hostage diplomacy. Western nationals in Turkish prisons*. Washington, D.C.: Foundation for Defense of Democracies. Available at: https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/02/REPORT_Erdogan_Hostages.pdf (accessed: 01.06.2021).

22. *Europe's troublemakers: The populist challenge to foreign policy*. 2016. Brussels, European Policy Center.

23. Flyvbjerg B. 2001. *Making social science matter*. London, Cambridge University Press.

24. Genc K. 2019. Erdogan's way. The rise and rule of Turkey's Islamist shapeshifter. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 01.06.2021).

25. Heinisch R. 2003. Success in opposition — failure in government: Explaining the performance of right-wing populist parties in public office. *West European Politics*, vol. 26, iss. 3, pp. 91–130.

26. Herkman J. 2017. Articulations of populism: The Nordic case. *Cultural Studies*, vol. 31, iss. 4, pp. 470–488. DOI: 10.1080/09502386.2016.1232421.

27. Hintz L. 2016. 'Take it outside!' National identity contestation in the foreign policy arena. *European Journal of International Relations*, vol. 22, iss. 2, pp. 335–361. DOI: 10.1177/1354066115588205.

28. Jagers J., Walgrave S. 2007. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, no. 46, pp. 319–345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.

29. Kalaycıoğlu E. 1994. Elections and party preferences in Turkey changes and continuities in the 1990s. *Comparative Political Studies*, vol. 27, iss. 3, pp. 402–424. DOI: 10.1177/0010414094027003004.

30. Kalaycıoğlu E. 2001. Turkish democracy: Patronage versus governance. *Turkish Studies*, vol. 2, iss. 1, pp. 54–70. DOI: 10.1080/14683849.2001.11009173.

31. Kaliber A., Kaliber E. 2019. From de-Europeanisation to anti-Western populism: Turkish foreign policy in flux. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*, vol. 54, iss. 4, pp. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2019.1668640.

32. Kaltwasser C.R., Taggart P., Espejo P.O., Ostiguy P. 2017. *The Oxford handbook of populism*. London, Oxford University Press.

33. Karaosmanoğlu K. 2021. The discourse of üst akıl: A search for hegemony in the Turkish media. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 21, iss. 1, pp. 77–99. DOI: 10.1080/14683857.2021.1872233.

34. Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. 2020. Populism in Turkey and France: Nativism, multiculturalism and Euroskepticism. *Turkish Studies*, vol. 21, iss. 3, pp. 361–391. DOI: 10.1080/14683849.2019.1637260.

35. Kösebalaban H. 2011. *Turkish foreign policy: Islam, nationalism, and globalization*. London, Palgrave Macmillan.

36. Liang C.S. 2007. *Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right*. New York, Routledge.
37. Mardin Ş. 1973. Center periphery relations: A key to Turkish politics? *Deadalus*, vol. 2, iss. 1, pp. 169–190.
38. Meny Y., Surel Y. 2002. *Democracies and the populist challenge*. London, Palgrave Macmillan.
39. Mudde C. 2004. Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, vol. 39, iss. 4, pp. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
40. Norris P., Inglehart R. 2018. *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. Pappas T.S. 2019. *Populism and liberal democracy*. London, Oxford University Press.
42. Selçuk O., Hekimci D., Erpul O. 2019. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 19, iss. 4, pp. 541–564. DOI: 10.1080/14683857.2019.1689902.
43. Sevin E. 2017. *Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey*. London, Palgrave Macmillan.
44. Shlykov P. 2018. The ‘Turkish model’ in historical perspective. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, iss. 2, pp. 34–59.
45. Sözen Y. 2019. Populist peril to democracy: The sacralization and singularization of competitive elections. *Political Studies Review*, vol. 17, iss. 3, pp. 267–283. DOI: 10.1177/1478929918814613.
46. Taggart P. 2000. *Populism*. London, Open University Press.
47. Taggart P. 2004. Populism and representative politics in contemporary Europe. *Journal of Political Ideologies*, vol. 9, iss. 3, pp. 269–288. DOI: 10.1080/1356931042000263528.
48. Taguieff P.-A. 1995. Political science confronts populism: From a conceptual mirage to a real problem. *Telos*, no. 103, pp. 9–43.
49. Taş H. 2020. The chronopolitics of national populism. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2020.1735160> (accessed: 01.06.2021).
50. Taş H. 2015. Turkey — from tutelary to delegative democracy. *Third World Quarterly*, vol. 36, iss. 4, pp. 776–791. DOI: 10.1080/01436597.2015.1024450.
51. Turan M. 2018. Türkiye'nin Yeni Yönetim Düzeni: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi [The new administrative order of Turkey: Presidential system]. *Sosyal Bilimler Araştırma Dergisi*, vol. 7, no. 3, pp. 42–91. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ssrj/issue/38851/448700> (accessed: 01.06.2021). (In Turk.)
52. Verbeek B., Zaslove A. 2015. The impact of populist radical right parties on foreign policy: The Northern League as a junior coalition partner in the Berlusconi governments. *European Political Science Review*, vol. 7, iss. 4, pp. 525–546. DOI: 10.1017/S1755773914000319.

53. Weyland K. 2020. Populism's threat to democracy: Comparative lessons for the United States. *Perspectives on Politics*, vol. 18, iss. 2, pp. 389–406. DOI: 10.1017/S1537592719003955.

54. Woertz E., Soler i Lecha E. 2020. Populism and Euro-Mediterranean cooperation: The Barcelona process 25 years after. *Mediterranean Politics — online*. Available at: <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1799165> (accessed: 01.06.2021).

55. Yabancı B., Taleski D. 2018. Co-opting religion: How ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority. *Religion, State & Society*, vol. 46, no. 3, pp. 283–304. DOI: 10.1080/09637494.2017.1411088.

56. Yalçın H.B. 2012. The concept of 'middle power' and the recent Turkish foreign policy activism. *Afro Eurasian Studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 195–216.

57. Yılmaz Z. 2020. Erdoğan's presidential regime and strategic legalism: Turkish democracy in the twilight zone. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 20, iss. 2, pp. 265–287. DOI: 10.1080/14683857.2020.1745418.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-171-202

Научная статья / Research paper

В.Л. Хейфец*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА А.М. ЛОПЕСА ОБРАДОРА: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9*

Настоящая статья посвящена перипетиям внешней политики Мексики в первый период администрации президента А.М. Лопеса Обрадора (АМЛО) (2018–2020). Автор ставит перед собой задачу рассмотреть ключевые направления внешней политики страны на современном этапе (отношения с Соединенными Штатами Америки и латиноамериканскими соседями, в частности, на примере венесуэльского и боливийского кризисов, а также центральноамериканской миграционной проблемы), для того чтобы выяснить, насколько эта политика является реалистичной и в какой мере она укладывается в рамки традиционных линий отношений с миром, проводившихся Мексикой на протяжении десятилетий. Левоцентристская администрация АМЛО неустанно подвергается критике за свои «популистские» действия, соответственно автор счел необходимым оценить степень обоснованности данной критики. В статье показана роль американского фактора во внешней политике Мексики не только в формате двусторонних экономических отношений (в рамках USMCA), миграционной проблемы, но и с точки зрения того, как Вашингтон воздействует на трансформацию линии мексиканского МИД (в частности, в решении проблемы с центральноамериканским миграционным потоком). Автор приходит к выводу, что хотя давление со стороны США, безусловно, велико и выражается в различных формах, Мексика сохраняет возможность проводить независимую и многовекторную политику, что проявилось, в частности, в венесуэльском и боливийском вопросах. В основе такой политики лежат традиционные принципы поведения страны, которые сформировались за годы сложного лавирования между интересами великих держав и которые — в понимании АМЛО и МИД — не подлежат ревизии. Эти принципы предполагают четкую линию на невмешательство во внутренние дела других стран и со-

* *Хейфец Виктор Лазаревич* — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный редактор журнала «Латинская Америка» (e-mail: jeifets@gmail.com).

блюдение их суверенитета, уважение к праву на политическое убежище. Именно они могут в перспективе способствовать активизации внешней политики Мексики на региональном и глобальном уровнях, несмотря на некоторую пассивность действующей администрации и ее сосредоточенность на внутривнутриполитических проблемах. Таким образом, проведенный анализ современной внешней политики Мексики показывает, что за популистской риторикой А.М. Лопеса Обрадора скрывается в действительности достаточно традиционный внешнеполитический курс, продиктованный объективными особенностями внутривнутриполитического и международного положения страны.

Ключевые слова: Мексика, внешняя политика, популизм, А.М. Лопес Обрадор, миграционный кризис, Венесуэла, Боливия, USMCA, национальный суверенитет, невмешательство во внутренние дела.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00042 «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы».

Для цитирования: Хейфец В.Л. Внешняя политика А.М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 171–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-171-202.

Victor L. Jeifets

FOREIGN POLICY OF A.M. LÓPEZ OBRADOR: DECLARATIONS AND REALITY

*St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034*

The paper examines the foreign policy of Mexico during the first years of President A. M. López Obrador (AMLO) administration (2018–2020). The research aims to both identify the key priorities of the country's foreign policy (i.e., relations with the United States and Latin American countries, particularly in the context of the Venezuelan and Bolivian crises, as well as the Central American migration crisis) and to weigh it up against traditional patterns of Mexico's foreign policy behavior, as well as to assess its overall feasibility. The latter issue is all the more relevant since the center-left administration of AMLO is constantly criticized for its 'populism'. The paper shows that Mexico continues to prioritize relations with the United States not only in terms of economic cooperation (within the USMCA framework) and in addressing the migration crisis but also

in terms of the overall foreign policy agenda setting as well. However, the author emphasizes that although the pressure from the United States is significant and can take various forms, Mexico manages to pursue an independent and multi-faceted policy, as the Venezuelan and Bolivian crises have shown. Such a policy is based on the traditional principles that have crystallized during the years of maneuvering between the interests of the great powers and which, according to AMLO and the Mexican Ministry of Foreign Affairs, should not be subject to any revision. These principles include non-interference in the internal affairs of other states and respect for their sovereignty, as well as respect for the right to political asylum. It is these principles that may contribute to reinforcing the international role of Mexico both regionally and globally despite a rather limited involvement of the current administration in foreign policy matters and its focus on domestic issues. Thus, the author concludes that beneath the populist rhetoric of A. M. López Obrador lies a fairly traditional foreign policy, warranted by the domestic situation and international environment.

Keywords: Mexico, external policy, populism, A.M. López Obrador, migration crisis, Venezuela, Bolivia, USMCA, national sovereignty, non-interference in internal affairs.

About the author: *Victor L. JEIFETS* — Doctor of Sciences (History), Professor of Russian Academy of Sciences; Professor at the Saint-Petersburg State University; Editor-in-Chief of *Latinskaya America* journal (e-mail: jeifets@gmail.com).

Acknowledgements: the research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-014-00042.

For citation: JEIFETS V.L. 2021. Foreign policy of A.M. López Obrador: Declarations and reality. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 171–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-171-202. (In Russ.)

Внешняя политика Мексики как в целом [Хейфец, Роблес Эрера, 2014; Santana, 2009; Mendoza Sánchez, 2013; Pellicer Silva, 2019], так и по отдельным направлениям [Косевич, 2018a, 2018b, 2019; Кудеярова, 2019; Катышева, Хадорич, 2018; Protsenko, 2009; Toissant, 1995; Covarrubias Velasco, 2003; Galindo Marines, 2012; Protsenko, 2013] уже не раз становилась предметом обсуждения в научной литературе. Удостоились внимания исследователей различные хитросплетения внутренней и внешней политики страны [Мексика: парадоксы модернизации, 2013], взгляды представителей отдельных политических сил на внешнюю политику [Манухин,

2019], система отношений Мексики с международными организациями [Косевич, 2018с; Sotomayor, 2008], отношения страны с соседями в контексте миграционной проблемы [Kudeyarova, 2017]. Куда меньше (по понятным причинам) исследована внешняя политика действующей администрации Андреса Мануэля Лопеса Обрадора¹ (декабрь 2018 г. — н.в.). В имеющихся работах скорее оцениваются ожидания перемен, которые должны были произойти [Benitez Lopez, 2019], либо рассматривается самый начальный период новой внешней политики [Huerta Peruero, 2019; Noyola Rodriguez, 2019; Ruiz Sandoval, 2019; Тарасова, Богданов, 2020]. Это же касается и работы Е.Ю. Косевич [Косевич, 2019], которая серьезно проанализировала вопрос о перезаключении Мексикой, Канадой и США договора USMCA² и внесла большой вклад в оценку позиции АМЛЮ и его администрации в венесуэльском кризисе 2019 г. Данная статья призвана заполнить существующую лакуну в историографии и выявить основные вызовы для внешней политики Мексики в настоящий момент, дав оценку степени обоснованности ключевых мероприятий, формирующих внешнеполитическую активность страны. В задачи автора входит не столько анализ конкретных мероприятий (это уже сделано рядом предшественников, особенно в отношении USMCA), сколько контекстуализация действий Мехико на международной арене с точки зрения традиционных моделей ее внешней политики. Предметом интереса автора стало также выяснение того, в какой степени современная мексиканская внешняя политика является примером реализации левопопулистских лозунгов в международном контексте. Для достижения этой цели автор обращается к анализу мексикано-американских отношений (включая как двусторонние отношения, так и подходы к центральноамериканскому миграционному кризису), а также позиции Мексики в венесуэльском и боливийском вопросах. Эти кейсы подобраны в соответствии с традиционной иерархией внешнеполитических приоритетов страны и с ключевыми принципами, лежащими в основе отношений Мехико с другими государствами.

¹ В литературе и в СМИ в Латинской Америке для обозначения фигуры президента часто принято использовать аббревиатуру АМЛЮ, автор настоящей статьи придерживается данной традиции.

² The United States-Mexico-Canada Agreement.

Ожидания и реальность

Приход АМЛЮ на президентский пост 1 декабря 2018 г. воспринимался не только как конец трех с половиной десятилетий неоллиберализма во внутренней политике, но и как начало кардинальных трансформаций в области политики внешней. Харизматичная фигура нового главы государства внушала надежды его сторонникам и серьезные опасения ряду экспертов, видевших в нем (как и в некоторых иных левых политических деятелях) классического представителя латиноамериканского политического популизма. Видный испанский политолог М. Алькантара Саэс еще в 2006 г. выделил несколько признаков такого популизма. Они, как мы увидим далее, действительно в полной мере могут (или могли) быть отнесены к АМЛЮ в разные периоды его пути к власти: сильная вождистская роль внутри партии, эмоциональное и наполненное символизмом содержание речей, желание выступать в качестве политического представителя нации-народа, который до прихода к руководству каудильо-лидера был «лишен значимости», национализм, иногда перемежающийся с заметным антиамериканизмом³.

Канадский политолог А. Гарсия Магос уточняет, однако, что популизм А.М. Лопеса Обрадора несколько иного рода: нынешний президент отражает интересы прежде всего тех групп, которые были бенефициарами государственного патернализма всевластной до 1990-х годов Институционно-революционной партии (ИРП) (профсоюзы, часть среднего класса, индейское население, значительная часть горожан, занятых в неформальных секторах экономики), тогда как «идеологически мотивированная» доля его электората (речь как раз идет о левых) является меньшинством⁴. Подобный социальный состав избирателей и политические взгляды АМЛЮ, сформировавшиеся отчасти еще десятилетия назад, заставляют проводить параллели между его убеждениями и политической практикой времен правительств ИРП при президентах Л. Эчеверрии (1970–1976) и Х. Лопесе Портильо (1976–1982), по крайней мере применительно

³ Alcántara Sáez M. ¿Qué Izquierda surge hoy en América Latina?, más diferencias que similitudes // El País. 28.05.2006. Available at: https://elpais.com/diario/2006/05/28/opinion/1148767215_850215.html (accessed: 13.12.2020).

⁴ García Magos A. El populismo plebeyo de Lopez Obrador // Open Democracy. 07.12.2020. Available at: <https://www.opendemocracy.net/es/populismo-plebeyo-lopez-obrador/> (accessed: 13.12.2020).

к вопросам экономического и политического национализма, а также к увязке внешней политики с формальными конституционными принципами. Важным пунктом в дискуссиях экспертов был вопрос о том, насколько политик, годами не воспринимавший всерьез институционализированную политическую структуру (в период пребывания в оппозиции), сможет действовать в рамках устоявшихся правил после избрания главой государства.

В этом плане внешняя политика АМЛЮ могла оказаться способом примирения его популистского кредо с существующей системой. Кроме того, как отмечает социолог Дж. Акерман, А.М. Лопес Обрадор, как и президент Л. Карденас в 1930-е годы, является не только популистом, но и «прагматиком», популярность которого аккумулируется за счет активной социальной политики, и это задает определенные границы направлениям деятельности главы государства⁵. Способность АМЛЮ выстроить последовательную внешнюю политику, тесно связанную с политикой внутренней, также могла бы показать жизнеспособность мексиканского популизма в современных реалиях; напротив, отсутствие эффективной внешней политики рано или поздно должно поставить мексиканского президента в один ряд с теми латиноамериканскими левыми популистами, от которых он пытается отмежеваться с 2006 г.

При этом если внутривластная программа АМЛЮ была более или менее четко очерчена («за благо для всех, но прежде всего бедняков», «искоренение коррупции и юридического иммунитета чиновников», смена стратегии в деле борьбы с насилием и преступностью, пересмотр энергетической реформы, бесплатное и качественное образование), то новая внешнеполитическая линия оставалась скорее предметом гаданий.

Одним из ожиданий было возобновление курса на укрепление связей с Латинской Америкой и сокращение сотрудничества с США [Школяр, 2018]. Другим принципиальным изменением, по оценке экс-дипломата А. Гутьерреса Канета, виделся перенос внутренних приоритетов (борьба с коррупцией, кампания против бедности и за обеспечение равенства и правового государства, повышение значимости принципов справедливости и норм морали в политических

⁵ Robinson A. López Obrador: ¿populista o socialdemócrata? // La Vanguardia. 17.05.2018. Available at: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20180517/443621824992/populismo-andres-manuel-lopez-obrador-elecciones-mexico.html> (accessed: 13.12.2020).

мероприятиях) на глобальный уровень⁶. Это требовало формирования не реактивной, а активной политики, последовательной защиты национальных интересов в целях сохранения мира и поддержания международной безопасности. Ориентиром обозначался лозунг «Никого не оставить позади»⁷.

В этом же русле должны были развиваться действия мексиканского МИД в отношении Вашингтона: соблюдать одновременно два приоритета — обеспечение экономического развития Мексики и защита прав мексиканцев как внутри страны, так и в США (даже звучали слова о превращении мексиканских консульств в «сеть прокуратур по защите мигрантов»⁸) с целью не допустить ущемления национального суверенитета, а также гарантировать политику «добрососедства». Более или менее четко АМЛЮ, будучи кандидатом, артикулировал позицию в отношении «не уважающего Мексику Трампа», которого обещал «поставить на место»⁹. В 2017 г. мексиканский политик опубликовал книгу «Послушай, Трамп!», в которой раскритиковал подходы американского президента к миграционной проблеме. В декабре 2016 г. на митинге партии MORENA¹⁰ АМЛЮ декларировал: «Мы защитим суверенитет Мексики и наш народ. Социальные проблемы не решаются стенами, загородками, милитаризацией границы и депортациями <...>. Мексика — свободная и независимая страна, а не колония какой-либо иностранной державы»¹¹.

⁶ Gutiérrez Canet A. La nueva política exterior de AMLO // Milenio. 07.07.2018. Available at: <https://www.milenio.com/opinion/agustin-gutierrez-canet/sin-ataduras/la-nueva-politica-exterior-de-amlo> (accessed: 13.08.2020).

⁷ Presidencia de la República. PLAN Nacional de Desarrollo 2019–2024 // Diario Oficial de la Federación. 12.07.2019. Available at: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5565599&fecha=12/07/2019 (accessed: 13.08.2020).

⁸ La SRE presenta al Poder Legislativo informe en materia de protección consular. Secretaría de Relaciones Exteriores de México // Embajada de México en Estados Unidos. 20.08.2019. Available at: <https://embamex.sre.gob.mx/eua/index.php/es/boletines/1587-la-sre-presenta-al-poder-legislativo-informe-en-materia-de-proteccion-consular> (accessed: 20.01.2020).

⁹ Alfonso Morales Jurado H. AMLO candidato vs. AMLO presidente: promesas, contradicciones y realidades // Forbes Mexico. 19.02.2020. Available at: <https://www.forbes.com.mx/amlo-promesas-incumplidas-contradicciones/> (accessed: 20.03.2020).

¹⁰ Движение национального возрождения (Movimiento Regeneración Nacional, MORENA).

¹¹ Pradilla A. De equiparlo con Hitler a callar ante el muro: Así cambió el discurso de AMLO hacia Trump // Animal Político. 08.07.2020. Available at: <https://www.animalpolitico.com/2020/07/asi-cambio-el-discurso-de-amlo-hacia-trump/> (accessed:

Годом позже он пообещал добиться обращения правительства Мексики в ООН с жалобой на нарушение прав человека американскими властями. Примечательно, однако, что АМЛО не конкретизировал механизмы, с помощью которых он смог бы надавить на Д. Трампа, защищая интересы собственной страны.

Первый телефонный разговор между АМЛО-президентом и американским лидером, казалось, станет базой для нового диалога между Мексикой и США, который сможет обеспечить законные права обеих стран. Договор о НАФТА¹² (который к концу осени 2018 г. превратился в договор USMCA), ставший полезным инструментом для развития торгово-экономических отношений между Мексикой, США и Канадой, должен был подвергнуться ревизии, но в Мехико не ставили под сомнение желание остаться в составе группы, не поступаясь при этом своими правами. Так, указывал А. Гутьеррес Канет, «наши соседи должны больше участвовать в трансформации Мексики, в придании гарантий правовому государству, транспарентности, борьбе против коррупции. Строительство стены на границе не может быть принято. Бывают такие суверенные действия, которые выглядят как враждебные и недружественные, и строительство стены — из их числа»¹³. При этом и А. Гутьеррес Канет, и другие эксперты давали понять, что главными вызовами для нового правительства станут вывод двусторонних мексикано-американских отношений за рамки тем безопасности, миграции и свободной торговли, запуск механизмов по укреплению сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, культуры, науки и технологий.

Реальность оказалась далекой от ожиданий. АМЛО, заявивший в предвыборной программе «Альтернативный проект Нации. 2018–2024 гг.», что «лучшая внешняя политика — это политика внутренняя»¹⁴, демонстративно воздерживался от участия в саммитах глав «Большой двадцатки», Тихоокеанского альянса, Генассамб-

13.08.2020); Discurso de López Obrador en Los Ángeles, California // AMLO. 12.07.2017. Available at: <https://lopezobrador.org.mx/2017/02/12/curso-de-andres-manuel-lopez-obrador-presidente-del-cen-de-morena-en-los-angeles-california/> (accessed: 13.08.2020).

¹² Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA).

¹³ Gutiérrez Canet A. Op. cit.

¹⁴ Proyecto Alternativo de Nación 2018–2024. Plataforma Electoral y Programa de Gobierno // Repositori documental. P. 23–25. Available at: <https://repositoriodocumental.ine.mx/xmlui/bitstream/handle/123456789/94367/CG2ex201712-22-rp-5-2-a2.pdf> (accessed: 14.11.2018).

леи ООН и в других подобных мероприятиях. Научный сотрудник программы Чатем Хаус для обеих Америк К. Сабатини полагает, что отсутствие главы государства на саммитах «Большой двадцатки» и заседаниях Генассамблеи ООН серьезно «подрывают его репутацию с точки зрения способности выражать на глобальном уровне национальные интересы»¹⁵.

Во многом политика официального Мехико выглядит как реакция (запоздавая или своевременная, но именно реакция) на действия внешних акторов, в частности на декларации Д. Трампа о необходимости провести повторные переговоры об USMCA и начало миграционного кризиса в Центральной Америке. Это обстоятельство отодвигало на второй план даже такие успехи, как завершение переговоров по модернизации глобального соглашения с Европейским союзом (ЕС), диалог о сохранении торговых отношений с Великобританией после Брексита, а также выдвижение Х. Сида Кури (замминистра иностранных дел Мексики по вопросам Северной Америки) в качестве кандидата на пост руководителя Всемирной торговой организации (ВТО).

В этой связи В. Панстерс, сотрудник отдела социальных наук Утрехтского университета, отмечает, что хотя сокращение «высокого уровня присутствия» Мексики на международной арене не означает ее ухода из мира, поскольку дипломаты страны обладают достаточной квалификацией для обеспечения функционирования многосторонних соглашений и обязательств, личное отсутствие АМЛО на важных международных форумах, куда приезжают другие лидеры стран, с неизбежностью означает упущенные возможности. С ним солидарен и экс-дипломат А. Розенталь, полагающий, что изначальная чрезмерная концентрация на отношениях с США повредила контактам с Европой, Азией и Африкой¹⁶.

С ними дискутирует немецкий политолог Х. Решер, руководитель отдела латиноамериканских исследований Университета Гамбурга, отмечающий: «... вполне нормально, что [АМЛО] хочет сконцентрироваться на Мексике и ее отношениях с соседями. Страна

¹⁵ Bulgarian I. ¿Retirada? La política exterior de AMLO, de bajo perfil // El Universal. 26.07.2020. Available at: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/retirada-la-politica-exterior-de-amlo-de-bajo-perfil> (accessed: 13.08.2020).

¹⁶ Langner A. La política exterior de AMLO, dispersa: analistas // La Jornada. 01.12.2019. Available at: <https://www.jornada.com.mx/2019/12/01/politica/005n2pol> (accessed: 30.10.2020).

экономически зависит от Соединенных Штатов, и не по вине Лопеса Обрадора, а потому, что так выстраивалось на протяжении многих лет». Эксперт не разделяет оценку политики АМЛО как «реактивной», считая, что тот как раз пытается вести «четкую внешнеполитическую линию, но линию нейтралитета, не превращаясь ни в лакея Вашингтона, ни в зависимого от него политика»¹⁷. Действительно, ни отменить гегемонию США в Северной Америке, ни хотя бы серьезно ее ослабить для Мексики совершенно невозможно. Но АМЛО смог добиться более или менее уважительного отношения со стороны Д. Трампа¹⁸, который предпочитает общаться с «сильными политиками», даже если те не разделяют его идеи. В свою очередь исследователь из Латиноамериканского совета по социальным наукам (CLACSO, Аргентина) А. Нойола Родригес указал, что правительство лишь вернулось к базовым конституционным принципам, обеспечивая сотрудничество в деле развития, мирное разрешение противоречий и невмешательство во внутренние дела иных стран [Noyola Rodríguez, 2019].

Базовые принципы внешней политики Мексики

На протяжении большей части XX столетия Мексика считала одной из основных задач в отношениях с иностранными державами необходимость укрепления национальной и региональной автономии, в большей степени ориентируясь на концепцию сбалансированного распределения функций на международной арене. Не менее важными были обеспечение социально-экономического развития, попытка догнать более развитые государства.

Для анализа возможностей и лимитов действующей администрации Мексики в деле проведения внешней политики стоит обратиться к классической работе мексиканского международного М. Охеды. Как указывает данный автор, внешняя политика страны традиционно состояла в защите и утверждении национального суверенитета [Ojeda, 1976: 3–5]. Мексике приходилось выживать внутри существовавших систем международных отношений ввиду угроз извне (сначала со стороны европейских держав, затем их место заняли

¹⁷ Bulgarian I. Op. cit.

¹⁸ ‘Es un hombre fabuloso’, dijo Donald Trump sobre AMLO y reveló su falta de empatía con Peña Nieto // Infobae. 11.07.2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/mexico/2020/07/11/es-un-hombre-fabuloso-dijo-donald-trump-sobre-amlo-y-revelo-su-falta-de-empatia-con-pena-nieto/> (accessed: 30.10.2020).

США). Доминантную значимость Соединенных Штатов во внешней политике Мексики отмечает и Э. Руис Сандоваль, указывающая на значительное число (50) мексиканских консульских учреждений на американской территории [Ruiz Sandoval, 2019: 2].

Мехико противостоял угрозам, опираясь на принципы самоопределения и невмешательства, нашедшие в XX в. отражение в ст. 89 Конституции страны и в доктрине, сформулированной когда-то министром иностранных дел Х. Эстрадой: все государства обладают юридическим равенством, но не правом на признание или непризнание законности того или иного правительства; могут лишь устанавливать дипломатические отношения или отказываться от них, а любые иные заявления и оценки следует расценивать как вмешательство во внутренние дела [Soler, 2002: 41–42]. Придерживаясь данной парадигмы, Мексика во второй половине XX в. оказалась одной из немногих стран Латинской Америки, не прервавшей отношения с социалистической Кубой [Манухин, 2019: 293], а в 1980-е годы — сыгравшей одну из ключевых ролей в урегулировании центральноамериканского конфликта.

Постепенный отход от модели Х. Эстрады начался после прихода к власти правоконсервативных кабинетов партии «Национальное действие» в 2000 г. Именно в первое десятилетие XXI в. министр иностранных дел Х. Кастаньеда заявил: «Закончилась история отношений Мексики с кубинской революцией и началась история отношений Мексики с Кубой» [Covarrubias Velasco, 2003]. Позднее стали ухудшаться и мексикано-венесуэльские отношения ввиду попытки Мехико добавить во внешнюю политику идеологический компонент и усилившейся связки Мексика–США в рамках НАФТА. Вместе с тем сама многовекторность не исчезла, и в те же самые годы Мексика, будучи непостоянным членом ООН, как и Чили, способствовала провалу проекта англо-американской резолюции по вооруженной операции в Ираке.

Э. Руис Сандоваль указывает на еще один компонент, важный для понимания поведения Мексики на международной арене: страна традиционно выступала сильным защитником постулатов международного права, настаивая на том, что их нельзя сводить к реализации «права сильного» и подчеркивая, что именно международно-правовые нормы должны служить основой сосуществования государств.

В рамках теории М. Охеды вторым уровнем внешней политики Мексики является система межамериканских и межлатиноамери-

канских отношений, и именно здесь мексиканская дипломатия показывает свой вес и свое влияние. Но и на этом уровне фактор США всегда сохранял свою значимость. Отношения Мексики с Латинской Америкой во многом осуществлялись через призму отношений с Вашингтоном и ввиду необходимости Мехико защитить как национальные интересы в целом, так и свои позиции во взаимодействиях с США. Мексика, поясняет М. Охеда, не может предпринимать решительные шаги в отношениях с той или иной страной, не соотнося их с тем, как они будут влиять на контакты и связи с северным соседом. После подписания договора о НАФТА, появившегося после выхода в свет обоих изданий книги М. Охеды, уровень зависимости Мексики от Вашингтона лишь повысился.

Попробуем рассмотреть ключевые действия АМЛЮ и МИД страны в контексте изложенных теоретических принципов.

США–Мексика: успех или провал?

Новое соглашение об USMCA было ратифицировано Сенатом Мексики в июне 2019 г. — еще до того, как это сделали американский и канадский парламенты. Это представляется серьезным достижением Мексики. Во-первых, ратификация произошла менее чем через две недели после американо-мексиканского соглашения о перекрытии Мексикой для центральноамериканских мигрантов транзита в США и гарантий со стороны Вашингтона об отказе от повышения тарифов на экспорт из Мексики. В условиях, когда США впервые после 1990-х годов вернулись к увязке торговых и миграционных вопросов, ситуация изначально выглядела неблагоприятной для Мехико. Ратификацию соглашения можно было интерпретировать как аккуратное напоминание американским партнерам, что торговые дела должны рассматриваться в приоритетном порядке. Во-вторых, решение мексиканского Сената посылало успокоительный сигнал инвесторам, обеспокоенным возможными перспективами ухудшения экономической ситуации в случае обострения отношений с США и ввиду планов АМЛЮ вернуться к вопросу о патронаже государства над нефтяной промышленностью¹⁹. Наконец, ратификация показывала, что Мексика не намерена уходить в самоизоляцию (а именно такие опасения высказывали эксперты

¹⁹ Президент неоднократно давал понять, что нефтяной гигант «ПЕМЕКС» необходимо выводить из состояния экономического кризиса за счет не частных инвестиций, а государственных капиталовложений.

вследствие упорного нежелания президента страны участвовать в важных экономических и политических саммитах). Парадоксально, но интересы экономического национализма АМЛЮ во многом совпадали с интересами экономического национализма Д. Трампа: если первый хотел увеличить влияние национального капитала в нефтяной сфере, то президент США неоднократно пытался «вернуть» американских инвесторов из Мексики на родину.

Тем не менее двусторонние отношения партнеров по USMCA оставались крайне сложными и комплексными, как показал инцидент с арестом в США бывшего министра обороны Мексики генерала С. Сьенфуэгоса (проведенным агентами DEA — американской структуры, отвечающей за борьбу с наркотрафиком). Обвинения в коррупции и связи с наркотрафиком — серьезный вызов для правительства АМЛЮ, провозгласившего решительную борьбу за моральную чистоту. В то же время А.М. Лопес Обрадор и МИД Мексики показали свое серьезное отношение к проблеме формального нарушения национального суверенитета (не были соблюдены необходимые процедуры, а мексиканские власти узнали об аресте постфактум). В ходе переговоров по данному вопросу Мехико пригрозил сокращением числа агентов DEA на своей территории и пересмотром двусторонних договоров о приграничном сотрудничестве и обмене информацией²⁰. Это в свою очередь означало для США угрозу резкого уменьшения присутствия американского персонала на южной границе и, что хуже, возможного появления представителей других, международных, структур. В итоге американцы были вынуждены экстрадировать С. Сьенфуэгоса в Мексику (со снятием с него обвинений), что нехарактерно для их поведения в ситуациях, когда Вашингтон привык проявлять твердость.

В июле 2020 г. АМЛЮ наконец совершил первую поездку за рубеж в качестве главы государства; он встретился с президентом Д. Трампом в момент вступления в силу новой редакции договора об USMCA. Факт встречи, которая должна была символизировать успех мексиканской дипломатии, сумевшей отстоять ряд важных для своей страны пунктов, подвергся однако серьезной критике. Дело в том, что Д. Трамп не

²⁰ Sheridan M.B. López Obrador lashes out at DEA after Mexico exonerates ex-minister on drug charges // The Washington Post. 16.01.2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/amlo-attacks-dea-salvador-cienfuegos-mexico-defense-minister/2021/01/15/3f6aad0c-573f-11eb-acc5-92d2819a1ccb_story.html (accessed: 13.04.2021).

только не отказался от своих прежних уничижительных и расистских оценок в отношении Мексики [Катышева, Хадорич, 2018: 43–45], но и на следующий день после саммита повторил, что именно мексиканцы заплатят за пограничную стену. В данных условиях действительно можно было расценивать факт встречи как подыгрывание Д. Трампу с позиций младшего партнера, тем более что это происходило в разгар предвыборной кампании в США, а с представителями демократов (кандидатом в президенты Дж. Байденом и спикером Палаты представителей Н. Пелоси) АМЛЮ встречаться не стал. Оценивая этот шаг после состоявшихся в США выборов, на которых Д. Трамп уступил Дж. Байдену, можно назвать отказ от встречи с демократами опрометчивым, осложнившим отношения Мехико с Вашингтоном (тем более что АМЛЮ до последнего не поздравлял Дж. Байдена с победой).

Представляется справедливой оценка исследователя из Королевского института Элькано К. Маламуда: «...Лопес Обрадор, похоже, настолько стал жертвой подобию “стокгольмского синдрома”, что отказывался признавать победу кандидата демократов, пока не будут разрешены все юридические аспекты»²¹, что де-факто делало его сторонником республиканцев. В то же время логика поведения АМЛЮ отчасти была объяснима: в условиях, когда еще сохранялась возможность победы Д. Трампа, активизация контактов с его соперниками могла обернуться для Мексики — заведомо более слабой экономически — новыми проблемами, причем практически сразу. Сама же победа демократов потенциально ничего хорошего для Мексики не сулит, ибо они традиционно занимают более жесткую позицию в вопросах экологии и трудового законодательства, а также скептически относятся к практике соблюдения прав человека в отношении мигрантов на территории Мексики.

Демократы, впрочем, декларировали готовность к некоторым принципиальным изменениям во внешней политике (в первую очередь к миграционным послаблениям), бенефициаром которых Мексика может стать независимо от личных контактов президентов. Тщательная работа мексиканского МИД (его глава М. Эбрард и замминистра Х. Сид обеспечили успех встречи Д. Трампа и АМЛЮ) позволила провести главу государства между Сциллой и Харибдой

²¹ Riveros C. Common sense, servitude and duplicity // Atalayar. 17.11.2020. Available at: <https://atalayar.com/en/blog/common-sense-servitude-and-duplicity> (accessed: 17.11.2020).

в условиях сложных отношений с северным соседом. Одним из дополнительных бонусов встречи должна была стать поддержка со стороны США кандидатуры Х. Сиды, выдвигавшегося Мексикой на пост руководителя ВТО в качестве человека, доказавшего приверженность принципам свободного рынка и умелого переговорщика²². Эти надежды, однако, оказались несостоятельны. Сделав ставку на помощь со стороны Вашингтона, Мексика не уделила должного внимания поиску союзников в других странах, и Х. Сид не сумел добраться до итогового тура голосования.

При этом привязка действий Мехико к Вашингтону остается достаточно заметной, и даже при успехах по тем или иным направлениям дипломатической деятельности МИД и президента страны у них есть объективные пределы. Демонстрацией этого стало обсуждение возможности закупки мексиканцами российских военных вертолетов. Объявление об этом было сделано 7 февраля 2020 г. в ходе визита российского министра иностранных дел С.В. Лаврова и его встречи с М. Эбрардом. Стоило, однако, замгоссекретаря США по вопросам Западного полушария Х. Родригесу пригрозить Мексике санкциям в случае контракта с Рособоронэкспортом, как МИД страны немедленно дал понять, что закупка российской вертолетной техники в принципе не рассматривается²³. Эта реакция выглядит тем более показательной, поскольку Мексика с 1994 г. приобретала российские Ми-17-1В для вооруженных сил и федеральной полиции. Несмотря на рост товарооборота в последние годы (2 млрд долл.)²⁴, Россия явно не входит в число тех партнеров Мексики, ради отношений с которыми она готова была бы рискнуть сформировавшимися связями с США.

²² Cruz A. COVID-19, efecto en política exterior de AMLO: Ebrard negocia vacuna // Politico.MX. 28.08.2020. Available at: <https://politico.mx/minuta-politica/minuta-politica-gobierno-federal/covid-19-efecto-en-pol%C3%ADtica-exterior-de-amlo-ebard-negocia-vacuna/> (accessed: 12.09.2020).

²³ Espallargas A. México se enfrenta a una sanción de Estados Unidos si concreta la compra de helicópteros a Rusia // ABC (Madrid). 15.02.2020. Available at: https://www.abc.es/internacional/abci-mexico-enfrenta-sancion-estados-unidos-si-concreta-compra-helicopteros-rusia-202002150149_noticia.html?ref=https:%2F%2Fwww.google.com (accessed: 13.08.2020).

²⁴ Торгово-экономические отношения России и Мексики // Посольство Российской Федерации в Мексиканских Соединенных Штатах. Available at: https://mexico.mid.ru/ru/rusia-mexico/dvustoronnie_otnosheniya/torgovo-jekonomicheskie-otnosheniya/ (accessed: 11.11.2020).

Мексика и центральноамериканская миграционная проблема

Тесно связанной с комплексом двусторонних отношений Мехико и Вашингтона оказалась центральноамериканская миграционная проблема («унаследованная» кабинетом АМЛО от предшествующих администраций). В этом кейсе подходы АМЛО также представляются достаточно сложными и вряд ли могут быть сведены к исключительному подчинению и давлению со стороны США.

В октябре 2018 г. сразу несколько крупных групп мигрантов отправились из своих мест проживания в направлении северной границы Мексики, намереваясь проникнуть в США [Кудеярова, 2019: 60–61]. Ситуация стремительно спровоцировала обострение отношений Мехико и Вашингтона, считавшего, что южный сосед обязан не допустить транзита мигрантов через свою территорию. АМЛО еще в ходе предвыборной кампании обещал не допускать ни малейших нарушений прав мигрантов и проводить политику, приоритетом которой является достоинство перемещенных лиц, а также заявил, что желающие получат и визы, и рабочие места [Yunuen Ortega Ortiz, 2019: 733–762]. В известной степени эти декларации ускорили миграционные потоки: если до того на южной границе США пограничники задерживали примерно 45 тыс. человек в месяц, то уже в октябре 2018 г. число «нелегалов» достигло 60 тыс., в начале 2019 г. — 75 тыс., к концу весны 2019 г. перевалило за 130 тыс. человек²⁵. Число претендентов на визы значительно превысило расчетные показатели в 12,5 тыс. виз, которые планировали предоставить власти Мексики. Штаты Табаско и Чиapas на юго-востоке страны оказались буквально наводнены мигрантами, ожидавшими временного разрешения на проживание. Аналогичная ситуация складывалась на северной границе Мексики, где положение усугублялось ростом преступности и серьезным размахом ксенофобии в отношении граждан центральноамериканских государств²⁶. Надежды участников караванов мигрантов на то, что правительство США не станет долго препятствовать транзиту целых семей и что

²⁵ Mandujano I. ‘Invasión’, el ingreso de migrantes a México: diputada de Morena // Proceso. 17.04.2019. Available at: <https://www.proceso.com.mx/nacional/estados/2019/4/17/invasion-el-ingreso-de-migrantes-mexico-diputada-de-morena-223534.html> (accessed: 13.08.2020).

²⁶ Reina E. La frontera sur de México es una olla a presión // El País. 19.04.2019. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/04/17/mexico/1555463562_198481.html (accessed: 13.08.2020).

после запроса убежища они смогут годами ожидать на американской территории разрешения (именно такова была сложившаяся практика), оказались в корне ошибочны: ввиду разворачивавшейся избирательной кампании Д. Трамп занял жесткую позицию. Он прямо пригрозил введением таможенных тарифов на мексиканские товары, если не будет перемен в миграционной политике²⁷.

В итоге Мехико в июне 2019 г. не только был вынужден согласиться на многие требования северного соседа (усилив контроль на границе и создав лагеря для мигрантов на своей территории), но и не смог эффективно противодействовать злоупотреблениям в отношении мигрантов со стороны как преступных группировок, так и служб миграции и безопасности. Скорость формирования подразделений Национальной гвардии²⁸ и их развертывания, по сути, исключила их специальную подготовку по особенностям работы с мигрантами и лицами без документов, которая позволила бы обеспечить порядок без нарушений прав человека. По оценке одного из ведущих американских экспертов в области международных отношений и политических процессов в Латинской Америке М. Шифтера, было «удивительно наблюдать, как лидер левых действует подобным образом, полностью в соответствии с желаниями и давлением со стороны администрации Трампа»²⁹. Кроме того, по мнению М. Шифтера, АМЛО вольно или невольно подыграл Д. Трампу в ходе президентской кампании, показав, что тот в состоянии выполнять свои обещания в деле «строительства стены».

Первоначальные предложения А.М. Лопеса Обрадора о подписании Пакта о сотрудничестве между США и странами «северного треугольника» (Гватемалой, Гондурасом и Сальвадором)³⁰ с целью

²⁷ De Córdoba J., Montes J. Trump's best means for stopping migrants is Mexico's government // The Wall Street Journal. 24.01.2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/trumps-best-means-for-stopping-migrants-is-mexicos-government-11579899262> (accessed: 13.08.2020).

²⁸ Специальные формирования для борьбы с оргпреступностью, созданные на основе ряда подразделений армии, флота и полиции, подчиненные Министерству обороны.

²⁹ Shifter M. AMLO visita Washington // The Dialogue. 10.07.2020. Available at: <https://www.thedialogue.org/analysis/amlo-visita-washington-dc/> (accessed: 13.08.2020).

³⁰ AMLO firma pacto con Guatemala, Honduras y El Salvador para impulsar desarrollo // El Financiero. 01.12.2018. Available at: <https://www.elfinanciero.com.mx/nacional/amlo-firma-pacto-con-guatemala-honduras-y-el-salvador-para-impulsar-desarrollo/> (accessed: 13.08.2020).

дать больше возможностей для развития стран, превратившихся в очаг массовой эмиграции ввиду их экономической отсталости и отсутствия безопасности, можно было воспринимать как акцент на базовых принципах политики Мексики. В известной степени администрация АМЛЮ отталкивалась от планов предшествующих правительств страны (Пакт Сан-Хосе, План Пуэбла–Панама, Проект Мезоамерика). Новый план АМЛЮ состоял в обеспечении инвестиций и программ развития в наиболее депрессивных зонах стран Центральной Америки и юго-востока самой Мексики. На базе этих деклараций позднее был разработан План комплексного развития Центральной Америки и Мексики, помощь в имплементации которого предложила Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК)³¹. В рамках Плана предполагается создание фонда для финансирования программ и специальных проектов в целях обеспечения рабочих мест, привлечения инвестиций и борьбы с бедностью; отдельной частью программы является защита прав человека в ходе миграционных процессов. Конечная цель Плана — формирование нового экономического пространства, выстроенного на торговой, производственной, энергетической и логистической интеграции. Сама по себе программа, по оценке ЭКЛАК, не только соответствует международному Пакту о миграции, принятому в Марракеше в 2018 г., но и является инновационной³², поскольку нацелена на обеспечение безопасности людей, а не границ.

Важно осознавать, что Мексика в одиночку не способна решить данный комплекс проблем (каждый год в Центральноамериканском регионе число ищущих работу увеличивается на 400 тыс. человек, при том что количество новых вакансий составляет не более 100 тыс. мест), а без участия США (ныне все программы американской помощи Сальвадору, Гватемале и Гондурасу не превышают 615 млн долл. [Ruiz Sandoval, 2019: 8])³³ серьезное продвижение вперед просто невозможно. Показательно, что Гватемала, подписавшая соглаше-

³¹ Plan del Desarrollo Integral El Salvador-Guatemala-Honduras-México. Diagnóstico, áreas de oportunidad y recomendaciones 2019, 20 de mayo // CEPAL. 20.05.2019. Available at: https://www.cepal.org/sites/default/files/presentation/files/final_final_cepal-presentacion_palacio_nacional_20-05-2019.pdf (accessed: 12.10.2019).

³² Ibid. P. 29.

³³ Lee M. U.S. vows no new foreign aid to Central America without migrant action // Associated Press. 17.06.2019. Available at: https://www.huffpost.com/entry/united-states-foreign-aid-central-america-migrant-action_n_5d080db3e4b0886dd15d93cb (accessed: 13.07.2020).

ние о разработке Плана, уже в 2019 г. заявила, что обсуждать этот вопрос она хочет прежде всего с США, а не с соседними странами. Необходимые на имплементацию Плана средства (не менее 10 млрд долл. ежегодно на протяжении 10 лет) страны-участницы выделять пока явно не готовы, а интерес внешних акторов (Чили, Испании, Евросоюза) к проекту пока что не конкретизирован в детальных финансовых обязательствах. Администрация АМЛЮ изначально не скрывала своего намерения искать инвесторов в США, причем эти планы выходят за рамки решения миграционной проблемы и связаны с развитием инфраструктурного проекта «Поезда маяя» в Юкатане, обещанного мексиканским лидером в ходе предвыборной кампании³⁴. Впрочем, критики проекта справедливо указывают на то, что в данном случае есть существенный риск перенаправления денег на реализацию частных инициатив вместо осуществления структурных и институциональных реформ³⁵, и в таком виде это ни в коей мере не выглядит ни как «план Маршалла», ни как «план Клэйтона»³⁶. Суммы, которые в принципе готов обсуждать Конгресс США, оказываются на порядок меньше, чем предусматривают концепция Плана и идеи ЭКЛАК, а объем средств, выделяемых самой Мексикой, также не решает эту проблему.

Могла ли администрация АМЛЮ в такой ситуации просто настаивать на своем подходе, не беря в расчет желания и намерения Д. Трампа? Ответ на этот вопрос представляется очевидным. Более того, не выглядит в полной мере справедливой и оценка, согласно которой АМЛЮ слишком опрометчиво полагался на переизбрание американского президента-республиканца. Во-первых, в момент достижения Вашингтоном и Мехико договоренностей по миграционному вопросу развитие электоральной кампании в США

³⁴ План железной дороги протяженностью 1525 км от г. Паленке (штат Чьяпас) до г. Канкуна (штат Кинтана-Роо), которая должна соединить два важных туристических объекта в регионах, где индейцы-маяя составляют значительную часть населения.

³⁵ Gies H. Will AMLO respond to the Central American exodus with compassion or militarization? // In These Times. 29.01.2019. Available at: <https://inthesetimes.com/article/amlo-central-american-exodus-immigration-marshall-plan-trump-border-wall> (accessed: 13.07.2020).

³⁶ Уильям Клэйтон, будучи замминистра экономики США, предложил в 1946–1947 гг. план помощи союзникам США в Латинской Америке, чтобы те не попали в орбиту влияния СССР. Этот проект считается частью более масштабного «плана Маршалла».

действительно давало Д. Трампу больше шансов на сохранение должности. Во-вторых, с приходом в Белый дом демократа Дж. Байдена американская администрация, вероятнее всего, смягчит свою позицию по миграционному контролю, что даст Мехико возможность пересмотреть свои обязательства, а также вновь поставить вопрос об активизации экономических усилий для решения этой проблемы. Жесткое же противостояние Мехико и Вашингтона как раз оказалось бы демонстрацией слепого следования популистским лозунгам времен предвыборной кампании, которое не только не привело бы к решению миграционного вопроса (США обладали возможностью заблокировать границу без всякого участия Мексики, причем не исключено, что с человеческими жертвами), но и повышало экономические риски в случае выполнения Д. Трампом его ультимативных угроз.

Так, в отношениях с США администрация А.М. Лопеса Обрадора унаследовала подготовленное при кабинете Э. Пеньи Ньето базовое соглашение о трансформации договора о НАФТА в USMCA [Яковлев, 2018], в разработке которого команда АМЛЮ не участвовала. То, что новому президенту удалось инкорпорировать в переговорный процесс группу своих людей (во главе с замминистра Х. Сидом) для ревизии уже готовых текстов с учетом взглядов действующей администрации, выглядело как успех АМЛЮ и свидетельствовало о том, что его отношения с главой Белого дома оказались вполне дружественными [Noyola Rodríguez, 2019]. На протяжении длительного времени мексиканскому президенту удавалось воздерживаться от прямой полемики с Вашингтоном по поводу строительства стены на границе для противодействия нелегальным наркотрафику и миграции. Базовой линией АМЛЮ было избежание столкновений с администрацией Д. Трампа с учетом неравенства сил двух стран. При этом Мексике понадобилось проявить чудеса дипломатии, чтобы не подчиниться всем требованиям США и отстоять часть своих позиций. В этих переговорах разменной монетой и оказались центральноамериканские мигранты.

Тот факт, что вопреки первоначальным декларациям АМЛЮ он в итоге пошел на остановку стремившихся на север караванов беженцев, многие восприняли как фактический триумф формулы Д. Трампа «Мексика заплатит за сооружение стены». Отчасти это именно так, ведь лагеря для мигрантов, ожидающих разрешения на въезд в США, располагаются на мексиканской территории и со-

держатся правительством Мексики. В этом плане отступление от базовой программы АМЛЮ не вызывает сомнений. В то же время Мексика была обязана защитить свои границы и, обеспечивая соблюдение собственных национальных интересов, не допустить того, чтобы вопрос о мигрантах привел к повышению таможенных тарифов США на мексиканские товары, ведь это стало бы резким ударом по экономике страны (80% мексиканского экспорта приходится на северного соседа). Возвращаясь к теории М. Охеды, мы вновь видим, что администрация АМЛЮ действовала в рамках парадигмы, предусматривающей необходимость учета отношений с Вашингтоном при выстраивании межлатиноамериканских взаимодействий. Представляется также необходимым учитывать, что формирование миграционной политики осуществляется с учетом новой Стратегии внутренней безопасности Мексики, принятой кабинетом АМЛЮ³⁷ и серьезно модифицировавшей подходы прежней администрации. Кабинет А.М. Лопеса Обрадора вынужден брать в расчет нерешенную до сих пор проблему преступности (а сокращение числа убийств и обеспечение большей безопасности населения были, напомним, одними из центральных лозунгов предвыборной кампании).

Стоит обратить внимание на сохранившиеся намерения администрации АМЛЮ запустить программу совместных экономических усилий для повышения жизненного уровня населения региона. Однако в условиях продолжения пандемии SARS-CoV-19 и серьезного экономического спада в Латинской Америке возможности реализации подобной программы остаются крайне туманными, в отличие от вполне реальных запретительных мер в деле пересечения границ.

Венесуэльский и боливийский кризисы: позиция Мексики

Демонстрацией «новой старой политики» в отношении Латинской Америки оказались подходы кабинета АМЛЮ к разрешению венесуэльского и боливийского кризисов. И позиция президента, и взгляды главы МИД М. Эбрарда подверглись при этом серьезной критике. Если министр иностранных дел предшествующей администрации Л. Видегарай играл активную роль в усилиях Организации американских государств (ОАГ) по задействованию «демократической

³⁷ Decreto por el que se aprueba la Estrategia Nacional de Seguridad Pública del Gobierno de la República // Diario Oficial de la Federación. 19.05.2019. Available at: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5560463&fecha=16/05/2019 (accessed: 10.09.2020).

статьи» ее Устава против кабинета Н. Мадуро [Guadalupe Gonzáles, Morales Castillo, 2019], то команда А.М. Лопеса Обрадора сразу же не только дала понять, что считает действующего венесуэльского президента вполне легитимным (он был приглашен на инаугурацию АМЛЮ)³⁸, но и продемонстрировала готовность стать посредником в примирении сторон. Мексика отказалась присоединиться к декларации Группы Лимы, которая не признала Н. Мадуро и потребовала «восстановления демократии»³⁹.

Представляется несколько односторонней точка зрения известнейшего эксперта А. Коваррубиас, полагающей, что АМЛЮ отказался от попыток играть роль глобального актора, сделав вместо этого ставку на самоустранение от конфликта [Ruiz Sandoval, 2019: 14]. Напротив, мы видим не уход Мексики в сторону, а изменение характера участия в попытках решения венесуэльской проблемы. Мексика и Уругвай выступили за открытый диалог между сторонами конфликта и подписание базового соглашения о национальном примирении [Манухин, 2019: 310]⁴⁰. Необходимость диалога и дипломатического решения озвучил и лично президент Мексики⁴¹. «Механизм Монтевидео», активно поддержанный АМЛЮ и странами CARICOM⁴² [Ивановский, Розенталь, 2020], не оправдал, на первый взгляд, возложенных на него надежд, поскольку нейтральные

³⁸ Lozano G. Como entender la solitaria posición de México frente a Venezuela // Americas Quarterly. 13.02.2019. Available at: <https://www.americasquarterly.org/content/la-posicion-demexico-respecto-venezuelasiempre-ha-sido-sobrepolitica-interna> (accessed: 15.05.2019).

³⁹ Secretaría de Relaciones Exteriores. México expresa su profunda preocupación y rechaza categóricamente la invocación del Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca // Gobierno de Mexico. 11.09.2019. Available at: https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-expresa-su-profunda-preocupacion-y-rechaza-categoricamente-la-invocacion-del-tratado-interamericano-de-asistencia-reciproca?fbclid=IwAR0DO3zm0s3kz9zi7ixjI6ViNHITdcJioAFHvxSL4YSXGyzzK_ccQu96A (accessed: 10.08.2020).

⁴⁰ Secretaría de Relaciones Exteriores. México y Uruguay urgen a la sociedad venezolana a encontrar una solución pacífica a sus diferencias // Gobierno de Mexico. 23.01.2019. Available at: <https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-y-uruguay-urgen-a-la-sociedad-venezolana-a-encontrar-una-solucion-pacifica-a-sus-diferencias> (accessed: 08.08.2020).

⁴¹ Secretaría de Relaciones Exteriores. Respuesta del presidente Andrés Manuel López Obrador sobre los sucesos en Venezuela // Gobierno de Mexico. 25.02.2019. Available at: <https://www.gob.mx/sre/prensa/version-estenografica-de-la-respuesta-del-presidente-andres-manuel-lopez-obrador-sobre-venezuela?idiom=es> (accessed: 12.06.2020).

⁴² Карибское сообщество (The Caribbean Community, CARICOM) — торгово-экономический союз 15 государств и зависимых стран Карибского бассейна.

посредники не смогли побудить стороны венесуэльского кризиса к плодотворному диалогу, а выборный механизм так и не был запущен ни в предполагавшиеся сроки, ни в предполагавшемся виде. Правительство Н. Мадуро согласилось на «Механизм Монтевидео», поскольку он ни к чему конкретному его не обязывал. Бесплодность инициативы быстро привела к ее отходу на второй план по сравнению с предложениями европейской контактной группы. Именно на это указывают критики АМЛО⁴³, считая, что «левопопулистская позиция» Мексики ухудшила отношения с большинством латиноамериканских стран, не приведя при этом к существенному улучшению ситуации в Венесуэле.

Между тем анализ внешней политики действующей мексиканской администрации в рамках описанных ранее теоретических принципов (доктрины Эстрады в первую очередь) показывает: позиция Мексики не только стала последовательной реализацией ее конституционных принципов, но и дала возможность избежать эскалации конфликта с непредсказуемыми последствиями в случае начала вооруженной интервенции. Абстрагирование от идеологических подходов «против» и «за» Н. Мадуро позволяет увидеть четкую и эффективную линию Мехико по трем направлениям: обеспечение защиты прав человека (сохраняя кабинет Н. Мадуро, Мексика в то же время предоставила убежище оппозиционеру Ф. Мануэлю Касилье); невмешательство во внутренние дела в рамках доктрины Эстрады (и соответственно отказ от признания/непризнания того или иного кабинета); мирное решение проблемы. Именно такая трактовка напрашивается при изучении заявления замминистра иностранных дел М. Рейеса: «Мексика продолжит способствовать международному сотрудничеству при уважении к принципам самоопределения народов, мирного разрешения противоречий, защиты и укрепления прав человека как в Венесуэле, так и в других частях мира»⁴⁴. Показательно, что в 2020 г. Мексика вместе с Аргентиной

⁴³ См., например, заявления бывшего президента и министра иностранных дел Мексики В. Фокса и Х. Кастаньеды: Najar A. Crisis en Venezuela: por qué AMLO mantiene el reconocimiento a Maduro (y qué rol juega México en una solución al conflicto) // BBC. 25.01.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-46997804> (accessed: 14.05.2020).

⁴⁴ Secretaría de Relaciones Exteriores. Versión estenográfica del Discurso del subsecretario para América Latina y el Caribe, Maximiliano Reyes // La Reunión Ministerial del Grupo de Lima. 04.01.2019. Available at: <https://www.gob.mx/sre/pren-sa/discursos-del>

осудила силовые методы, примененные кабинетом Н. Мадуро в отношении парламента, сочтя их нарушением принципа разделения властей, но отказалась при этом подписать совместную антимадуристскую декларацию Группы Лимы⁴⁵ и солидаризироваться впредь с ее заявлениями, считая их «интервенционистскими». Мексика призывала, чтобы «решение [кризиса] оставалось в руках венесуэльцев», и указывала, что «ни один иностранец не вправе решать что-либо по поводу суверенной воли»⁴⁶.

Несложно предположить и связь венесуэльского кейса для Мексики с ее внутривластными проблемами: учитывая масштабность задуманных изменений в рамках «Четвертой трансформации»⁴⁷, АМЛЮ вовсе не желал создания прецедента вмешательства сторонних акторов в дела латиноамериканской страны, помня как о печальном историческом опыте своей родины, так и о том, какая судьба постигла кубинцев, гватемальцев, доминиканцев и другие народы региона.

При этом нет оснований утверждать, что АМЛЮ ориентируется исключительно на активизацию отношений с левыми правительствами. Представители Мексики не минимизировали контакты и с политиками иного идеологического спектра, присутствуя на инаугурации правого президента Уругвая А. Лакалье Поу и крайне правого президента Бразилии Ж. Больсонару. Кроме того, Группа Лимы неоднородна, а Латинская Америка — и подавно, свидетельством чего стали политические перемены в Аргентине и (дважды) в Боливии; нынешние же власти этих двух стран существенно скорректировали

subsecretariopara-america-latina-y-elcaribe-maximiliano-reyes-enla-reunion-ministerial-delgrupo-de-lima (accessed: 13.04.2020).

⁴⁵ Espallargas A. México y Argentina marcan distancias con Maduro tras el asalto al Parlamento // ABC. 07.01.2020. Available at: https://www.abc.es/internacional/abc-mexico-y-argentina-marcan-distancias-maduro-tras-asalto-parlamento-202001070131_noticia.html (accessed: 13.08.2020).

⁴⁶ Reyes M. Subsecretario de México dice que Bolivia es un ejemplo en reducir índices de pobreza y desigualdad social // Nodal. 15.05.2019. Available at: <https://www.nodal.am/2019/05/bolivia-evo-morales-se-reunio-con-maximiliano-reyes-zuniga-subsecretario-de-mexico-para-america-latina-y-el-caribe/> (accessed: 20.05.2020).

⁴⁷ «Четвертой трансформацией» АМЛЮ и его сторонники называют программу реформ, предложенную коалицией во главе с партией MORENA; эту программу они сравнивают с Войной за независимость, реформами президента Бенито Хуареса в XIX в. и с мексиканской революцией 1910–1917 гг.

подходы своих предшественников в отношении способов решения венесуэльской проблемы.

Еще более показательным выглядит подход Мехико к боливийскому кейсу. Правительство АМЛЮ в ходе постэлекторального кризиса и протестов против предполагаемого мошенничества при подсчете голосов высказалось за мирное разрешение ситуации [Huerta Peruero, 2019: 116] и за внутринациональный диалог, т.е. действовало в полном соответствии с доктриной Эстрады. Позднее, однако, оно заняло гораздо более жесткую позицию: «Когда часть армии требует отставки действующего президента <...>, мы считаем это не чем иным, как государственным переворотом»⁴⁸. Мексика предоставила политическое убежище Э. Моралесу, причем М. Эбрард лично вылетел за ним в Боливию. Критики обращали внимание на несколько моментов: эти действия («спасение человека, нарушившего народное волеизъявление, чтобы остаться у власти навечно», по оценке лидера правых консерваторов М. Кортеса) вызовут ухудшение отношений с США, а также с новым кабинетом Боливии⁴⁹. Заявление же М. Эбрарда о состоявшемся в Боливии «перевороте» и вовсе было воспринято временными боливийскими властями как форма вмешательства во внутренние дела другой страны.

Мы видим, однако, четкую политическую линию, такую же, как в венесуэльском вопросе: недопустимость насильственных форм смены власти и обеспечение защиты лицам, нуждающимся в убежище. Зримым отличием стали политические оценки, данные в этом случае М. Эбрардом и отсутствовавшие применительно к венесуэльской ситуации. Тут, однако, имели место и явно иные политические обстоятельства — роль вооруженных сил в деле отставки президента. Недавно завершившиеся в Боливии выборы и безоговорочная победа в первом туре кандидата MAS Л. Арсе (как и триумф MAS на выборах обеих палат парламента) показывают, что, во-первых, Мексика оказалась на стороне не «свергнутого диктатора», а большинства населения Боливии, а во-вторых, именно

⁴⁸ Secretaría de Relaciones Exteriores. Postura del Gobierno de México sobre los acontecimientos en Bolivia // Gobierno de Mexico. 11.11.2019. Available at: <https://www.gob.mx/sre/prensa/postura-del-gobierno-de-mexicosobre-los-acontecimientos-en-bolivia?idiom=es> (accessed: 12.01.2020).

⁴⁹ Najar A. Renuncia de Evo Morales: el inesperado protagonismo de México en la crisis de Bolivia al conceder asilo al líder boliviano // BBC. 12.11.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50384961> (accessed: 13.01.2020).

мирное разрешение политического кризиса стало ключом к выходу из гражданского противостояния.

В то же время показательными являются апеллирование Мексики к общим принципам права и к ООН, а также отсутствие попыток рассмотреть оба вопроса в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК, Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Это не может восприниматься иначе, как низкая приоритетность Латинской Америки для внешней политики Мехико, что зримо отличает правительство АМЛЮ от других левых кабинетов в Западном полушарии. Здесь де-факто воспроизводится позиция Мексики, выступившей против исключения Кубы из ОАГ, но при этом фактически договорившейся с Вашингтоном, что США — не желая дестабилизации стратегически расположенной Мексики — не будут на нее давить в этом вопросе [Ojeda, 1976]. На наш взгляд, преждевременно заявлять, как это делают ряд авторов [Huerta Peruyero, 2019; Тарасова, Богданов, 2020: 223], что Мексика начала возвращать себе региональное лидерство в Латинской Америке после долгих лет отсутствия. Демонстрации сдержанной и взвешенной позиции в двух важных вопросах для этого недостаточно, требуется активная роль в решении ключевых региональных или субрегиональных проблем. Инициатива Мексики по «перезапуску» СЕЛАК в качестве механизма регионального диалога, анонсированная М. Эбрардом в 2019 г.⁵⁰, так и осталась на уровне деклараций и не сопровождалась конкретными практическими шагами. Некоторый интерес представляют совместные действия АМЛЮ и президента Аргентины А. Фернандеса по разработке программы производства вакцины против COVID-19 в сотрудничестве с Университетом Оксфорда и фирмой Astra Zeneca (эта инициатива интересна именно ее межлатиноамериканским характером). Но и тут о положительном влиянии можно будет говорить только после (и в случае успеха) вакцинации.

* * *

На протяжении многих лет Мексика традиционно искала адекватные формы ответа на возникающие извне угрозы, для чего ей требовалось учитывать интересы более сильных государств. При

⁵⁰ Secretaría de Relaciones Exteriores. México presenta propuesta de plan de trabajo para la presidencia de CELAC 2020 // Gobierno de Mexico. 12.11.2019. Available at: www.gob.mx/sre/prensa/mexico-presenta-propuesta-de-plan-de-trabajo-para-la-presidencia-de-celac-2 (accessed: 20.06.2020).

этом страна сочетала активные способы участия в политике с позицией частичной самоизоляции, чтобы не вовлекаться активно в дела и конфликты, которые не считала принципиальными для себя. Географическое соседство с США серьезно детерминировало внешнюю политику Мехико, который не мог и не может позволить себе фронтальное противостояние с Вашингтоном независимо от того, какой партийной окраской обладает мексиканское правительство. Как более слабый партнер Мексика вынуждена быть прагматичной, обеспечивая защиту своих национальных интересов. В сегодняшнем глобальном мире самоизоляция стала еще менее возможной, поскольку ряд стран мира как раз выступают противовесом влиянию США.

Левое правительство АМЛО вопреки ожиданиям многих не стало прибегать ни к антиамериканской риторике (несмотря на декларации времен предвыборной кампании), ни к регулярному противостоянию с Вашингтоном. Напротив, прагматический подход при одновременном следовании модели внешней политики, сформулированной Х. Эстрадой, оказывается важнейшей характеристикой кабинета АМЛО на мировой арене. Seriously уступив Вашингтону в вопросе с мигрантами, Мехико занял четкую и независимую позицию во время венесуэльского и боливийского кризисов, продемонстрировав готовность отстаивать принципы, годами лежавшие в основе его внешнеполитической линии. В то же время не стоит преувеличивать и жесткость мексиканской позиции: в обоих случаях значимость для Вашингтона политической ситуации в латиноамериканских странах была ощутимой, но не ключевой, что давало Мексике простор для маневра.

Демонстрируя определенные характеристики прогрессивной внешней политики (венесуэльский и боливийский кейсы), АМЛО вместе с тем показывает почти полное отсутствие интереса к глобальным проблемам мирового сообщества (борьба с изменением климата, международная экономическая политика, деятельность саммитов на высшем уровне и т.п.), концентрируясь на важнейших для Мексики, но все же локальных, двусторонних отношениях с США. Такого подхода вполне достаточно, чтобы обеспечить соблюдение национальных интересов, но не хватит, чтобы — в соответствии с предвыборными обещаниями — «положить конец бедности» (поскольку отношения с США в рамках USMCA развиваются прежде всего в рамках неолиберальной парадигмы) и сделать Мексику клю-

чевым игроком на международной арене. Красивое утверждение о «внутренней политике как лучшей форме политики внешней» рискует так и остаться словами, если международная деятельность АМЛО и его кабинета не будет опираться на более комплексное, глобальное видение мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивановский З.В., Розенталь Д.М. Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 71–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-71-111.
2. Катышева О.В., Хадорич Л.В. Североамериканское направление внешней политики Мексики в начале XXI века // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 37–51.
3. Косевич Е.Ю. Мексика и реформа Совета Безопасности ООН: традиции, преемственность и перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 5 (35). С. 84–92. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-84-92.
4. Косевич Е.Ю. Мексикано-американские отношения в период президентства Барака Обамы // Латинская Америка. 2018. № 1. С. 63–75.
5. Косевич Е.Ю. Новые ориентиры внешней политики Мексики // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 23–37. DOI: 10.31857/S0044748X0006152-6.
6. Косевич Е.Ю. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0044748X0000447-0.
7. Кудеярова Н.Ю. Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 11. С. 55–70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8.
8. Манухин А.А. Мексиканские левые и вопросы внешней политики в конце XX — начале XXI в. // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 22. С. 289–316. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-22-1-289-316.
9. Мексика: парадоксы модернизации / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, 2013.
10. Тарасова Д.А., Богданов К.В. Оценка возможности регионального лидерства Мексики в Латинской Америке // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 218–225. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-1-218-225.
11. Хейфец В.Л., Роблес Эррера А. Между США и миром: внешняя политика Мексики в XXI веке // Актуальные проблемы экономики и управления. 2014. № 2 (2). С. 139–146.

12. Школяр Н.А. Мексика: к новой повестке внешнеэкономических отношений // Латинская Америка. 2018. № 10. С. 25–32. DOI: 10.31857/S0044748X0001038-0.

13. Яковлев П.П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0002312-2.

14. Benítez López J. México y la recuperación de la política exterior tradicional // *Conjeturas Sociológicas*. 2019. Vol. 20. No. 7. P. 22–67.

15. Covarrubias Velasco A. La política mexicana hacia Cuba a principios de siglo: de la no intervención a la protección de los derechos humanos // *Foro Internacional*. 2003. Vol. 43. No. 3. P. 627–644.

16. Galindo Marines A. La política exterior de México hacia el Medio Oriente: el dilema entre el compromiso y realidad. Araucaria. *Revista Iberoamericana de Filosofía* // Araucaria. *Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades*. 2012. Vol. 14. No. 28. P. 91–110.

17. Guadalupe González G., Morales Castillo R. La política de Enrique Peña Nieto hacia América Latina y el Caribe en el mundo de transición: una trama en tres actos // *Foro Internacional*. 2019. Vol. 59. No. 3–4. P. 763–808. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2640.

18. Huerta Peruyero R. Los cambios en la política exterior Mexicana hacia América Latina durante el primer año de Andrés Manuel López Obrador // 1991. *Revista de Estudios Internacionales*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 111–117.

19. Kudayarova N.Yu. México y Centroamérica en el foco de los conflictos migratorios // *Iberoamérica*. 2017. No. 1. P. 52–73.

20. Mendoza Sánchez J.C. Cien años de política exterior mexicana de Francisco I. Madero a Enrique Peña Nieto Momentos trascendentes. México: El Colegio de México, INEHRM, 2013.

21. Noyola Rodríguez A. La política exterior de México bajo AMLO: regreso a los principios básicos // *Integración regional. Una mirada crítica*. 2019. No. 4/5. P. 22–23.

22. Ojeda M. Alcances y límites de la política exterior de México. México: El Colegio de México, 1976.

23. Pellicer Silva O. México, el derrumbe de un régimen y la política exterior // *Foro Internacional*. 2019. Vol. 59. No. 3–4. P. 579–607. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2634.

24. Protsenko A.E. EE.UU — México: luces y sombras del multiculturalismo contemporáneo // *Iberoamérica*. 2009. Vol. 53. No. 2. P. 99–117.

25. Protsenko A.E. México: diversificación de la política exterior hacia Asia // *Iberoamérica*. 2013. No. 1. P. 57–80.

26. Ruiz Sandoval E. Alcances y límites de la política exterior de México en las Américas: Apuntes para la ‘Cuarta Transformación’ // *Análisis Carolina*. 2019. No. 12. P. 1–24. DOI: 10.33960/AC_12.2019.

27. Santana A. Relaciones interlatinoamericanas en los inicios del siglo XXI. México: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, UNAM, 2009.

28. Soler J.J. La Doctrina Estrada // En Revista de la Universidad de México. 2002. No. 613–614. P. 41–49.

29. Sotomayor A.C. México y la ONU en tiempos de transición: entre activismo externo, parálisis interno y crisis internacional // Foro Internacional. 2008. Vol. 48. No. 1–2. P. 238–267.

30. Toissant M. La política exterior de México hacia Centroamérica en la década de los ochenta: un balance expostfacto // Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales. 1995. Vol. 40. No. 161. P. 109–134. DOI: 10.22201/fcpys.2448492xe.1995.161.49747.

31. Yunuen Ortega Ortiz R. Seguridad, migración y comercio en las relaciones México-Estados Unidos en la era de Donald Trump // Foro Internacional. 2019. Vol. 59. No. 3–4. P. 733–762. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2639.

REFERENCES

1. Ivanovskii Z.V., Rozental' D.M. 2020. Venezuela: politicheskoe protivostoyanie i mirovye soobshchestvo [Venezuela: Political confrontation and world community]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 12, no. 2, pp. 71–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-71-111. (In Russ.)

2. Katysheva O.V., Khadorich L.V. 2018. Severoamerikanskoe napravlenie vneshnei politiki Meksiki v nachale XXI veka [North American dimension of Mexican foreign policy at the beginning of the 21st century]. *Latinskaya Amerika*, no. 4, pp. 37–51. (In Russ.)

3. Kosevich E.Yu. 2018a. Meksika i reforma Soveta Bezopasnosti OON: traditsii, preemstvennost' i perspektivy [Mexico and reform of the United Nations Security Council: Traditions, continuity and perspectives]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 8, no. 5 (35), pp. 84–92. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-84-92. (In Russ.)

4. Kosevich E.Yu. 2018b. Meksikano-amerikanskie otnosheniya v period prezidentstva Baraka Obamy [Mexican–American relations during the Barak Obama presidency]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 63–75. (In Russ.)

5. Kosevich E.Yu. 2019. Novye orientiry vneshnei politiki Meksiki [New orientations of Mexico's foreign policy]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 23–37. DOI: 10.31857/S0044748X0006152-6. (In Russ.)

6. Kosevich E.Yu. 2018c. Novye podkhody Meksiki k integratsionnym protsessam v Latinskoi Amerike [New approaches of Mexico to the integration processes in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 48–62. DOI: 10.31857/S0044748X0000447-0. (In Russ.)

7. Kudyarova N.Yu. 2019. Politizatsiya pogrannichnoi problemy: SShA i Meksika v regional'noi migratsionnoi sisteme [The South-West border problem

politicization: The U.S. and Mexico in regional migration system]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 49, no. 11, pp. 55–70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8. (In Russ.)

8. Manukhin A.A. 2019. Meksikanskije levye i voprosy vneshnei politiki v kontse XX — nachale XXI v. [The Mexican Left and foreign policy issues in the late XX — early XXI century]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 22, pp. 289–316. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-22-1-289-316. (In Russ.)

9. Davydov V.M. (ed.). 2013. *Meksika: paradoksy modernizatsii* [Mexico: Paradoxes of modernization]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

10. Tarasova D.A., Bogdanov K.V. 2020. Otsenka vozmozhnosti regional'nogo liderstva Meksiki v Latinskoj Amerike [Assessment of regional leadership potential of Mexico in Latin America]. *Via in tempore. Istorija. Politologiya*, vol. 47, no. 1, pp. 218–225. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-1-218-225. (In Russ.)

11. Jeifets V.L., Robles Herrera A. 2014. Mezhdú SShA i mirom: vneshnyaya politika Meksiki v XXI veke [Between the USA and the world: Mexican foreign policy in XXI century]. *Aktual'nye problemy ehkonomiki i upravleniya*, no. 2 (2), pp. 139–146. (In Russ.)

12. Shkolyar N.A. 2018. Meksika: k novoi povestke vneshneehkonomicheskikh otnoshenii [Mexico: Towards a new agenda in foreign economic relations]. *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 25–32. DOI: 10.31857/S0044748X0001038-0. (In Russ.)

13. Yakovlev P.P. 2018. USMCA: perezagruzka zony svobodnoi trgovovli v Severnoi Amerike [USMCA: The reloading of North American free trade zone]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0002312-2. (In Russ.)

14. Benítez López J. 2019. México y la recuperación de la política exterior tradicional. *Conjeturas Sociológicas*, vol. 20, no. 7, pp. 22–67.

15. Covarrubias Velasco A. 2003. La política mexicana hacia Cuba a principios de siglo: de la no intervención a la protección de los derechos humanos. *Foro Internacional*, vol. 43, no. 3, pp. 627–644.

16. Galindo Marín A. 2012. La política exterior de México hacia el Medio Oriente: el dilema entre el compromiso y realidad. Araucaria. *Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades*, vol. 14, no. 28, pp. 91–110.

17. Guadalupe González G., Morales Castillo R. 2019. La política de Enrique Peña Nieto hacia América Latina y el Caribe en el mundo de transición: una trama en tres actos. *Foro Internacional*, vol. 59, no. 3–4, pp. 763–808. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2640.

18. Huerta Peruyero R. 2019. Los cambios en la política exterior Mexicana hacia América Latina durante el primer año de Andrés Manuel López Obrador. 1991. *Revista de Estudios Internacionales*, vol. 1, no. 2, pp. 111–117.

19. Kudeyarova N.Yu. 2017. México y Centroamérica en el foco de los conflictos migratorios. *Iberoamérica*, no. 1, pp. 52–73.

20. Mendoza Sánchez J.C. 2013. *Cien años de política exterior mexicana de Francisco I. Madero a Enrique Peña Nieto Momentos trascendentes*. México, El Colegio de México, INEHRM.

21. Noyola Rodríguez A. 2019. La política exterior de México bajo AMLO: regreso a los principios básicos. *Integración regional. Una mirada crítica*, no. 4/5, pp. 22–23.

22. Ojeda M. 1976. *Alcances y límites de la política exterior de México*. México, El Colegio de México.

23. Pellicer Silva O. 2019. México, el derrumbe de un régimen y la política exterior. *Foro Internacional*, vol. 59, no. 3–4, pp. 579–607. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2634.

24. Protsenko A.E. 2009. EE.UU — México: luces y sombras del multiculturalismo contemporáneo. *Iberoamérica*, vol. 53, no. 2, pp. 99–117.

25. Protsenko A.E. 2013. México: diversificación de la política exterior hacia Asia. *Iberoamérica*, no. 1, pp. 57–80.

26. Ruiz Sandoval E. 2019. Alcances y límites de la política exterior de México en las Américas: Apuntes para la ‘Cuarta Transformación’. *Análisis Carolina*, no. 12, pp. 1–24. DOI: 10.33960/AC_12.2019.

27. Santana A. 2009. *Relaciones interlatinoamericanas en los inicios del siglo XXI*. México, Instituto Panamericano de Geografía e Historia, UNAM.

28. Soler J.J. 2002. La Doctrina Estrada. *En Revista de la Universidad de México*, no. 613–614, pp. 41–49.

29. Sotomayor A.C. 2008. México y la ONU en tiempos de transición: entre activismo externo, parálisis interno y crisis internacional. *Foro Internacional*, vol. 48, no. 1–2, pp. 238–267.

30. Toissant M. 1995. La política exterior de México hacia Centroamérica en la década de los ochenta: un balance expostfacto. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, vol. 40, no. 161, pp. 109–134. DOI: 10.22201/fcpys.2448492xe.1995.161.49747.

31. Yunuen Ortega Ortiz R. 2019. Seguridad, migración y comercio en las relaciones México-Estados Unidos en la era de Donald Trump. *Foro Internacional*, vol. 59, no. 3–4, pp. 733–762. DOI: 10.24201/fi.v59i3-4.2639.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-203-216

Рецензия / Book Review

М.В. Ноженко*

МНОГОЛИКОСТЬ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА

Рецензия на книгу «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуневой и А.И. Тэвдой-Бурмули**

*Северо-Западный институт управления,
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС)
199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43*

Рецензия посвящена новой коллективной монографии под редакцией Л.С. Окуневой и А.И. Тэвдой-Бурмули «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности», вышедшей в свет в 2020 г. В ней отмечается, что в последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике популизма как в отечественной, так и в зарубежной академической литературе. При этом в научном сообществе нет единодушия в оценках природы и содержания феномена популизма, его роли в политических системах отдельных стран и регионов, перспектив дальнейшего развития. В этом контексте рассматриваемая коллективная монография, отличающаяся широтой географического и тематического охвата, безусловно, является актуальной. В то же время в рецензии отмечается, что эта широта авторского замысла провоцирует и критические замечания. Так, рецензент указывает на определенные диспропорции в структуре рассматриваемой книги и некоторую эклектичность изложения материала. Последняя особенность во многом является порождением разных взглядов на природу популизма, которых придерживаются авторы. Как следствие, по мнению рецензента, представленное исследование правильнее рассматривать как сборник статей, объединенных общей темой, чем как коллективную монографию с единой теоретико-методологической рамкой. Однако указанное обстоятельство ни в коей мере не принижает научного вклада каждого

* *Ноженко Мария Владимировна* — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ прикладного политического анализа Северо-Западного института управления РАНХиГС (e-mail: nozhenko-mv@ranepa.ru).

** *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* / Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет, 2020.

отдельного автора и значения книги в целом. Рецензент останавливается на каждой главе, кратко суммируя авторскую позицию и комментируя основные выводы. По мнению рецензента, проделанная авторами книги работа вносит значительный научный вклад в изучение проблематики правого популизма и ставит новые исследовательские вопросы. В целом книга наглядно демонстрирует противоречивость феномена популизма, его имманентную связь с современными тенденциями развития политических систем, а также выявляет социально-психологические факторы, обуславливающие популярность популистских установок и идей.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, партийная система, правые партии, национализм, антиэлитизм, глобализация, нативизм.

Для цитирования: Ноженко М.В. Многоликость правого популизма. Рецензия на книгу «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуневой и А.И. Тэвдой-Бурмули // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 203–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-203-216.

Maria V. Nozhenko

MANY FACES OF THE RIGHT-WING POPULISM

***Book review of ‘Right-wing populism:
Global trend and regional features’,
edited by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoi-Burmuli***

*North-West Institute of Management
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
57/43 Sredny prospect VO, St. Petersburg, Russia, 199178*

The review examines a new collective monograph edited by L.S. Okuneva and A.I. Tevdoi-Burmuli: ‘Right-wing populism: Global trend and regional features’, published in 2020. The reviewer notes that a growing interest in both Russian and foreign academic community towards the phenomenon of populism has been witnessed in recent years. However, scholars still haven’t reached a consensus on the nature and content of this phenomenon, its role in the political systems of individual countries and regions, as well as on prospects for its further development. In this regard the book under review which provides a broad geographical

and thematic perspective coverage is of particular relevance. At the same time, the reviewer notes that this very breadth provokes critical comments. For instance, the reviewer points to certain imbalances in the structure of the book, as well as some inconsistencies in the authors' narratives. The latter may be related to the fact that the authors have widely differing approaches to the nature of populism. As a result, the book under review should be considered as a collection of essays united by a common theme rather than a collective monograph based on a common theoretical and methodological framework. However, this in no way downplays academic contribution of each individual author and the relevance of the book as a whole. The reviewer examines each chapter, briefly presenting the author's position and the key findings, and concludes that the book in general contributes significantly to the academic study of the right-wing populism and raises new research questions. With regard to the latter, the book highlights both the ambiguity of populism, its immanent connection with modern trends in the development of political systems, and the social and psychological factors that contribute to the growing popularity of populist ideas.

Keywords: populism, right-wing populism, party system, right-wing parties, nationalism, anti-elitism, globalization, nativism.

About the author: *Maria V. Nozhenko* — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Laboratory for Applied Policy Analysis, North-West Institute of Management Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: nozhenko-mv@ranepa.ru).

For citation: Nozhenko M.V. 2021. Many faces of the right-wing populism. Book review of 'Right-wing populism: Global trend and regional features' ed. by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoi-Burmuli. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 203–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-203-216. (In Russ.)

В 1969 г. Г. Ионеску и Э. Геллнер в своем введении к сборнику статей «Популизм: его значение и национальный характер», перефразируя известное изречение К. Маркса и Ф. Энгельса, написали: «Призрак бродит по Европе, призрак популизма»¹. Спустя 50 лет немецкий писатель, публицист, переводчик, бывший политический советник канцлера Г. Коля М. Мертис с этих же строк начал свою статью о немецком популизме в общеевропейском контексте,

¹ Мюллер Я.-В. Что такое популизм. М.: ВШЭ, 2018. С. 22.

добавив: «Все интеллектуальные силы старой Европы вступили в либеральный союз, призванный изгнать его»².

За последние полвека популизм стал объектом пристального внимания со стороны не только академического сообщества, но также политических и общественных деятелей, журналистов и даже популярных блогеров. Например, в блоге германской еженедельной газеты *Der Freitag* в 2011 г. появилась статья «Правый популизм: безобразная гримаса Европы», автор которой выделял несколько типов правого популизма в Старом Свете: «альпийский» (Австрия, Швейцария), «северный» (Дания, Норвегия, Швеция), «фламандский» (особый тип сепаратистского популизма), «нидерландский» (базирующийся на угрозе ислама для демократии), «берлусконизм» (Италия) и восточноевропейский правый популизм, в основе которого — антикоммунистические установки³.

Усиление позиций популизма не только в Европе, но и на обоих американских континентах в течение 2010-х годов не могло остаться без внимания и в России. Проблема популизма обсуждалась на страницах совершенно разных изданий. Например, в апреле 2017 г. ректор РАНХиГС В. Мау опубликовал в *Forbes* статью, посвященную популизму, с говорящим названием: «Потеря ориентира. Как популизм стал одной из ключевых проблем политической повестки развитых стран». Автор пришел к выводу, что «в основе популизма лежат <...> экономические факторы»⁴. В ноябре 2018 г. интернет-издание «Медуза» выпустило инструкцию «для широкого пользования» по идентификации политиков-популистов⁵.

Популизм стал объектом и отечественных научных исследований. В последние годы повышенный исследовательский интерес

² Меррес М. Немецкий популизм в европейском контексте // Неприкосновенный запас. 2019. № 121. С. 62.

³ Rechter Populismus: Die häßliche Fratze Europas // *Der Freitag*. Available at: <https://www.freitag.de/autoren/wienerblut/rechter-populismus-die-hassliche-fratze-europas> (accessed: 26.11.2020).

⁴ Мау В. Потеря ориентира. Как популизм стал одной из ключевых проблем политической повестки в развитых странах // *Forbes*. Доступ: <https://www.forbes.ru/biznes/341373-poterya-orientira-kak-populizm-stal-odnoy-iz-klyuchevykh-problem-politicheskoy-povestki> (дата обращения: 27.11.2020).

⁵ Карцев Д. Как понять, что политик — популист, и насколько он может быть опасен. Инструкция «Медузы» // *Meduza*. Доступ: <https://meduza.io/slides/kak-popyat-cto-politik-populist-i-naskolko-on-mozhet-byt-opasen-instruktsiya-meduzy> (дата обращения: 26.11.2020).

привлек и особый тип популизма — правый⁶. Несмотря на то что почти все авторы академических статей отмечают отсутствие одной устоявшейся дефиниции понятия «популизм», они, как правило, опираются на выделяемые зарубежными учеными характерные черты этого явления, а именно: антиэлитизм, антиплюрализм и самоотжествление с народной волей⁷. По сути, «популисты выступают в роли защитников добропорядочного, забытого политическим истеблишментом “простого народа”»⁸. Другими словами, популизм позиционируется как способ наделения голосом тех групп населения, о чьих интересах забывают элиты⁹, как механизм возвращения в политическую повестку тех проблем, которые считались давно решенными¹⁰. Отличительная черта правого популизма — «наличие в его идеологической базе национализма»¹¹. При этом исследователи отмечают, что правые популисты не являются экстремистами. Для радикальных правых политических течений и организаций характерно желание не просто получить власть, но разрушить систему представительства, в то время как правые популисты стремятся «прийти к власти, привлекая электорат в рамках сложившихся демократических процедур»¹².

Примечательно, что в России параллельно с научным анализом популизма публикуются и работы, содержащие идеи, которые можно охарактеризовать как правопопулистские. Так, в 2012 г. вышел русскоязычный перевод нашумевшей книги Т. Саррацина «Герма-

⁶ См., например: Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 19–33; Грабов К. Правый национальный популизм в Западной Европе // Популизм как общий вызов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 58–66; Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 123–138; Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: Институт Европы РАН, 2019; Опилкин А.С. Правый популизм в Западной Европе: особенности политического спроса // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 3 (60). С. 79–92; Стракевич А.А. К вопросу о перспективах трансграничного правого популизма в Европейском союзе // Мировая политика. 2020. № 3. С. 51–59.

⁷ Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Указ. соч. С. 19.

⁸ Грабов К. Указ. соч. С. 64.

⁹ Осколков П.В. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁰ Опилкин А.С. Указ. соч. С. 86.

¹¹ Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Указ. соч. С. 21.

¹² Осколков П.В. Указ. соч. С. 13.

ния самоликвидируется» (Deutschland schafft sich ab)¹³. В 2017 г. на русском языке была опубликована книга, написанная в соавторстве бывшим премьер-министром и вторым президентом Чехии В. Клаусом¹⁴. Одним из основных пунктов этой не очень объемной работы является обвинение элит Европейского союза в стремлении ослабить общества государств — членов ЕС, заменив «настоящих европейцев» более «послушными» новыми жителями — иммигрантами. Такая теория «великого замещения» «коренного» населения Европы иммигрантами характерна для правого популизма¹⁵. В связи с этим его анализ отечественными учеными принципиально важен не только для понимания происходящего в других странах, но и для осмысления тех идей, которые циркулируют в российском обществе.

Актуальность новой книги «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуновой и А.И. Тэвдой-Бурмули не вызывает сомнений. В авторский коллектив монографии вошли представители политических наук и историки, что сделало взгляд на рассматриваемую проблематику разносторонним и позволило уделить внимание как анализу конкретных кейсов, так и общетеоретическим вопросам.

Книга состоит из двух разделов: «Феномен правого популизма в Европе» (раздел 1) и «Правый популизм в США и Латинской Америке» (раздел 2). Первый, европейский раздел включает 14 глав, второй — 4 главы. При этом бросается в глаза еще одна диспропорция: из четырех глав второго раздела три посвящены США.

Книга позиционируется как монография, но фактически она представляет собой скорее сборник статей, объединенных одной общей темой — осмыслением популизма как феномена, утвердившегося в политической жизни многих современных обществ. Так, с одной стороны, во введении (автор — П.В. Осколков) задана аналитическая рамка, согласно которой правый популизм предстает как направленная на достижение электоральных успехов политическая стратегия, сочетающая национализм, антиэлитизм, антиплюрализм (народ как однородная группа) и самоотождествление с народной волей (с. 14).

¹³ В русском переводе книга вышла под названием «Германия: самоликвидация»: Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012.

¹⁴ Клаус В., Вейгл И. ООО «Переселение народов»: Краткое пособие для понимания современного миграционного кризиса. М.: Институт Гайдара, 2017.

¹⁵ Осколков П.В. Указ. соч. С. 57–59.

В качестве общей единицы анализа были выбраны политические партии, действующие на общенациональном уровне. С другой стороны, многие главы книги начинаются с рассмотрения самого понятия «популизм» и наполнения его различными, авторскими смыслами: от реакции «укорененных в своих государствах народных масс <...> на процессы глобализации» (с. 58) до идеологического концепта, «что политика должна быть выражением общей воли народа» (с. 75). Единицами анализа служат не только политические партии, но и общественные движения (например, «желтые жилеты» во Франции), а также отдельные политики (Д. Трамп) и даже социальные группы (религиозные правые в США).

Выбранный для анализа авторами эмпирический материал оказался выходящим далеко за очерченные во введении теоретико-методологические рамки. В результате некоторые авторы либо вообще не следовали предложенной аналитической схеме, либо обнаруживали проявления правого популизма в деятельности «основных» политических партий, отдельных политиков или общественных течений, сосредоточив на них первоочередное внимание. Даже в главах, посвященных рассмотрению правых популистских политических партий, далеко не всегда использовались предложенные в начале работы переменные для анализа, а именно уровень представленности в парламенте; характер национализма; виктимные группы; роль биополитики и геополитики; степень антиэлитизма и характер требований прямой демократии (с. 21–22).

Временные рамки анализа правого популизма не были четко очерчены. В большинстве глав рассматривается актуальная ситуация или прослеживается динамика роста популярности правых популистских политических партий в течение последних двух десятилетий. Однако в ряде случаев авторы дают исторический экскурс, иногда уходя даже в вековое прошлое. В итоге некоторые главы являются скорее исторической справкой о возникновении правых идей и деятельности организаций и движений, такие идеи исповедующих. Другие главы, напротив, содержат описание результатов исследований отдельных аспектов правого популизма. Есть и главы, в которых представлен чрезвычайно интересный и содержащий глубокие и нетривиальные выводы анализ проявлений популизма (не только правого) в странах и регионах.

В связи с тем, что работа, как было отмечено выше, походит больше на сборник статей, чем на коллективную монографию, пред-

ставляется целесообразным отдельно остановиться на содержании каждой из глав, составляющих книгу.

В главе 1 «Особенности правого популизма в Великобритании», автором которой является Н.К. Капитонова, правые популисты представлены «Партией независимости Соединенного Королевства» (ПНСК). Эта политическая организация не имела успехов на выборах общенационального уровня. Все ее относительные электоральные достижения можно обнаружить только на выборах «второго порядка»: на местном уровне и при голосовании за кандидатов в Европейский парламент. Поскольку сама ПНСК и ее деятельность дают не так много материала для анализа и выводов о правом популизме в Великобритании, автор главы сосредоточивается на истории Брекзита и приходит к выводу, что правый популизм был «оккупирован» консерваторами во главе с Б. Джонсоном.

Две следующие главы книги — глава 2 «Электоральные успехи «Альтернативы для Германии» и феномен квазиоднопартийности» (автор — С.И. Дмитриева) и глава 3 «Новый германский популизм» (автор — С.В. Погорельская). В первой основное внимание уделено политической партии, сумевшей в течение нескольких лет заручиться серьезной электоральной поддержкой на разных уровнях, включая и общенациональный, — «Альтернативе для Германии» (АдГ). Автор рассматривает разные трактовки ее популярности, демонстрируя, что простые объяснительные схемы расколов «город — деревня» и «восток — запад» в этом случае не работают. Более убедительными причинами, на ее взгляд, выступают общий кризис неолиберализма, процессы глобализации, а также квазиоднопартийность. Последняя представляет собой характерную для современной Германии ситуацию, когда большая коалиция выступает как своего рода «партия власти», утратившая тесную связь со своим электоратом. При квазиоднопартийности любая политическая сила, которая транслирует отклоняющиеся «от центра» идеи, становится интересной для избирателя. АдГ удалось стать голосом тех, о ком «забыла» большая коалиция, — рабочих мужчин, представителей «автохтонного» населения Германии. В главе 3 речь идет о новом германском популизме, не только правом, но и левом. Автор рассматривает Национально-демократическую партию Германии (НДПГ), нередко относимую исследователями к разряду ультраправых, а также Партию демократического социализма (ПДС), которая смогла сохранить существенное количество сторонников

в объединенной Германии и стать основой для современной Левой партии (Die Linke). Автор главы приходит к выводу, что лозунг социальной справедливости актуален и для социализма, и для национализма, обнаруживая тем самым сходство левого и правого популизма в Германии.

В главе 4 «Движение “желтых жилетов” и правый популизм в современной Франции: особенности взаимосвязи» ее автор, И.Э. Магадеев, ставит целый ряд важных вопросов, ответы на которые помогают прояснить природу «желтых жилетов» (ЖЖ). Во-первых, он задается вопросом, является ли движение ЖЖ народным или популистским? Если это популистское движение, то какого толка — левого или правого? Для ответа на эти вопросы автор анализирует настроения ЖЖ по пяти параметрам: «1) отношение к миграции и иммигрантам; 2) антисемитские настроения; 3) наличие/отсутствие антикапиталистических настроений; 4) политические символы движения; 5) соотношение движения ЖЖ с классическим примером правого популизма из прошлого Франции — пужадизмом» (с. 92). В результате И.Э. Магадеев приходит к следующим выводам. Хотя тема миграции и присутствовала в риторике ЖЖ, но в целом показатели антииммигрантских настроений среди них сопоставимы с общефранцузскими. Антисемитизм присущ некоторым участникам движения, но не является широко распространенным в среде ЖЖ. Они критикуют капитализм в целом, но не конкретные предприятия, и имеют слабую связь с профсоюзами. Символика движения мало пересекается с французскими левыми. У ЖЖ есть определенные сходства в социальной базе с пужадизмом, но в политической направленности и организационных структурах прослеживаются явные расхождения. Автор заключает, что «желтые жилеты» трудно охарактеризовать как популистское движение, а также отнести его однозначно к левому или правому течению.

Основным вопросом главы 5 «Экономические программы правых популистов в Нидерландах», написанной Е.А. Сергеевым, является оценка полноты экономического компонента в программах правых популистских политических партий в Нидерландах — «Партии свободы» и «Форума за демократию». Автор приходит к выводу, что экономические вопросы занимают важное место в программах, имея при этом явный популистский характер. Так, в положениях программ прослеживаются экономическая дискриминация определенных социальных групп (иммигрантов), антиэлитизм и поощрение

«пострадавших». В то же время Е.А. Сергеев обнаружил в программах сочетание популистских требований как правого (уменьшение налогов), так и левого толка (снижение пенсионного возраста, увеличение ряда пособий). Важным, на мой взгляд, является вывод о том, что экономические положения имеют частный характер, т.е. нацелены на реформирование некоторых экономических аспектов, но не системы в целом. Таким образом, «Партия свободы» и «Форум за демократию» стремятся расширить свои электоральные базы за счет точечных инициатив, одновременно пытаясь не отпугнуть избирателя призывом к радикальным изменениям. Единственное радикальное требование, содержащееся в партийных программах, — это выход Нидерландов из состава Европейского союза.

В главе 6 «Правый популизм в контексте партийно-политической системы Испании», написанной Н.Е. Аникеевой, речь идет об испанской партии «Вокс» («Голос»), получившей в 2019 г. на общенациональных выборах существенную электоральную поддержку (24 мандата) и сумевшей несколькими месяцами позже, на повторных выборах, удвоить свой успех (52 мандата). Как демонстрирует автор, причинами успеха «Вокс» являются разочарование избирателей в традиционных партиях, недовольство глобализацией, а также рост националистических настроений и стремление к унитаризму. Так, партии свойственны явная антииммигрантская риторика, защита традиционных ценностей (семья, католическая вера), а также критика децентрализованной системы территориального устройства, угрожающей единству страны. Одним из важных выводов этой главы, на мой взгляд, является демонстрация того, что поддержка правых популистов может быть связана не только с боязнью угроз извне, но и с «внутренними тревогами».

Следующие две главы посвящены анализу популизма в Италии. В главе 7 «Италия, Европа и “популистский интернационал”», подготовленной Т.В. Зоной, рассматриваются «Движение 5 звезд» и партия «Лига». В главе 8 «Идеологические основы правого популизма в Италии», написанной М.О. Шибковой, основной акцент сделан на партии «Вперед, Италия», представляющей собой «партию-предприятие», тесно переплетенную с холдингом С. Берлускони, а также на партии «Лига» (бывшая «Лига Севера»). Автор выделяет идеологические компоненты популизма итальянских правых. Во-первых, это ставка на народное единство, характерная сейчас не только для партии «Вперед, Италия», но и для «Лиги». Так, партия

«Лига», изначально отстаивавшая региональные интересы и выступавшая сторонницей европейской интеграции, превратилась в общегосударственную политическую силу с явным евроскептицизмом. Во-вторых, обе партии критикуют элиты, «технократов из ЕС» и международные финансовые организации. В-третьих, и «Вперед, Италия», и «Лига» ведут дискуссии о демократии: первая выступала за реформу правосудия, а со стороны второй звучали требования прямой демократии. В-четвертых, итальянские правые популисты используют и образ «других», который наиболее четко проявляется в антииммигрантской риторике «Лиги».

В двух следующих главах представлен правый популизм в странах Северной Европы и Балтии. Глава 9 «Электоральные успехи правопопулистских партий в Финляндии, Швеции и Норвегии», подготовленная А. Филипович, представляет собой обзор динамики электоральной поддержки правопопулистских партий «Истинные финны» (Финляндия), «Шведские демократы» (Швеция) и «Партия прогресса» (Норвегия). Автор приходит к выводу, что правый популизм является значимым фактором на политической арене стран Северной Европы. В главе 10 «Правый популизм и его влияние на партийно-политический ландшафт в странах Балтии и Финляндии в конце 2010-х гг.», написанной В.В. Воротниковым, подчеркивается сложность применения традиционных дихотомий (особенно «свой–чужой») для маркировки партий как правопопулистских в указанном регионе, где важную роль играет российский фактор, а в случае Латвии и Эстонии — также институт «неграждан».

В главах 11 и 12 рассматриваются примеры становления и развития правых идеологий на Балканском полуострове. Подчеркивается специфика правого популизма в этом регионе, заключающаяся в переплетении его с радикальными правыми установками. В главе 11 «Крайние правые политические силы Румынии после 1989 г.», написанной И.С. Путинцевым и В.Б. Кирилловым, представлены истории «Партии национального единства Румынии» и партии «Великая Румыния». Основная часть главы — это обширный исторический экскурс в формирование националистической идеологии в Румынии начиная с XIX в., а также описание деятельности крайних правых партий в течение 1990–2000-х годов. В главе 12 «Особенности правого популизма в Балканских странах», подготовленной В.Б. Кирилловым и Ю.А. Буланниковой, также приводится исторический обзор развития правых идей на Балканах, а основной акцент сделан на

государствах, входивших прежде в СФРЮ. Авторы отмечают, что пик популярности правых идей в этом регионе пришелся на 1990-е годы. Одной из отличительных черт правых политических партий в странах Балканского полуострова является слабая выраженность евроскептических установок.

В двух заключительных главах первого раздела речь идет не о конкретных примерах правого популизма, а о характерных чертах этого явления. В главе 13 «Правый популизм и “новый антисемитизм” в современной Европе» (автор — П.В. Осколков) поставлен вопрос о том, выступают ли евреи в качестве «других» в риторике современных правых популистов в Старом Свете. Автор приходит к выводу, что поскольку правый популизм стремится действовать в рамках существующих демократических систем и «нормализовать» свой дискурс, он отходит от свойственных правым радикалам позиций, например от явного антисемитизма. В главе 14 «Когнитивные факторы усиления антиглобалистских настроений праворадикальных избирателей» (автор — А.О. Доманов) рассмотрены обстоятельства, способствующие увеличению электорального ресурса праворадикальных партий. Автор анализирует фазы осмысления глобализации и особенности восприятия информации противниками этого процесса.

В главе 15 «Правый популизм в США: традиция и современность» (автор — В.О. Печатнов), открывающей второй раздел книги, сделан вывод, что Республиканская партия является «пристанищем правого популизма» в США. Особое внимание автор уделяет правопопулистской риторике Д. Трампа, выделяя такие ее характерные черты, как критика глобализации и опирающихся на поддержку иммигрантов элит, а также акцент на угрозе со стороны иностранных государств, использующих США в своих интересах. В.О. Печатнов приходит к заключению, что поддержка правого популизма в Соединенных Штатах — это «традиционалистский протест уходящей белой Америки» (с. 308). Одним из важных пунктов, на мой взгляд, является и акцентирование внимания на активном использовании Д. Трампом (позиционирующим себя как критика глобализации) социальных сетей для прямого обращения к своим сторонникам.

В главе 16 «Внешнеполитические аспекты правого популизма: кейс президентства Д. Трампа» (автор — Л.М. Соколышник) продолжается рассмотрение риторики 45-го президента США. Однако здесь основное внимание автора сосредоточено на внешнеполитическом

измерении правого популизма Д. Трампа, а именно на изоляционизме, протекционизме и ограничениях иммиграции.

Объемная и информативная глава 17 «Правый популизм в Бразилии в XXI в. и его отголоски в других латиноамериканских странах», написанная Л.С. Окуновой, прослеживает становление правопопулистских идей в Латинской Америке. Сосредоточив свое основное внимание на Бразилии, автор рассматривает динамику развития правого популизма от периода правления Ж. Варгаса до президентства Ф. Коллора и современного облика популистских идей в риторике и действиях Ж. Болсонару. Л.С. Окунева приходит к выводу, что в бразильском правом популизме можно найти как отражение свойственных Старому Свету и США процессов, так и специфические черты, вызванные одновременностью множества кризисов и неспособностью традиционных политических партий предложить из них выход. Нынешний президент Ж. Болсонару олицетворяет собой новое лидерство, воплощенное в харизматичном политике, и активно использует, как и его северный коллега, социальные сети для «прямого разговора с народом». Вместе с тем современный правый популизм в Бразилии, хотя и базируется на национализме и консерватизме, не включает изоляционизм и закрытие рынков для внешних инвесторов (т.е. экономический национализм).

В заключительной главе 18 «Гендерная проблематика в дискурсе новых религиозных правых в США», подготовленной А.В. Крыжановским, в центре рассмотрения находятся движения религиозных правых. Автор отмечает, что хотя после окончания холодной войны их позиции в Соединенных Штатах существенно ослабли, в стране сохраняются группы интересов, оказывающие влияние на политическую повестку.

После прочтения книги читатели могут прийти ко многим интересным выводам о природе и характере правого популизма. Для меня лично важными оказались три заключения. Во-первых, авторы демонстрируют, что хотя для правого популизма зачастую характерен национальный изоляционизм (как реакция на интеграционные проекты и глобализацию), в ряде случаев правые популисты активно используют социальные сети для непосредственного общения с избирателями. Таким образом, неотъемлемая составляющая глобального мира — новые средства коммуникации — становится действенным инструментом в руках правых популистов. Во-вторых, анализ некоторых кейсов показывает, что одной из причин популяр-

ности этих политиков является трансформация партийных систем, при которой идеологические расколы перестают играть важную роль, а традиционные партии все больше тяготеют к центру. В связи с этим те политические партии и отдельные политики, которые отклоняются от центра (неважно, влево или вправо), оказываются заметными и привлекательными для избирателей. В-третьих, исследование ряда случаев подтверждает тезис о том, что правые популисты заново привносят в политическую повестку вопросы, которые традиционные элиты считали давно решенными. Концентрация элит на проблемах тех социальных групп, которые прежде были «невидимы» (или даже подвергались дискриминации), создает впечатление об угрозе для тех категорий, интересы которых прежде доминировали в политике. Этими страхами пользуются правые популисты, заявляя о себе как о хранителях традиционных ценностей, выступающих от лица «исконного» населения или большинства.

В целом, несмотря на некоторую эклектичность, работа «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» является несомненным вкладом в научное осмысление рассматриваемого феномена. Более того, на мой взгляд, эта книга может быть интересна не только представителям академического сообщества, но и широкому кругу читателей.